

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Пермский государственный
университет»

Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии

Материалы и исследования

Часть 1

Пермь 2007

УДК 81'286 (470.53)
ББК 81.2-67 (2 Рос-4 Пер)
Ж 66

Ж 66 **Живая** речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования /отв. ред. И.И. Русинова; Перм. ун-т. – Пермь, 2007. – Часть 1. – 170 с.

ISBN 5-7944-0998-3

В сборнике опубликованы статьи и материалы пермских ученых, занимающихся исследованием живой речи региона как синхронном, так и в диахронном аспектах. В работах представлены результаты изучения диалектной речи, просторечия, речи местных СМИ, разговорной речи предшествующих эпох. Материалы сборника содержат образцы живой речи, а также лексикографические разработки и словарные статьи будущих пермских словарей.

Издание предназначено для широкого круга исследователей русского языка.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного университета

Издание осуществлено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» РНП.2.1.3.3440

Рецензенты:

Ю.А. Левицкий, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета,
кафедра русского языка Пермского государственного педагогического университета

УДК УДК 81'286 (470.53)
ББК ББК 81.2-67 (2 Рос-4 Пер)

ISBN 5-7944-0998-3

© ГОУ ВПО «Пермский государственный университет, 2007
© Коллектив авторов, 2007

Содержание

ИСТОРИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ ПЕРМСКОЙ ЛЕКСИКИ

Полякова Е.Н. Русская речь Пермского края в историческом аспекте (XIII-XVIII вв.)

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. О принципах издания рукописных материалов из архива Соликамского Святотроицкого мужского монастыря

Потапова Н.П. Русские слова с корнем *pars в сопоставлении с однокоренными словами в чешском языке

Белова Л.А. Об одной особенности отвлеченного словаря деловой письменности XVII в.

Ефимова А.В. Слово *костёр* в пермских говорах

Архипенкова И.С. Группа слов с корнем -бус- 'мучная пыль' в русских диалектах XIX-XX вв.

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Ерофеева Е.В. Языковая ситуация Прикамья: формирование и современное состояние

Ерофеева Т.И. Локальная единица в речевом узусе современного города

Овчинникова И.Г., Черепанова Л.Л. Дискурс СМИ: речевое поведение журналиста и качество сообщения по оценкам горожан

Кривощкова Л.В., Лобанова А.С. Русские термины родства в современном коми-пермяцком языке

ОНОМАСТИКА ПЕРМСКОГО КРАЯ

Гордеева О.В. Топонимы Кама и Волга в русском фольклоре Пермского края

Поздеева С.М. Иноязычные основы в кунгурской топонимии Прикамья

Васнева О.И. Имя собственное в демонологической лексике (на материале пермских говоров)

Симушова О.Н. Именования женщин в малых населенных пунктах в диахроническом аспекте (на материале дневника М.П. Сусловой)

Шкляева Т.Ю. Антропонимы в ойконимии Соликамского района Пермского края

ИСТОРИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ ПЕРМСКОЙ ЛЕКСИКИ

Русская речь Пермского края в историческом аспекте (XIII-XVIII века)*

Е.Н. Полякова

Пермский край (в прошлом Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ) расположен в Верхнем и Среднем Прикамье. Он граничит на востоке со Свердловской областью, на юге с Башкортостаном, на западе с Удмуртией и Кировской областью, на севере с Республикой Коми. Территория края – 160,2 тыс. кв. км.

Реконструировать в деталях языковую ситуацию в Прикамье на протяжении нескольких столетий весьма сложно. Однако возможно установить основные источники и условия сложения и развития пермских говоров и просторечия, результаты отражения в речи взаимодействия русских с представителями других народов Прикамья, а также результаты влияния на разговорную речь письменной культуры – церковно-книжного и делового языка прошлых эпох. Все это в целом позволяет обрисовать особенности и динамику русской речи в Пермском крае в разные периоды его истории.

Материалом для рассмотрения поставленных проблем послужили прежде всего лингвистические источники – данные пермских говоров и памятников письменности (с XVI в.), причем в основном лексика и ономастика Прикамья, которые автор настоящей статьи и его коллеги исследовали на протяжении полувека. Вместе с тем бесценными для данной работы оказались материалы и исследования по археологии, истории и этнографии края, без которых невозможно представление о его жителях и их разговорной речи.

Археологи отмечают, что человек появился на территории Прикамья еще в каменном веке, на протяжении многих тысячелетий здесь проходили пути различных племен и народов, но свидетельства об их языках, их речи не сохранились. Лишь топонимия дает некоторые сведения для лингвистических исследований, так как географические имена собственные, особенно гидронимы, живут иногда на протяжении столетий, а возможно, и тысячелетий.

Самым древним из сохранившихся гидронимов Пермского края является название основной реки – Кама. Существует немало версий его происхождения. Самой привлекательной представляется гипотеза, в соответствии с которой, этот пермский гидроним рассматривается в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 06-04-82406 а/У и Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» № РНП 2.1.3.3440.

ряду похожих названий рек: Кемь в Карелии, Кема и Кьяма в Вологодской области, Кама в бассейне Тавды (Свердловская область), Кама – притоки Конды (Тюменская область) и Оми (Новосибирская область). Эти гидронимы близки географическим апелляциям, назвающим реку, поток, течение, ср.: финское *кюми* ‘поток, течение’, тувинское *хем* ‘река’, *кам* – в Бухаре ‘большой полноводный канал’. Видимо, в основе исследуемых гидронимов лежит очень древний географический термин со значением ‘река’, от которого и образованы названия рек в различных языках Евразии [Матвеев, 1987, 87].

Для Прикамья эта гипотеза актуальна, так как, во-первых, она дает предположительный «перевод» основного гидронима Пермского края (Кама – ‘Река’) и, во-вторых, в какой-то мере очерчивает территорию, где возникали гидронимы с корнем *кам / кем*, – север Восточной Европы и Западной Сибири, области формирования финно-угорских языков.

Другие версии происхождения названия Кама скорее говорят не о его возникновении, а об осмыслении уже существовавшего гидронима, с которым сталкивались носители какого-либо языка тогда, когда старое значение слова им было неизвестно или утрачено, забыто. Например, для носителей обско-угорских диалектов Кама – ‘Чистая река’, так как там *кам* – ‘чистый, прозрачный’. Для удмуртов Кама (Кам-Шур) – ‘Длинная река’, потому что у них *кам* – ‘длинный’, а *шур* – ‘река, ручей’. Исследователи коми-пермяцкого языка, формировавшегося в бассейне Верхней Камы, сопоставляют гидроним с названием Комму (из *ком* ‘человек’ и *му* ‘земля’), полагая, что название реки возникло из названия края, земли, где обитали коми [Кривошекова-Гантман, 1973, 76-82].

Пермский край первоначально заселялся русскими с севера. Они шли на территорию, называемую Пермью Великой, через бассейн Вычегды, образующей вместе с Сухоней Северную Двину. Использовались разные пути проникновения в Прикамье: по левому притоку Вычегды – реке Нем – попадали на Немский (Бухонин) волок, ведущий к притоку Березовки, впадающей в Чусовское озеро. Из Чусовского озера шел прямой путь по рекам Вишерке, Колве, Вишере в Каму. О том, что эта дорога использовалась на протяжении столетий, свидетельствуют историки. Полагают, что по нему прошло в 1472 г. войско Федора Пестрого, спустившегося на плотах до Искора и Чердыни [Кривошеков, 1914, 241]. В результате этого похода Пермь Великая официально стала частью Московского государства. В XVI в. этот волок упоминается в хорошо известном в Европе сочинении «Записки о Московских делах» немецкого дипломата Зигмунда Герберштейна, совершившего путешествие по России в 1517 и 1526 гг.

[СИЭ, 4, 256]. В писцовой книге 1623-1624 гг. по Перми Великой упоминается Немский волок, сданный в оброк крестьянину чердынского погоста (ныне село) Вильгорт Ивашке Сидорову сыну Бухонину (он же Бухоня), по прозвищу которого и получил название. Видимо, волок использовался постоянно, (здесь приходилось расчищать дорогу в лесу и по болотам), и было выгодно взять его на оброк.

Другой путь с севера шел с левого притока Вычегды – Северной Кельтмы – на волок к Южной Кельтме – левому притоку Камы. В XVIII в. на этом пути между Северной и Южной Кельтмой был прорыт Ектерининский (он же Северо-Екатерининский) канал. После его сооружения стали реже пользоваться Немским (Бухониным) волоком. Однако впоследствии канал мало использовался и был заброшен.

Попадали в Прикамье и с Печоры: по ее притоку Волоснице на Печорский волок, с которого шел уже водный путь по рекам Вогулке, Еловке, Березовке в Чусовское озеро. Использовался и путь с Вятской земли, откуда попадали в Прикамье в основном по Каме, верховья которой находятся в современной Кировской области и Удмуртии, или по ее правым притокам.

Русскую речь в Верхнем Прикамье (Северном Прикамье) можно было услышать уже в XI-XII вв. Но в ту эпоху были только редкие посещения края русскими. Здесь появлялись отдельные группы (дружины) новгородцев, которых Северный Урал привлекал своим пушным богатством. Они приходили и уходили, а если кто-то и оставался на постоянное жительство, то это были лишь отдельные случаи, никак не влиявшие на языковую ситуацию в Пермском крае, на севере которого, куда прибывали русские, звучала финно-угорская речь местного населения, весьма редкого, но расселившегося на обширной территории.

Русское оседлое население появляется в Верхнем Прикамье в XIII-XIV вв., о чем свидетельствуют летописи и материалы археологических раскопок [Оборин, Балашенко, 1968, 44]. В XV в. русские (новгородцы и двинцы – с Северной Двины) жили здесь в укрепленных городках (Анфалов городок, Искор, Покча, Чердынь, Урос). В 1430 г. в низовьях реки Усолки (ныне город Соликамск) вологодцами Калининскими была развернута добыча соли, в 1472 г. официально вошла в состав Русского государства Пермь Великая с центром Чердынь.

В XV-XVII вв. в Прикамье проникали преимущественно жители Русского Севера и верховьев Вятки, о чем свидетельствует антропонимия – в основном прозвища, возникшие на основе топонимов.

В XVI-XVII вв. активно продолжалась русская крестьянская колонизация севера Пермского края (современные Гайнский, Косинский, Кочевский, Чердынский, Соликамский и Красновишерский районы), с которого начиналось освоение русскими всего Верхнего и Среднего Прикамья, Кунгурского уезда, Осинской дороги (будущего уезда). И хотя в этот период в Пермский край приходили и жители центра России, и даже носители южно-русских говоров, однако основное население продолжало прибывать с Русского Севера, что сказалось на становлении диалектов не только Верхнего Прикамья, но и остальной территории Пермского края, так как на нее переселялись прежде всего жители Верхней Камы – носители сложившихся чердынских и соликамских говоров – северно-русских в своей основе*. Вместе с тем администрация Чердыни, Соли Камской, Кунгура формировалась в результате приезда сюда представителей Москвы, владевших деловым языком, о чем свидетельствуют памятники письменности. Это были воеводы, прибывавшие в Пермский край со своей канцелярией, писцы, дозорщики и переписчики, периодически учитывавшие податное население, стрельцы, позднее солдаты. Использование в Прикамье официального делового языка не могло не сказаться на языковой ситуации в крае. Определенную роль сыграл и церковно-книжный язык, которым владели представители церкви. Правда, на раннем этапе функционирования русской речи в Пермском крае влияние делового и церковно-книжного языка было незначительным.

В Прикамье русские оказались соседями финно-угорских (в северной части края) и тюркских народов (в южной части), с которыми вступали в различные связи. Финские языки в Прикамье XV-XVII вв. представлены в основном пермской группой. Коми-пермяцкий язык был распространен здесь в далеком прошлом на более широкой территории, чем в настоящее время. Об этом свидетельствует топонимия, например, гидронимы на -ва (Колва, Иньва, Обва, Гайва, Язьва, Лысьва, Ласьва, Урва, Сылва, Тулва и др.) и ойконимы на -кар / -кор (Кудымкар, Пыскор), -горт (Вильгорт, Камгорт), -ыб / -об / -иб (Нырб, Касиб). Памятники письменности говорят также о проживании в прошлом на верхней Каме нескольких коми-зырянских семей, а на юго-запад и юг территории Пермской области с XVI в. переселялись удмурты, в XVII в. они расселились по реке Буй и ее притокам. Кроме того, в XVI-XVII вв. на реку Сылву пришла с запада часть марийцев (черемисов) – носителей языка финской поволжской группы.

* Подробнее о становлении русских говоров Прикамья см.: *Полякова Е.Н.* Формирование пермских говоров // Русские говоры Пермского региона. Формирование. Функционирование. Развитие. Пермь, 1998. С.4-30.

На северо-востоке и востоке края – на Верхней Вишере и в бассейне Чусовой – функционировали угорские, а именно мансийские (вогульские), диалекты.

Языки тюркской группы были представлены в южной части Пермского края татарскими и башкирскими диалектами. Башкиры расселились по рекам Тулва, Буй и Танып в XIII-XIV вв. Этнографы полагают, что «в Тулвинском бассейне башкиры частично ассимилировали местное финно-угорское население, а также приняли в свой состав тюркские группы ногайско-кипчакского происхождения» [Чагин, Черных, 2002, 30], о чем свидетельствуют сохранившиеся ойконимы: Кипчак – деревня в Куединском районе, Нагаево – деревня в Кунгурском районе, а также микротопонимы (Нагаев лог, выходящий к Сылве, или в писцовой книге 1623 г. *Нагайская курья на реке Чусовой*). Ср. также пермские фамилии: *Крестьянин д. Валова Ивашко Яковлев сын Нагаев*, 1678 г.; *Крестьянин кунгурской деревни Осинцова Семен Исаков сын Нагаев*, 1782 г. [СПФ, 254]. Причем фамилия Нагаев появилась в начале XVII в. даже на севере края: *Крестьянин чердынской деревни Распопова Спирька Киприянов сын Нагаев*, 1623 г., *Чердынец Федька Нагаев*, 1683 г., *Крестьянин д. Язьва Федор Петров сын Нагаев*, 1711 г. [там же].

На юго-востоке Пермского края с XVI в. шел процесс формирования сылвенско-иренских татар на основе коренного населения – остяков (манси и хантов) и пришлых тюркских племен (возможно, сибирских татар и тулвинских башкир).

Одновременно с русскими во второй половине XVI – XVII в. в южную часть Пермской области пришел мощный поток казанских татар, бежавших от крещения. В результате татарский язык и татарская культура распространились и среди башкир. Группы пермских татар к середине XVII в. расселились на Верхней и Нижней Мулянке.

Таким образом, на юге Пермского края русские соприкасались с носителями тюркских, в основном, татарских говоров.

Связи с иноязычным населением не могли не сказаться на особенностях формирующихся русских говоров Прикамья, особенно если учитывать, что характер связей с носителями других языков был различным на обширной территории края в разные эпохи.

Самые ранние русские говоры Пермского края складывались на основе речи новгородцев, приходивших в Северное Прикамье. Не существует каких-либо записей этой древней речи, но о том, что именно новгородцы приходили в Прикамье XI-XII вв. и здесь могла звучать их речь, свидетельствуют косвенные данные истории, археологии и топонимии. Во-первых, летописи зафиксировали некоторые даты (1092, 1187, 1193-94 гг.) походов новгородцев в

Северное Предуралье – на Печору, в Югру, то есть на территорию, где проживали предки современных манси и хантов. В XII-XV вв. Югра – одна из колоний Новгорода [СИЭ, 16, 767]. С Печоры новгородцы проникали на север Пермского края, на Колву и Вишеру по издревле существовавшему пути – Печорскому волоку. В бассейнах этих рек, судя по топонимам, также проживали угры.

Во-вторых, раскопки на Колве городища Искор свидетельствуют о наличии большого количества керамики, совпадавшей по различным показателям с древней новгородской керамикой [Оборин, 1990, 59]. Это говорит о том, здесь в древности находились новгородцы.

В-третьих, о новгородских элементах говорят ономастика севера Пермского края и некоторые географические термины. Так, новгородцы могли принести сюда гидроним Вишера. Жившие в бассейне Вишеры – притока Камы – манси называли реку словом Пасар (Пассар, Пассарья), коми – словом Висьёр (Висер), русские освоили эти нерусские названия как Вишера под влиянием новгородских гидронимов: реки Большая Вишера и Малая Вишера образуют Вишеру, впадающую в Малый Волхов – рукав реки Волхова вблизи Новгорода.

Видимо, новгородцы принесли в Прикамье и географический термин *ильмень*, пришедший, по мнению И.Г. Добродомова [1966, 258-262], в древнерусский язык через тюркские языки из греческого: термин возник из слова *лиман* ‘морской залив, бухта’. С семантикой ‘озеро’ термин употребляется в русских донских, астраханских, самарских, уральских, воронежских, саратовских говорах [СРНГ, 12, 186], то есть на территориях, где существовали контакты с тюркскими языками. Но в древности термин попал и в Новгород, где от него возник лимноним Ильмень, сменивший старое название озера – Илмерь, отмеченное в древнерусских летописях. В Прикамье нарицательное слово *ильмень* в значении ‘озеро’ принесено в древности скорее всего новгородцами, но в процессе функционирования в нем развилось новое значение – ‘небольшое озеро в пойме реки, оставшееся после половодья’ (*Рыбу ловят в ильмени, озеро такое в пойме небольшое* д. Гувашер, Ил.; *Раньше был ильмень маленький, а от речки была бакалда* д. Старая, Губ.).

Новгородцы могли оставить на севере Прикамья и другой термин – *прость* ‘прямой мелководный проток’, память о котором сохранилась как в новгородской топонимии, где так называют речку, впадающую в Волхов, и проток у деревни Взвяд [НОС, 9, 50], так и в северной пермской топонимии: Верхняя Прость (длина – 38 км.), Нижняя Прость (около 40 км.) – протоки из озера в Вишерку [Чагин, 2004, 68].

В бассейне пермской Вишеры зафиксированы топонимы, связанные с новгородской антропонимией. Например, ороним Полюд (Камень Полюд на правом берегу Вишеры, высота – 527 м.) имеет в

основе известное в новгородских памятниках письменности мужское некалендарное имя Полюд [Веселовский, 1974, 253], от которого в новгородской берестяной грамоте фиксируется даже женское прозвище: жена Полюда – Полюжая. Имя попало в Прикамье, дало прозвище Полюд, из которого позднее возникла фамилия, отмеченная сначала на севере Пермского края (*Чердынец Ивашка Тимофеев сын Полюдов*, 1623 г.; *Крестьянин деревни Красноперова на реке Колве Васька Фомин сын Полюдов*, 1623 г.), а затем распространившаяся в других районах пермского региона (*Житель деревни Нижне-Муллинская Сенька Денисов сын Полюдов*, 1647 г.; *Житель Пожвенского завода Лаврентей Харитонов сын Полюдов*, 1762 г.). Однако со временем слово Полюд как имя человека забыто, а о появлении оронима Камень Полюд сейчас рассказывает легенда о древнем богатыре Полюде, защищавшем Чердынь от нашествия врагов, идущих из-за Урала по Вишере. Основания для возникновения названия горы Полюд могли быть разными: либо на горе или около нее был сторожевой пост, возглавляемый человеком с таким именем, либо у горы было место (пункт), где принимали ясак (дань). Еще в XVII в. территория выше реки Морчан, которая впадает в Вишеру напротив горы Полюд, считалась принадлежащей вогулам (манси), платившим ясак. Ясак они могли отдавать на границе своей территории, у подножья горы. Имя возникло от нарицательного слова *полюд*, которым в древности, как полагают, могли называть человека, собиравшего *полюдье* ‘дань’, на Вишере – ясак. Впрочем, в далеком прошлом человек по имени Полюд на берегу Вишеры мог выполнять обе функции: принимать ясак и возглавлять сторожевой пост (полученный ясак надо было охранять).

Однако старая новгородская речь на севере Пермского края была перекрыта впоследствии говорами, принесенными с Русского Севера. Обычно трудно устновить, что появилось в русской речи Прикамья именно от новгородцев, хотя есть и очевидное, например, цоканье принесено ими. Правда, оно реализуется по-разному в различных местах Пермского края, но это связано уже с дальнейшим освоением региона выходцами с других территорий и с воздействием финно-угорских языков.

Сопоставление лексики пермских и новгородских говоров XIX-XX вв., например, по данным географических апеллятивов, свидетельствует о многих различиях. Так, в Прикамье отсутствуют такие новгородские слова, как *грём* ‘небольшое возвышение, кочка на болоте’, ‘кочковатое место’, ‘мелкий кустарник’, ‘непроходимый лес’, а также однокоренные *гремок*, *грёмушек*, *грёмьшек*, *гремочек*, *грёмочка*, *грёмьё* [Васильев, 2001, 138-143; НОС, 2, 58], *дрябрь* ‘топкое, жидкое, засасывающее место, преимущественно в болоте’ и

однокоренные *дряб, дрябина, дрябля, дрябель, дрябище, дрябьё, дряблина, дребь* [Васильев, 2001, 144-148; НОС, 2, 106], *буклина, букловина* ‘небольшой залив на озере, заводь’ [Васильев, 2001, 115], *вир, вирь, вирка* ‘водоворот’ [там же, 123], *жерло, жёрло, жерело, жерловина, журало* ‘место истока реки из озера’, ‘русло ручья’ [там же, 149], семантические диалектизмы *бёрдо* ‘небольшой холм, возвышение’, *вертун* ‘водоворот’ и многие другие. Вместе с тем в новгородских источниках нам не встретились пермские апеллятивы, известные в говорах Русского Севера: *боготь, бузун, быган, выморина, гляден, сада* и другие [Полякова, 1988].

Дальнейшее развитие русской речи определяется активным процессом стихийной крестьянской колонизации края выходцами с Русского Севера, о чем свидетельствуют записи в писцовых и переписных книгах, составлявшихся в Прикамье, начиная с XVI в. Многие прозвища были образованы от северно-русских топонимов: от лимнонима Белое озеро (*Крестьянин слободки Яйва Ивашка Прокопьев сын Белозер, 1647**; *Крестьянин слободы Новое Усолье Тимошка Васильев сын Белозерец, 1647*), от гидронимов Вычегда (*Крестьянин деревни Харина Осташко Вычегжанин, 1579*), Вятка (*Крестьянин погоста Пянтег на реке Каме Иванко Вятка, 1579*; *Крестьянин погоста Анисимов Сережка Пименов сын Вятчанин, 1623*), Двина (*Крестьянин слободы Новое Усолье Ивашка Иванов сын Потеряха Двинянин, 1647*), Мезень (*Крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Мениачко Степанов сын Мезенец, 1623*), Пинега (*Крестьянин слободы Новое Усолье Левка Андреев сын Кубасов Пинежанин, 1647*), от ойконимов Вологда (*Крестьянин Чусовского городка Ивашко Карпов сын Вологда, 1647*; *Крестьянин деревни на Усть-Усьве Завялко Григорьев сын Вологжанин, 1623*), Холмогоры / Колмогоры (*Крестьянин деревни Новая на роднике Максимко Михайлов сын Колмогорец, 1623*), Моржегоры (*Крестьянин деревни Чудское городище на реке Усолке Гаврило Денисов сын Моржегорец, 1623*), Тотьма (*Житель слободы Новое Усолье Самсонко Дмитриев сын Тотьянин, 1647*) и т. д. От этих прозвищ затем возникали фамилии Белозеров, Белозерцов, Вяткин, Двинянинов, Мезенцев, Вологдин, Вологжанинов, Холмогоров, Колмогорцев и др.

Конечно, в основе многих ранних русских говоров на архангельской, вологодской и коми-зырянской территории тоже лежит звучавшая в VIII-XI вв. речь новгородцев [Чайкина, Монзикова,

* Материалы по антропонимии взяты из писцовых книг по Перми Великой Ивана Яхонтова 1579 г. и Михаила Кайсарова 1623-1624 гг. [Рукопись. Российская государственная библиотека, отдел рукописей, фонд 256, дело 308] и переписной книги Прокопия Козьмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых [Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С. 87-146].

Варникова, 2004, 33]. Но она подверглась существенному воздействию функционировавших там прибалтийско-финских, северных финских, саамских, коми языков [там же, 29-32], из которых в складывающиеся русские говоры проникали и закреплялись различные фонетические, грамматические и лексические черты. Вместе с тем на Русский Север с X-XI вв. шли жители Ростово-Суздальского княжества, затем носители московской речи и жители других регионов Русского государства.

Памятники письменности XVI-XVII вв. дают представление об особенностях живой русской речи в Пермском крае не только в этот период, но и в предшествующий. Примером этого может быть характеристика одного из участков земли в документах разных лет, посвященных его купле-продаже и наследованию: *чертеж, а черчен тот чертеж Степаном, Пихтовой бабы мужем* [Шишонко, 1884, 201]. В этой характеристике каждое слово требует «перевода» на современный язык. На протяжении письменной истории Прикамья (XVI-XX вв.) и многие века до нее край был покрыт густыми лесами, в которых человеку с помощью подсечно-огневого земледелия приходилось отвоевывать у леса участки земли для посева хлебов. Чтобы освободить участок от деревьев, каждое из них *чертили* или *подчерчивали*, то есть топором наносили *черты* вокруг всего ствола, разрушая кору: *Чертеж против Березова острова над Камою, а подчерчиван вязник и осинник и всякий лес* [там же]. Такие *подчерченные* деревья вымерзали зимой и высыхали, их выжигали и в еще теплую почву, удобренную золой, сеяли зерно. Участок *подчерченного* леса, поле на нем, а затем после истощения почвы место для покоса называли *чертежом*: *В том поле, в чертеже, полоса земли; Продам сенных покосов в чертежах* [СПП, 6, 111]. В Прикамье существовали деревни с названием Чертеж в Ильинском, Кудымкарском, Соликамском районах, и сохранилось немало микропонимов от этого слова: поле Чертежи (с. Карагай); поле Чертежи у д. Плотникова (д. Новая Каменка, Ил.) и др. Аппелятив *чертеж* сохранился в некоторых пермских говорах: *Чертёж – это лес очерчивали, который нужно было вырубать* (д. Монастырка, Ос.); *В чертеже лес рубили. Чертежи уже сейчас не делают* (д. Романиха, Красновиш.).

Пихтовая баба (ее муж *чертил* участок леса) – женщина, мужем которой в прошлом был другой человек, его имя Пихта. Такого рода мужские некалендарные имена и прозвища были распространены в Прикамье, ср.: *Крестьянин погоста Вильгорт на реке Колве Елка Елисейев; Крестьянин деревни. На Шалашах Сенька Павлов сын Сосна* [СПП, 6, 155, 181]. В древнерусском языке существовали женские антропонимы – прозвища, образованные как притяжательные прилагательные от имен или прозвищ мужей. Сначала их создавали с

помощью суффикса -жь: Полножая – жена Полюда, Завижая – жена Завида (dj > ž), Ярославляя – жена Ярослава (wj > wļ). Затем его вытеснил суффикс -ов: Радоковая – жена Радька, Яновая – жена Яна. От имени Пихта возникло прозвище Пихтовая, в пермском памятнике оно уточняется словом *баба* ('жена'). Пихта умер или «сошел» в другой край, в хозяйстве Пихтовой бабы появился новый муж, Степан, но участок, видимо, принадлежал ей, поэтому, говоря о Степане, который *чертил* на нем лес, называют его жену.

Прозвища женщин – притяжательные прилагательные от именованый мужей с суффиксами -жь и -ов – в XVII в. сменяются новыми, образованными с суффиксом -иха: Терешиха – жена Терещи (Терентия), Наумиха – жена Наума, Ворониха – жена человека по имени Ворон или Ворона. Такие прозвища возникали в Прикамье и от нерусских имен: Апасиха – жена татарина Апасия. Так что в повторяемой на протяжении многих десятилетий характеристике участка, который *черчен Пихтовой бабы мужем*, сохраняется древний, устаревший к XVII в. антропоним.

В речь русских Пермского края пришли многие грамматические особенности древнерусского языка, сохранявшиеся в говорах до XX в., например, формы плюсквамперфекта (*Я вчерась была топила баню; Была косила траву; Была ходила в магазин*), формы двойственного числа творительного падежа, заместившие формы множественного числа, ср. ситуацию: бабушка говорит, глядя в окно: *Вон мужики с батогыма идут*. Ее поправляет внучка, чувствуя реакцию сидящих тут же диалектологов и стараясь говорить правильно, вместе с тем сохранившая старое окончание двойственного числа: *Да что ты, бабушка: не с батогыма, а с батогóма*.

Была принесена в Прикамье древнерусская лексика, исчезнувшая впоследствии. Так, еще в XVII в. в чердынских документах фиксировались слова *редр* и *редрый* 'красный (о масти крупного рогатого скота)': *Мерин голуб да корова редра*, 1635 г.; *Досталось корова редрая лыса, да другая корова редрая, да нетель редрая, да бычок редрый с лысиной*, 1645 г. [СПП, 5, 37], причем позднее в кунгурских актах одна и та же корова названа и *редрой*, и чаще *красной*. Исчезло из живой речи древнее слово *дивий* 'дикий', сохранившееся в старых топонимах (см. ниже). Многие из старых слов утратили в живой речи Прикамья свои древние значения. Так, слово *леший* в значении 'лесной' [СлРЯ XI-XVII вв., 8, 224] отмечается в пермских памятниках только первой половины XVII в.: *Береги пустые, и леса дикие, и озера лешие, и всякие угодыя*, 1629 г. [СПП, 3, 32]. Слово *жир* 'помещение в доме, в избе, в клету: этаж' зафиксировано в пермских памятниках письменности начала XVIII в.: *Двор: изба о два жира с сенми, а перед избою клеть о три жира* [СПП, 2, 66]. Оно

исчезло из русских говоров, но сохранилось в коми-пермяцком языке, куда попало из русского: *жыр* – ‘комната; аудитория, помещение, класс (в школе)’ [КПРС, 143].

На раннем этапе становления русских говоров в Северном Прикамье активным был процесс взаимодействия их с речью местного населения, преимущественно коми-пермяков, отчасти коми-зырян. Общению русских с коми способствовало их проживание по-соседству, нередко в одном населенном пункте, общая религия – православие, приобщение к которому коми начинается с XV в., возникновение многочисленных смешанных семей. Так как путь в Прикамье был тяжелым, трудным, сюда прибывали преимущественно мужчины, и жен они брали из местных коми семей или из уже сложившихся смешанных коми-русских семей, что приводило к билингвизму. Маленькие дети общались больше с матерью и прочно усваивали фонетические особенности ее языка. Поэтому в архаических русских говорах Чердынской земли на протяжении столетий, вплоть до XXI в. сохранялись коми-пермяцкие фонетические черты (чоканье, L среднее, близкий к коми-пермяцкому звук Ö, аффрикаты ДЗ и ДЖ).

Говоры прибывавших в Прикамье русских и их предков уже испытали на Русском Севере и в Перми Вычегодской (ныне Республика Коми) воздействие различных финских языков, о чем свидетельствуют многочисленные исследования и словари, в частности «Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера», разработанные А.К. Матвеевым, Н.В. Кабининой, О.В. Мищенко и О.А. Теуш.

Из говоров Русского Севера в пермскую речь попала прибалтийско-финская по происхождению лексика. Так, в речи жителей края отмечаются слова *ватлать*, *ватолить* ‘говорить о чем-либо незначительном’ [СПГ, 1, 78]: *Бывало, соберемся на крыльце да и ватлаем* (д. Таман, Ус.); *Ты чё опять ватлашь-то не то, чё надо* (с. Пянтег, Черд.). Ср. финское *vatoa* ‘болтать, пустословить’, *vatuloida* ‘говорить пустое’, ливвиковское *vatuo* ‘говорить вздор’ [ФУСЗ: 65]. Прибалтийско-финским по происхождению является принесенное в пермские говоры с Русского Севера слово *веньгать* ‘плакать, жаловаться’ [СПГ, 1, 83]: *Деньги дело наживное, об деньгах не веньгай, голова есть и ладно* (с. Черновское, Больш.). Ср. финское *vänkyä* ‘плакать, реветь, стонать’ [ФУСЗ, 81]. Такого же происхождения название коми-зырян – *зыряна*, *зыряне*. Для прибалтийских финнов они были людьми, живущими на краю их земли: в финском языке *surjä*, в карельском *sürja*, в вепсском *sür'd*, *sürj*, водском *sürjä* – ‘край, сторона, бок’ [ФУСЗ, 119-120].

Некоторые из таких принесенных в Прикамье слов не отмечаются в пермских диалектных словарях и говорах XX в., но в прошлом они

явно присутствовали здесь в русской речи, попали в прозвища, давшие фамилии и топонимы. Так, фамилия Вакорин (*Чердынец Яков Вакорин*, 1626 г.; *Крестьянин деревни на речке Лысьве Якимко Петров сын Вакорин*, 1682 г. [СПФ, 71]) и название бывшей в Кунгурском районе деревни Вакорино имеют в основе северно-русское слово *вакора* 'кривое малорослое дерево; суковатый обрубок дерева, пень, коряга', переносное 'невысокий, нестройный, неуклюжий человек' [СРНГ, 4, 18], прибалтийско-финское по происхождению. Ср. финское *vekkara* (*vekkara*) 'косо растущее дерево или сук дерева' [ФУСЗ, 52].

Прибалтийско-финскими заимствованиями были многие географические аппелятивы: *арай* 'сырое низкое кочковатое место; топкий участок болота', *вадья* 'лесное озеро; непроточное озеро'; *корба* 'овраг, заросший лесом; поросшая лесом часть высокого берега между оврагами, впадающими в реку', *лыва* 'естественная яма, постоянно наполненная водой'; *мендач* 'участок, поросший редким сосновым лесом', *мыза* 'ровная площадка на вершине возвышенности', *рям* 'густо заросшее место в лесу или на опушке', *суземье* 'глухой лес; поле, значительно удаленное от деревни, находящееся за глухим лесом' и др. [Полякова, 1988].

Через говоры Русского Севера попадали в Прикамье и слова саамского языка: *түрга* 'глухой, непроходимый лес' (в саамском языке 'нижнее разветвление рогов над мордой оленя', в русских говорах развилось новое значение слова), *ропочажник* 'чащоба в лесу' (из слов *ропак*, *ропака* 'нагромождение льдов', 'куча камней'), *урот* 'лощина между горами, проход через горный хребет' (из слова *урт* 'столовая гора, выровненный массив, разделенный на плосковершинные параллельные гряды').

В говорах Русского Севера отмечается значительное число слов коми-зырянского происхождения, которые могли быть принесены переселенцами в Пермский край. Вместе с тем многие из этих слов употреблялись и в коми-пермяцком языке, и трудно определить, из какого именно источника они вошли в русские говоры Прикамья, тем более что коми-пермяцкий и коми-зырянский языки в древности были очень близки. Среди таких слов много географических аппелятивов: *ворга* 'дорога в лесу; проход в густом лесу между деревьями, где ставятся ловушки для зверей; прорытый проход для лодок в мелкой части реки', *гуран* 'яма, впадина, овраг', *ласта* 'заливаемый во время половодья луг в пойме реки или на берегу озера', *парма* 'возвышенность, покрытая лесом', *рочи* 'заливные луга', *челтан* 'гора округлой формы с высокими склонами' и др. В русских деловых памятниках XVII в. зафиксированы бытовые слова из языков коми: *позмог* 'мера сыпучих тел' (*Пшеницы семенной шесть позмог да на нем же, Пимене, взять муки позмог пшеничные; Ржи три позмоги, да*

хмелю полбезмена, да ячменю позмоз. [СПП, 4, 82]), *пелькиши* ‘серьги’ из коми слов *пель* ‘ухо’ и *кыти* ‘кольцо’ (*Судное дело...за украденные пелькиши.* [СПП, 4, 16]).

Носители русских говоров, переселяющиеся с вологодской и архангельской территорий, проходили в Северное Прикамье через бассейны Вычегды или Печоры, то есть через земли коми-зырян. Связь с ними (иногда она оказывалась весьма длительной) в какой-то мере подготавливала русских к общению с коми-пермяками и способствовала взаимодействию языков и заимствованиям из русского языка в коми-пермяцкий и, наоборот, из коми-пермяцкого в русский.

Однако коми заимствования (как и русские в коми-пермяцкой речи) переживали приспособление к принимающему языку. Это видно и по памятникам письменности, и по результатам адаптации коми слов в современных русских говорах и топонимии. Так, упомянутые выше *пелькиши* зафиксированы в памятниках XVII в. также в форме *пелькищи* (*Судное дело...за пелькищи серебряные в дватцати алтынех.* [СПП, 6, 16]). Сочетание КЫ было невозможно в русском языке и заменено КИ. Употребление рядом самостоятельных звуков Т и Ш (*кыти* ‘кольцо’), обычное в коми языке, у русских приводило к возникновению аффрикаты Ч, но составители документов, пытаясь отразить коми произношение слова, которое они слышали, путались в его передаче и писали то Ш (*пелькиши*), то Щ (*пелькищи*).

Результаты адаптации коми слов наблюдаются в многочисленных русских топонимах коми происхождения. Так, в микротопонимии нередко использовались сложные названия со словами *ыджит* ‘большой’ и *учёт* ‘малый’. Однако начальное Ы и аффриката ДЖ не характерны для русского языка, и поэтому в слове *ыджит* происходили изменения. Например, в районе деревни Большие Долды появились названия полей Жеткерас (из *ыджит* и *керас* ‘вырубка’ – ‘Большая вырубка’), Ожитволь (из *ыджит* и *воль* ‘росчисть; участок в лесу, расчищенный под пашню’ – ‘Большая росчисть’). В Усольском районе протекает речка Ижит-Шор (из *ыджит* и *шор* ‘ручей, речка’). В XVII в. существовал починок, записанный русским писцом как Ижитпелев. Его название образовано из коми прозвища основателя Ыджит Пель ‘Большое Ухо’, давшего и фамилию Ижитпелев (*Крестьянин починка Ижитпелева на Кутузове враге* [овраге. – Е.П.] *Илюшка Якимов сын Ижитпелев*, 1623 г. [СПФ, 147]). В слове *учёт* в русском произношении Ъ переходило в Е: Учет-Вож ‘Малый приток’. Фамилии Учеткин (*Чердынец Ивашка Учеткин*, 1684 г.), Учеткиных (*Жительница Чердыни Анница Учеткиных*, 1680), Учетов (*Житель деревни У Болота на ключах Гурей Иванов сын Учетов*, 1762 г.) в настоящее время нередко связывают с русским словом *учёт*

‘учитывание’, хотя в действительности они восходят к прозвищам Учѳт, Учѳтка (‘Малый’) коми языка.

Фонетическая и грамматическая адаптация коми гидронимов в русских говорах подробно охарактеризована в работах А.С. Кривошековой-Гантман, в частности, в статье «Адаптация русским языком коми-пермяцких гидронимов в Прикамье» [1966, 87-107]. Она подробно характеризует изменения при адаптации гласных звуков коми-пермяцкого языка к русской фонетике: $\ddot{O} > O$ или E [Кѳс-Мыс (из *кѳс* ‘сухой, мелкий’ и *мыс* ‘холм’ – ‘речка, протекающая по сухому холму’) > Космоска, речка в Юсьвинском районе; Симѳта-Шор (*симѳта* ‘с берестой’ и *шор* – ‘берестяной ручей’) > Симота-Шор; Кѳч-Шор (*кѳч* ‘заяц’ и *шор* – ‘заячий ручей’) > Коч-Шор; Лѳмва (*лѳм* ‘черемуха’ и *ва* ‘река’ – ‘черемуховая река’) > Лемва; Шѳр-Вож (*шѳр* ‘средний’ и *вож* ‘приток’ – ‘средний приток’) > Шер-Вож]; в начале слова и после мягких согласных $Ы > И$ [Ыджит-Шор ‘большой ручей’ > Ижит-Шор; Чус-Йыв (*чус* ‘быстрый, стремительный’ и *йыв* ‘вершина’ – ‘вершина (верховье) быстрого ручья’) > Чус-Ив)]; $Ы$ в топонимах Чердынского, Красновишерского и отчасти Соликамского районов в безударном положении > O [Нырыб (*ныр* ‘нос’ и *ыб* ‘поле’ – ‘поле Носа’) > Ныроб; Нылыб (*ныл* ‘пихта’ и *ыб* – ‘пихта-поле’) > Нылоб] и др.

В статье А.С. Кривошековой-Гантман охарактеризованы и изменения согласных звуков при адаптации гидронимов в русском языке: коми-пермяцкие C и C' > $Ш$ [Висер или Висьѳр > Вишера; Кисьѳрт (*ки* ‘камень’ и *сьѳрт* ‘речная долина с густым еловым лесом’ – ‘каменистая долина реки с густым еловым лесом’) > Кишерть]; аффриката $ТШ > Ч$ или $Ш$ [Потша-Шор (*потша* ‘с жердью’ и *шор* – ‘ручей с жердью’) > Поча-Шор; Катша-Шор (*катша* ‘сорока’ и *шор* – ‘ручей Сороки’) > Каша-Шор]; аффриката $ДЖ > Ж$ или $ДЗЬ$ [Джинтуй (*джин* ‘половина’ и *туй* ‘дорога’ – ‘половина пути’) > Жинтуй; Кѳдж (*кѳдж* ‘хобот’) > Кодзь]; аффриката $ДЗ > ЗЬ$, $ДЗЬ$ или $Ч$ [Видзѳсь-ю (*видзѳсь* ‘луговой’ и *ю* ‘река’ – ‘луговая река’) > Визесья; Тульвидз (*туль* ‘бекас’ и *видз* ‘луг’ – ‘луг Бекаса’) > Тульвич] и др.

Заемствования подвергались в русском языке и морфологическому освоению: исконные коми гидронимы с конечным формантом -ю ‘река’ по аналогии с русскими получили исход -я [Шуд’д’ю (*шуд* ‘счастье’ и *ю* – ‘счастливая река’) > Шудья; Урйю (*ур* ‘белка’ и *ю* – ‘беличья река’) > Урья; Вѳрйю (*вѳр* ‘лес’ и *ю* – ‘лесная река’) > Воря]; к коми названию присоединялся русский гидронимический суффикс -к(а) [Искорка (от Искор – ‘каменное городище’), Ныробка (от Ныроб ‘поле Носа’)]. Нередко к коми гидронимам прибавлялось русское определение: Черная Сюзьва, Белая Сюзьва, Осиновая Лопва, Средняя Сия, Южная Кельтма, Большой Сурмог, Талая Нытва и т.д. Отмечены

случаи калькирования: Тагьящер (*тагья* ‘хмелевой’ и *шер* ‘ручей’ – ‘хмелевой ручей’) > Хмелевка.

Безусловно, эти и другие переходы при адаптации коми слов, описанные А.С. Кривошековой-Гантман, характерны не только для ономастики, но особенно ярко они проявились именно в ней.

Вместе с тем при изучении связей языков и вхождения коми слов в русские говоры необходимо учитывать не только фонетические и грамматические особенности адаптации, но и возможности принимающего языка, а также семантические изменения. Интересно в этом отношении появление русского названия длинной скалистой горы на правом берегу Колвы – Дивий Камень. В горе находится состоящая из многих гротов Дивья пещера. Обычно объясняют название Дивья (иногда произносят «Девья»), исходя из русского языка, и рассказывают трогательную легенду о взаимной любви некоей Девы и юноши Ветлана (Ветлан – скалистая гора на левом берегу Колвы). По легенде, река Колва не дала встретиться влюбленным, и от горя Ветлан окаменел, а Дева бросилась со скалы в реку и погибла. Якобы в память об этом и назвали камень Девьим или Дивьим.

В прошлом в слове *дѣва* был звук Ъ (ять), который в пермских говорах перед твердым согласным переходил в Е (*дева*), перед мягким – в И (*дивий*). Так что в языке какое-то отношение Дивьего Камня к слову *дева* ощущается. Даже в официальном тексте 1667 г. «Расспросные речи чердынцев и пермян...о горах, озерах, зверях, серебряной или медной руде на северо-восток от Перми (то есть от Чердыни)» читаем: *Есть де вверх Колвы-реки на пустых местех горы каменные, прозванья им: гора Девья, гора Боец...* Однако следует учитывать, что скала находится на территории функционирования коми топонимов (например, поблизости камень Ветлан, название которого возникло из коми слова *ветлан* – ‘дорога’). Такой крупный объект, как Дивий Камень, не мог до появления русских быть безымянным и скорее всего носил коми название. Полагаем, что его основе могло быть слово с корнем *джив*, отмечаемом в коми-зырянских диалектных словах *дживгыны* ‘плавно нестись (о лодке)’, *дживъялны* ‘кататься (на лодке)’, *дживгини* ‘ехать медленно (по зимней дороге на санях)’. Название камня Дивий, видимо было связано с названием камня Ветлан не только в легенде. Путь по реке между ними имел какое-то значение в древности (как удобный участок для проезда летом на лодке, а зимой на санях по прямому Ветланскому плесу) и был обозначен топонимами, связанными со значениями ‘дорога’ – ‘ехать’ – ‘кататься’.

В русском языке коми аффрикате ДЖ мог соответствовать звук Д’, и пришедшие в эти края русские могли воспринять *джив* как *див* (*дивий*) – известное в древнерусском языке слово со значением ‘дикий, не освоенный, не заселенный’ [СлРЯ XI-XVII вв., 4, 243]. Места здесь

действительно были мало освоенными. Слова *див(ий)* и *дик(ий)* восходят к праславянскому языку, где имели общий корень **di* ‘дикий’, но разные расширители (суффиксы -v и -k). Оба употреблялись еще в XVIII в. [СлРЯ XVIII в., 6, 127], но постепенно *див(ий)* уступает позиции слову *дик(ий)*, в XIX в. отмечается как церковное [СЦРЯ...] и старое [Даль, 1, 435], а в XX столетии в словарях не зафиксировано. В древности, попав на Колву, русские приняли от коми слово с корнем *джив*, несколько изменив фонетику (ДЖ > Д’), и придали ему русское значение ‘дикий’. Таким образом, результатом адаптации коми слова могло быть приращение ему новой семантики, продиктованной русским языком.

Изучая проблему взаимодействия коми и русских говоров, приходится привлекать и данные истории и этнографии. Так, на Чердынской земле, на правом берегу старого русла (старицы) Камы в настоящее время расположена деревня Большие Долды, которая отмечена в писцовой книге Ивана Яхонтова по Перми Великой 1579 г. как *деревня Долда на озере Долде*. Многочисленные микропонимы, в частности, названия полей у этой деревни свидетельствуют о том, что в прошлом здесь проживали коми, ср.: Вэрдор ‘край, опушка леса’ (*вөр* ‘лесной’ и *дор* ‘край’), Дзюльган ‘поле, где растет пастушья сумка’ (*дзюльган* ‘пастушья сумка’), Каршутём ‘оставленное, заросшее поле на городище или у городища’ (*кар* ‘городище’ и *шутём* ‘оставленное заросшее поле’), Керас ‘поле на месте вырубленного леса’ (*керас* ‘вырубка’), Корзиб ‘поле с твердой землей’ (*корзьины* ‘твердеть’ и *иб* < *ыб* ‘поле’) и др. Следовательно, и название деревни могло быть из коми слова. А.С. Кривошекова-Гантман предполагала, что оно восходит к коми-зырянскому диалектизму *далда* ‘роща’. Но А под ударением (*дáлда*) не могло перейти в О (*дóлда*), то есть ойконим должен был возникнуть из какого-то другого слова. Если учесть этнографические данные, то можно связать название деревни с коми словом *долыд* ‘ходкий, быстроходный (о лодке)’. Дело в том, что на старице (в писцовой книге озеро *Долда*) традиционно строили суда. В XIX – начале XX в. это было баржестроение [Кривошеков, 1914, 219], до этого сооружали *долдинские ладьи* (так они названы в царской грамоте 1669 г.), видимо, лодки изготовляли там и в далекие времена, возможно, до прихода русских. И испытывали суда в удобном для этого старом русле Камы, превратившемся в озеро. В заимствованном слове *дóлыд* был редуцирован и исчез заударный звук Ы, но вместе с тем появилось обычное для гидронимов (озеро имело выход в Каму) окончание -а.

Сохранение коми топонимов в Камско-Вишерско-Колвинском поречье и функционирование наряду с ними русских топонимов, зафиксированных в памятниках XVI в. (более ранние тексты не

сохранились), свидетельствуют о взаимодействии языков в этом районе. Сейчас здесь проживает русское население, но долгое время сохранялись коми фонетические черты (например, L среднее: *molodой, kolokola, Volodя*), которые автору данной статьи приходилось наблюдать в Долдах в русских старообрядческих семьях в середине XX в. и участникам диалектологических экспедиций 2005-2006 гг.

Итак, север Пермского края, а именно Верхняя Кама и Камско-Вишерско-Колвинское поречье были территорией активного взаимодействия коми и русских говоров, приведшего к обогащению русской диалектной лексики коми словами и особенно коми топонимами. В связи с укреплением Московской государственности местные жители разного происхождения в течение длительного времени переходили на русских говоры и постепенно стали ощущать себя как русское население.

Взаимодействие языков по-разному реализовывалось в различных отделах лексики и ономастики. Там, где отражалась непосредственно связь живой речи русских и коми, хорошо сохранялись коми черты. В этом отношении весьма показательны топонимия и географические апеллятивы. Но в случае влияния официального, делового языка на живую речь, коми слова нередко заменялись русскими кальками. Так, в 1579 г. в деревне Нырыб (позднее Ныроб) записан крестьянин Иванко Нос, далекий предок многочисленных Носовых в современном Ныробе и Чердынском районе. Ойконим Нырыб возник в коми языке (*ныр* 'нос' и *ыб* 'поле' – 'поле Носа, человека по прозвищу Нос'), он точно отражается в тексте писцовой книги. Но антропоним – прозвище Ныр писец перевел на русский язык (Иванко Нос). Возможно, такой перевод в какой-то мере обусловлен стоявшим рядом христианским именем, используемом и русскими, и коми-пермяками в русской форме (Иванко < Иван < Иоанн).

Взаимодействие русского и коми-пермяцкого языка происходило почти на всей территории современного Пермского края, но результаты его были различны: к XX в. на территории Коми-Пермяцкого автономного округа сохранились различные коми-пермяцкие говоры, на Язьве – коми-язьвинский диалект, в остальных частях края утвердилась русская речь, впитавшая часть коми лексики и ономастики. Но и на этой территории в прошлом при переходе на русский язык долгое время существовало двуязычие и среди населения было много билингвов.

На северо-востоке края, в бассейне рек Вишера и Березовая (приток Колвы, впадающей в Вишеру), и на востоке, в верховьях Яйвы, Косьвы, Усьвы, Чусовой, Сылвы, русские встретились с вогулами (манси). Об этом свидетельствуют как исторические материалы, так и данные языка.

На средней и верхней Вишере обстановка была иной, нежели на территории проживания русских рядом с коми-пермяками в Камско-Вишерско-Колвинском поречье. Во-первых, кроме мансийских, на северо-востоке края присутствовали и коми диалекты, что отражено в вишерской топонимии.

Во-вторых, положение вогулов было иным, чем у жителей Чердынской земли: они не были крестьянами, не облагались податью в виде государственной десятинной пашни, а платили ясак мехами, вели кочевой жизни: *Вишерские вогуличи...в одном месте юртами не живут, а живут, переходя по малым речкам, где кому добыча, зверю всякому и рыбе, то тут вогуличин живет и ночует, а иные вогуличи для соболиной добычи ходят в Сибирские места за Камень [за Урал. – Е.П.], 1674 г. [Шишонко, 1884, 1090].* Если коми-пермяки с XV в. приобщаются к православию, то вогулы на Вишере были крещены только в XVIII в. Так, в сентябре 1751 г. в *деревне Сыпучей* (названа по расположению около высокого – около 90 м над поверхностью Вишеры – Сыпучего Камня) было крещено 123 человека вогулов, кочевавших по Вишере [Кривошеков, 1914, 700]. Впоследствии там была построена церковь, и деревня стала селом Сыпучим (ныне Сыпучи). До принятия христианства вогулов приводили к присяге на коране: *Иноверцов Чердынского уезду вишерских ясаиных вагулич в их вагульских житьях привесть на куране к шерти*, 1683 г. [РС, 5]. Однако до XX в. вогулы сохраняли свои языческие верования (например, культ коня – см.: Чагин, Черных, 2002, 21).

В XVII в. граница владений вогулов по Вишере находилась в устье ее притока – реки Морчан (ныне Морчанка, около Красновишерска), выше по реке им принадлежали места рыбной ловли и охоты. На раннем этапе освоения Вишеры русскими население там было редким и не было таких условий для появления смешанных браков, для возникновения большого количества билингов, какое отмечено в Чердынской земле, хотя появлялись отдельные толмачи, знавшие и русский, и мансийский языки. Некоторые мансийские фонетические черты наблюдались в русских говорах на Верхней Вишере еще в 50-е гг. XX в., ср. «губной + j + гласный непереднего ряда»: *робјата, жеребјонок, топјат, ко времју* [Скитова, 1962, 49]. Но они появились относительно поздно, при возникновении русских поселений в XVIII в.: Сыпучи, Писаное, Акчим и др.

В Камско-Вишерско-Колвинском поречье в результате тесных контактов с коми-пермяками и отчасти с коми-зырянами русскими были усвоены и хорошо сохранились вплоть до конца XX в. многочисленные коми топонимы. На средней и верхней Вишере картина иная: даже в XVII в. (более ранних записей по Вишере нет) большую часть топонимов составляли русские названия. Чердынско-

Лозьвинский путь в Сибирь по Вишере и ее притокам до притоков Лозьвы на восточном склоне Урала был самым ранним (для русских, возможно, в XII – XV вв.) из всех путей в Сибирь, проходивших через Пермский край. Пути по Чусовой и по Бабиновской дороге от Соликамска до Верхотурья были освоены русскими позже, в XVI в.

Крупные объекты на Вишере (прежде всего береговые скалистые горы – камни большой высоты и протяженности), конечно, имевшие в прошлом мансийские и (или) коми названия, в XVII в. отмечаются в документах преимущественно с русскими топонимами. Так, в «Распросных речах чердынцев» 1667 г. читаем: *В восточной стороне на пустых местех вверх по Вишере, которая близко Чердыни прошла мимо Чердынский уезд, есть, де, горы каменные. Прозванья им: гора Сторожевая, гора Велгур, гора Лапина, гора Сыпучая, гора Писаная, гора Ябрус, гора Золотая, гора Гостина, гора Витряная, гора Дироватая, гора Чувал, гора Короксорец, а те, де, горы близко вогульских юрт.* В этой записи только названия Ябрус, Велгур, Чувал и Короксорец являются заимствованными, все остальные (их значительно больше) – русскими. Они могли появиться как кальки нерусских названий, но могли быть даны и независимо от них по признакам, ярким качествам этих гор: около Сторожевой располагался сторожевой пост, по Сыпучей постоянно сыпался песок от выветривания, на Писаной сохранились писанцы – наскальные рисунки охрой, которые археологи датируют эпохой неолита и бронзы [САП, 31] и т.д.

О территории проживания в прошлом вогулов можно судить также по топонимам с корнем *вогул*, данных русскими: по гидронимам Вогулка (приток Еловки, впадающей в Березовку – приток Чусовского озера; приток Яйвы, впадающей слева в Камское водохранилище; приток Сылвы, впадающей в Чусовую; приток Няра, впадающего в Косьву – левый приток Камского водохранилища), Вогульская (приток Язьвы, впадающей в Вишеру), по ойконимам Вогулка, Вогул, Вогульская [Майданова, 1962, 26], по оронимам (Вогульский Камень в хребте Белый Спой между реками Коспаш и Няра; Вогульский Камень в хребте Кваркуш).

Кроме того, о пребывании вогулов свидетельствуют «молебные» места, где совершались моления, религиозные обряды угров. Они отмечаются еще в памятниках XVII в., их называют вогульскими и остячками: *По Сылве-реке вверх до Молебного остяцкого камня бортные угодыя*, 1623 г.; *Межа до Молебного врагу* [оврага. – Е.П.], *а от Молебного врагу, от Шаквы-речки в гору*, 1670 г. [СПП, 3, 64]; *А на левой стороне тое реки Бабки, вниз едучи, на левой стороне камень Молебный* [Шишонко, 1884, 992]. В современной топонимии сохранились оронимы, например, Молебный Камень между реками

Большая Мойва в бассейне Вишеры и Вижай в Свердловской области – калька с мансийского Ялпынг-Нёр ‘Святой Камень’ [Матвеев, 1990, 137], гидронимы (Молебная – приток Мойвы; Молёбка в бассейне Барды – притока Сылвы; Молёбная (Молёбка) – приток Сылвы), ойконимы (село Молёбка в Кишертском районе, деревни Молёбка и Верх-Молёбка в Березовском районе).

На территории южнее Чусовой носители угорских диалектов испытали воздействие тюркских племен. Эта часть Пермского края пережила историю разных языков и диалектов: пермских (ср. гидронимы Чусовая, Сылва, Шаква), угорских (остяки и вогулы), тюркских (ср. ойконимы Бердыкаево, Тебеньяки). И когда русские в XVI-XVII вв. вступали в контакт с жителями юго-востока края, то, видимо, здесь звучали преимущественно тюркские говоры. В памятниках письменности нередко упоминаются толмачи, необходимые для общения с тюркоязычным населением: *Толмачил у сего допросу кунгурский татарского языку толмач Сергей Михайлов, 1702 г.*; *А толмачил у кабалы Мамай Турсубаев, 1633 г.*; *Толмачил татарин Рыс Ишметов, 1705 г.* [СПП, 6, 22].

В результате, хотя русские и сталкивались на обширной территории с угорязычным населением, но условия их общения были таковы, что русские говоры получили мало угорской по происхождению лексики – редкие бытовые слова, например, *пайва* ‘кузов из лыка или бересты с крышкой’: *Пайвы из бересты были; шивают их и плетеные бывали: носили рыбу, носили грибы* (д. Осокино, Сол.). Слово считают пришедшим из мансийского языка [Фасмер 3, 188; Дмитриева, 1988, 29]. Частично сохранились угорские топонимы, но многие были утрачены. А население с угорскими корнями было либо русифицировано, либо тюркизировано, либо переселилось за Урал.

Лингвистическая история южной части Пермского края (к югу от Чусовой и от современной Перми) была сложной. Пришедшие сюда в конце XVI в. русские соприкоснулись с носителями татарского языка. Но в прошлом (полагают, что с XIII в.) в бассейнах рек Тулва, Буй, Танып башкиры ассимилировали местных финно-угров, и свидетельства о существовании финских (пермских) говоров сохранились только в материалах археологических раскопок [Поляков, 1973, 109], в легендах о чуде [Климов, 1974; Кривошекова-Гантман, 1974; Оборин, 1974] и в топонимии (ср. гидроним Тулва). Башкирские диалекты впитывали языковые особенности других тюрков, например, сибирских татар или кипчакско-ногайских пришельцев. Затем в результате активного переселения в Среднее Прикамье казанских татар их язык стал основным тюркским в южной части Пермского края. Но память о существовании здесь в прошлом других тюркских языков

сохранилась в живой речи: современные пермские татарские говоры весьма отличаются от татарских казанских. Именно с такими складывающимися татарскими диалектами и соприкоснулись русские в XVI-XVII вв.

В этот период этническая и языковая картина южной части Пермского края была очень пестрой, но она довольно быстро менялась. Так, в писцово-книжной книге 1623 г. читаем: *Всего сьлвенских и иренских остяков и татар 67 юртов, да 4 юрты черемисских, да юрт мордовских людей, и в них остяков и татар 81 человек, да 4 человека черемисина, да мордвин* [Шишонко, 1882, 255]. В 1704 г. в Кунгурском уезде записано 213 марийских, 18 удмуртских и 8 чувашских семей, а в переписи 1719 г. удмурты и чуваша в Сылвенско-Иренском поречье уже не отмечены [Чагин, Черных, 2002, 34].

Культурно-этнические черты и религия пермских татар отличались и отличаются от культуры и религии русских. Но так как русское население на юге Пермского края в XVII в. и позднее быстро растет, край был частью России, где делопроизводство велось на русском языке, и в XVIII в. появляются медеплавильные и железоделательные заводы с жителями, говорившими по-русски, то постепенно русский становится необходимым и для говорящих на татарском языке. Поэтому с XVII в. здесь обычным становится двуязычие, существующее и в настоящее время: в домашней неофициальной обстановке говорят по-татарски, а в школе изучают и татарский, и русский языки.

Вместе с тем памятники письменности XVII-XVIII вв. свидетельствуют о христианизации части татар, записи их в переписных документах с православными именами и об учетывании их как русских. О том, что далекими предками таких русских были носители тюркских языков, говорят их фамилии с тюркскими корнями: Бакшеев (*бакшей* – ‘писарь у татар’), Булатов (*булат* – ‘сорт стали’), Исламов, Кылосов (*кылыс* (*кылыч*) – ‘меч, сабля’), Чарусов (*чарус* / *чарыс* – ‘резвый, горячий (о лошади)’), Чебыкин (*чыбык* – ‘тонкая палочка, прут, розга’), Шириханов (*шир* – ‘лев’, *хан* – ‘правитель’) и др.

Такие же процессы возникновения двуязычия, шли на территории буйских удмуртов, пришедших в бассейн р. Буй в XVI-XVII вв., и марийцев, поселившихся в это же время на юго-востоке края, в основном на территории современного Суксунского района. Там до настоящего времени существует двуязычие.

Итак, русские говоры складываются в Пермском крае при взаимодействии их с финно-угорскими и тюркскими. Однако это взаимодействие было не везде одинаковым, о чем свидетельствуют письменные памятники. В документах южной части края, например кунгурских, тюркские слова употребляются только тогда, когда речь

идет о татарских или башкирских предметах быта, одежды: мужская обувь *киндереки* из башкирского языка, ср. *киндер ойк* ‘холщовые чулки’, *бышымлы кыныйырак* ‘опорки из шкуры лошади мехом наружу с небольшим суконным или холщовым верхом’ [Шитова, 1968, 143, 177]; женский головной убор *каштол* из башкирского *кашпау* или *кашмау* [там же, 150, 153]. Коми-пермяцкие слова (*сорд*, *пелькиши* и др.) фиксировались в памятниках безотносительно к национальным особенностям.

Однако следует заметить, что лексики из местных языков в пермских памятниках XVI – начала XVIII в. отмечается очень мало, лишь отдельные слова. Русские говоры Прикамья формируются на основе русских же диалектов. В XVI-XVII вв. активно шли миграции извне и внутри Пермского края. В результате к концу XVII в. русские говоры складываются на территории всего края. Основа их – говоры севера Прикамья, преимущественно чердынские, а также соликамские.

В писцовых книгах XVII в. обычно отмечали, откуда приходили крестьяне. Так, в сельце Верх-Мулинском (ныне село Верхние Муллы рядом с городом Пермью) в 1623 и 1647 гг. записаны крестьяне, прибывшие из селений Чердынского уезда – Гайн, Кольчуга, Сумыча, с реки Обвы, а также с Русского Севера – с Северной Двины, Мезени, Пинеги, из Соли Вычегодской и с Вятки [Дмитриев, 1889, 121; Елизаров, 1647, 98-99, 119].

Антропонимия переписных документов и других памятников письменности дает возможность проследить, как шло расселение. Например, в деревне на реке Каме и на речке Егошихе (на этом месте впоследствии образован город Пермь) первыми жителями (в 1647 г.) были Брюхановы и Карнауховы, переселившиеся из сельца Верх-Муллинского. Однако ранее этим местом, видимо, владел Васька Дмитриев сын Егоша, записанный в 1623 г. как крестьянин деревни Нижне-Муллинской. От наименования Егоша возникло и название реки Егошихи.

Несмотря на крепкую северно-русскую (чердынскую и соликамскую) основу, отражающуюся во всех пермских говорах, в них есть и различия, вызванные разными обстоятельствами: конкретными диалектными источниками, временем возникновения, связями с нерусским населением. Это отражается в деловых текстах XVII – начала XVIII в.: в Чердыни *мыльня* – ‘баня’, в Кунгуре – ‘изба для варки мыла’; в Чердыни хлеб хранили в *житницах* и *анбарах*, в Кунгуре – только в *анбарах*; в Чердыни и Соли Камской обычными были слова *родник* и *ключ*, в кунгурских – только *ключ* [Полякова, 1979, 86-87]. Использование той или иной лексики могло зависеть и от особенностей района, в котором она утверждалась. Так, на Колве и особенно на Вишере использовался диалектный географический

термин *степь* ‘плоская среди лесов безлесная возвышенность’, пришедший из архангельских говоров [Подвысоцкий, 1885, 163]. Со временем его значение на Вишере изменилось [Полякова, 2004, 252], и *степью* стали называть заросшую густым лесом возвышенность, хребет на водоразделе: *Степью у нас наоборот называют: высокая, лесная, в виде горы с лесом; Степь – это возвышенность така, и леса темны, черны таки, хвойной породы; Степь – хребёт тут, называется Волимска степь. Раз хребёт, так степь – лес; Большая и Малая Ябруска бегут прямо с Ябрусской степи* (д. Акчим, Красновиш.). В бассейнах других рек термин *степь* в этом значении не зафиксирован.

Точно так же на ограниченной территории (в районе Кизела, Гремячинска, близ границы со Свердловской областью) употреблялся другой географический апеллятив, сохранившийся в топонимах, – *спой* ‘покрытый лесом водораздельный хребет, идущий параллельно другим таким же водораздельным хребтам’: Белый Спой, Кедровый Спой, Рудянский Спой, Басковский Спой [Матвеев, 1988, 15-17]. Употребление различных терминов (*степь* и *спой*) вызвано не только лингвистическими причинами, но и географическими особенностями территорий.

Описать разновидности русской разговорной речи в Пермском крае до середины XVI в. практически невозможно, так как нет письменных памятников, в которых отражались бы следы разновидностей речи. Безусловно, в основном русская речь была представлена крестьянскими говорами, которые звучали не только в деревнях, но и в складывающихся городах. Вместе с тем в городах возникла администрация, представители которой должны были пользоваться деловым языком. Существовали церкви и монастыри, осуществлялись церковные обряды, так что были люди, знакомые с церковно-книжным языком, оказывавшем некоторое влияние и на живую речь. В крае развивались различные промыслы: солеварение, заготовка дров для него, постройка варниц, рассолоподъемных труб, ларей для накопления природного рассола, амбаров для хранения полученной соли, строительство судов для сплава соли и для других перевозок. Постоянно шли поиски руды, плавка металла, развивалось кузнечное дело.

Все это не могло не отразиться на языке – употреблялась специфическая, профессиональная лексика, терминология и фразеология, которые не были характерны для крестьянских говоров. Своя лексика была у охотников и рыбаков. Конечно, все это существовало, но до середины XVI в. мы можем говорить об этом, опираясь только на факты истории и памятники более позднего периода, а также используя для сравнения исследования лексики Русского Севера, например «Словарь промысловой лексики Северной

Руси XV-XVII вв.» под редакцией Ю.И. Чайкиной, составленный лингвистами Вологодского педагогического университета.

Затем картина резко меняется: от конца XVI и особенно от XVII в. до нас дошло колоссальное количество деловых текстов, написанных в разных местах Пермского края. Они хранятся в архивах, музеях и библиотеках Санкт-Петербурга, Москвы, Перми, Чердыни, Соликамска, Кунгура, в разных аспектах изучена их лексика и ономастика, составлены словари [СПП, СПФ], все это позволило охарактеризовать языковую ситуацию, сложившуюся в Прикамье в XVII в. [Полякова, 1993].

Среди русского населения в Пермском крае в этот период существенно преобладало крестьянство. Антропонимы писцовых и переписных книг, а также документы сохранившихся с XVI-XVII вв. до наших дней архивов крестьян из чердынского погоста (селения с церковью) Цыдвы и соликамской деревни Родники [Полякова, 1965, 115] дают возможность проследить проживание нескольких поколений одной семьи в том или ином селении. Сложившиеся там говоры передавались из поколения в поколение.

Однако крестьяне проживали не только в починках, деревнях и погостах, но в то же время составляли часть населения городов, слобод, укрепленных городков и острожков, ср.: *Крестьянин города Кунгура Прохор Поздеев*, 1685 г.; *Крестьянин Соли Камской Климко Лыткин*, 1690 г.; *Крестьянин слободки Слудка на реке Каме Ивашко Кирилов сын Обанин*, 1623 г.; *Крестьянин Чусовского городка Аверкийко Володимеров сын Нечаев*, 1647 г.; *Крестьянин Сылвенского острожка Матюшка Лядов*, 1623 г. [СПФ].

Деревни экономически и административно были связаны с растущими городами, и говоры сельского населения питали речь жителей городов, тем более что источники их населения в основном были одними и теми же. Кунгурские деловые акты XVII в., в которых фиксировались показания крестьян и других представителей низшего социального слоя, свидетельствуют об употреблении диалектных слов в той же мере, в какой их использовало сельское население. Причем многие из них сохранились в речи кунгуряков до настоящего времени, и автору этих строк, в течение трех лет жившему в Кунгуре, постоянно приходилось их слышать: *мост* 'сени', *сенцы* 'сени', *лыва* 'лужа', *слуда* 'гора', *кыра* 'непослушный, упрямый человек' и др.

Вместе с тем языковая ситуация в городах оказывалась иной, чем в деревнях. Во-первых, состав жителей городов был более пестрым, чем в каждой их деревень. Здесь были выходцы не только с севернорусской территории, но и из центра и с южно-русских земель. Правда, существенно преобладали бывшие жители с Русского Севера, и основа складывающейся городской речи была близкой к говорам окружающих

деревень. Во-вторых, в городах проживали люди различных социальных слоев и различных занятий: ремесленники, торговцы, плотники, работники солеварен, мыловары, стрельцы, солдаты, духовенство, представители администрации.

Все это приводило к тому, что потребности и возможности языкового общения создавали иную разновидность разговорной речи, нежели говоры деревень. В пермских городах постепенно складывалось койне [Филин, 1981, 81] – городское просторечие, в котором проявлялись и диалектные черты. С одной стороны, оно имело севернорусскую основу, но, с другой стороны, было ориентировано на общерусские элементы. Например, в деловых текстах (челобитных, купчих, заемных, закладных, межевых и других актах), написанных в Соли Камской потомственными площадными подьячими, отмечаются севернорусские диалектные черты: **ѣ** (ять) на месте И перед мягкими согласными (*на сивер*), Ш на месте Щ (*заимшик*), цоканье (*очищение*) и др. Лексика складывающегося просторечия в целом была ориентирована на общерусские элементы, хотя в ней присутствовало достаточно большое количество диалектизмов и профессиональных слов, и она была гораздо объемнее лексики каждого из крестьянских говоров.

При том, что население Прикамья в XVII в. было преимущественно неграмотным (в памятниках постоянно отмечаются приписки: *В [такое-то] место, что он грамоте не умеет [такой-то] руку приложил [расписался]*), здесь, как и в других частях государства, именно деловой язык играл существенную роль в формировании норм и официального письменного языка, и общерусского просторечия. Конечно, нельзя не учитывать, что в каждом регионе в просторечие проникали и местные диалектные черты.

Владеющие деловым языком в Прикамье XVII в. делятся на две категории. К первой относятся те, кто проживал здесь временно, будучи направленным на государеву службу. Это воеводы, члены их канцелярии (подьячие, писцы, дозорщики, переводчики), военные. По историческим материалам видно, что они прибывали в Прикамье на ограниченный срок и что перед этим служили в других местах. Так, дьяк в Чердыни в 1612-1615 гг. Иван Тимофеевич Митусов известен до этого как житель Москвы, подьячий в Кимрах. Чердынский подьячий в Кольском остроге и дьяк на Устюге; дозорщик Соли Камской в 1608-1609 гг. Ильин Второй – как писец Вязьмы, Рязанского уезда, подьячий на Белоозере [Веселовский, 1975, 99, 217, 334-335]. Проживая на разных в диалектном отношении территориях, они ощущали местные особенности и общерусские языковые черты.

Они были руководителями канцелярий, редактировали со своими помощниками значительную долю документов, отправляемых из Прикамья в Москву и другие города. Именно при их участии, а также благодаря документам, прибывающим из Москвы, в частности Соборному Уложению 1649 г., поддерживались традиции делового языка, являвшегося функциональной разновидностью русского литературного языка того времени.

Следы редактирования лексики, в которых употребившиеся жителями Прикамья слова заменяются принятыми в московских документах, обнаруживаются во многих текстах. Так, слово *родник* приехавшими либо воспринималось как имя собственное и сохранялось в тексте (*Деревня Ныроб на речке на Роднике; Да в Соликамском уезде на речке на Роднике мельница*. [Полякова, 1972, 393], либо как апеллятив заменялось синонимом *ключ*. Географический термин *лог*, обычный в Прикамье, и его дериваты сохранялись только как имена собственные, а как апеллятивы заменялись словом *враг* ‘овраг’: *Деревня Логова на враге; Починок Верх-Логовской на враге*. Принятый в пермской речи апеллятив *камень* ‘высокая скалистая гора’ (*камень Писаный, камень Дивий (Девий), камень Дыроватый*) заменялся словосочетанием *каменная гора* или словом *гора* (*Горы каменные, а прозванья им: гора Писаная, гора Девья, гора Дироватая*).

Сначала именно в деловом языке утверждались многие слова, ставшие затем обычными в разговорной речи. Например, в пермских документах отмечаются слова с корнем *пах*: *пахать* ‘возделывать хлеб; распахать землю для посева’, *пашню пахать* ‘возделывать хлеб, неся тягло’, *пашенный крестьянин* ‘крестьянин, занимающийся хлебопашеством, несущий тягло’, *непашенный крестьянин* ‘крестьянин, не занимающийся хлебопашеством’ [Полякова, 1979, 50-51]. Глагол *пахать* в Прикамье лишь во второй половине XVII в. начинает вытеснять древнерусский синоним *орать* ‘пахать землю’, который постепенно уходит из речи горожан, но до конца XX в. сохраняется в говорах: *Молодежь чаще говорит – пахать, а мы по старинке орём* (д. Тюлькино, Сол.); *Прежде говорили – орать. Куды-де сёдни ушли? Орать-де. А теперь уже всё перелаживается* [Акчим. сл., 3, 120]; *В июне, в первых числах, занимаемся за огород, орём* [там же]; *Не кажной орёт, да кажной хлеб жорёт* (пословица, там же). И хотя в речи старшего поколения сохранялись и глагол *орать*, и дериваты *оранина* ‘пашня’, *разорать* ‘распахать’, *разор* ‘борозда между двумя неширокими полосами пашни’ [СПГ, 2, 267], *ораный* ‘паханный’ [Акчим. сл., 3, 119], школьники уже не знали этой лексики. Так, в Акчине обширное поле далеко за деревней, именуемое стариками Ораниной, школьники называли Раниной, считая, что этот

топоним возник от слова *равнина*, с которым они имели дело на уроках географии.

Ко второй категории владеющих деловым языком относились местные делопроизводители: площадные подьячие, служители судебных изб и приказных палат, толмачи с финно-угорских и тюркских языков. Обычно они были уроженцами Пермского края, их семьи проживали в одних и тех же населенных пунктах на протяжении многих десятилетий. Так, Лазарко Аврамов сын Брагин известен как соликамский площадной подьячий с 1647 по 1661 г. Многие из составителей документов были близкими родственниками, ср.: Михаил Филиппов сын Колохматов (20-40-гг. XVII в.) и его сын Сенька Михайлов сын Колохматов (50-е гг.); Ивашко Савинов Никифоров и его брат Ганко Савинов Никифоров и т.д. [Полякова, 1998, 6]. Не удивительно, что в составленных ими документах обнаруживаются местные диалектные черты, вместе с тем этих подьячих можно считать носителями складывающегося пермского просторечия на самом раннем его этапе.

Эти люди знали нормы делопроизводства и делового языка, о чем свидетельствуют многочисленные примеры редактирования текстов. В судебных делах есть необработанные челобитные и допросные сказки, в которых лексика Прикамья записывалась так, как ее произносили. Но в приговорах по тем же делам она обычно редактировалась: вместо слов, диалектных и, видимо, ощущавшихся знающими делопроизводство как сниженные, «простые», появлялась общерусская, нейтральная лексика. Ср.: *Три осмины муки пшенисной* (в допросных сказках) – *Три осмины муки пшенишной* (в приговоре); *В сжеге меленки своей-мutowки – Сожгли мельницу-мutowку; Ивашка Третьяков, он же по назвищу Добрая Корова – Иван прозванием Добрая Корова; Павел те присушны слова в стокан на пиво наговарилвал – Чтоб другим, на то смотря, приворотных слов впредь наговаривать было неповадно; Холста, де, ей, Марье, на рукава не суливала – Хотела, де, она, Онисья, ей, Марье, дать холста на рукава; Тое ево корову в табуне не дярживать – Той коровы в стаде домовь не пригнали* [Полякова, 1983, 91].

Редактирование хорошо представлено в текстах, написанных по переводам толмачей. В одном из кунгурских дел фиксируется несколько названий одной и той же реалии – марийского жилища: *вежа, юрта, изба, дом*. «Москвитин, табашной сборщик» Никита Ларионов сын Брагин в изветной челобитной сообщил, что у *черемисина Васки нашел в юрте два листа табаку*. Сам мариец (черемисин) Васька Кырынбаев сказал, что *стрелец Никифор подкинул к нему, Ваське, в вежу под войлок два листа черкасского табаку*. То же отмечаем в сообщении мариийца Васьки Ямбыкеева: *Никифор Карелин*

подкинул в веже на полку под войлок табаку воровского. Стрелец же Никифор Карелин показал, что Васька Кырынбаев держит в доме своем черкасский табак.

В описании другой ситуации читаем: *Утопише мертвые тела принесли к юртам; Их мертвые тела к веже принесли; Мертвые тела у избы он, Никита, видел.* Все документы записаны при участии переводчика: *Толмачил черемиской толмач Васька Иванов, новокрещен.* В тех случаях, когда записывались по переводу слова марийцев, их жилище называлось *вежей*. При записи показаний официального лица «табашного сборщика, москвитина» использовалось принятое в деловых документах название жилища нерусских народностей – *юрта*. Русский крестьянин и стрелец называют его *избой* и *домом*. В приговорах же по этим делам использовалось обычно слово *юрта*. Таким образом, в делопроизводстве отражается ситуация перевода текстов на русский язык: в них сохраняется нерусская лексика в показаниях нерусских, но заменяется русскими словами в показаниях русских и принятыми в официальной письменности – в приговорах.

Тексты XVII в. отражают не только состояние делового языка в Прикамье, но и многие особенности живой речи в Пермском крае. В документах передаются некоторые фонетические черты местной речи, так как в этот период в ряде случаев допускалось фонетическое написание (это было нормой приказного языка), ср.: *бестоварные телеги, зборные книги, женидьба, крык, молотчие люди, плавитца железо.* Воздействие живой речи зафиксировано и на морфологическом уровне: *Было два рубли; У товарищев ево; В Лысвинском крежу копают руду железную; Около половины посаду; Взятье жемчугу и иной серебряной рухляди.*

Однако наиболее ярко оно отражено в лексике, богато представленной в деловых текстах XVII в. Так, в Словаре пермских памятников [СПП] более десяти тысяч слов нарицательных, кроме того аппеллятивы проникали в ономастику. В приложении к словарю дано около тысячи прозвищ и некалендарных имен из слов нарицательных: *Барсук Михайлов, Иванко Берсень (берсень – ‘крыжовник’), Вакорь Вакорев сын (вакорь – ‘поваленное старое дерево в лесу’), Федька Данилов сын Голда (голда – ‘чрезмерно говорливый, надоедливый человек’), Иван Кокора (кокора – ‘неповоротливый, неуклюжий или упрямый человек’), Никитка Михайлов сын прозвищем Правда, Андрюшка Простокшиа (простокшиа – ‘простокваша’). Аппеллятивы XVII в. через прозвища вошли и в тысячи пермских фамилий (см. СПФ).*

Около 20 % словаря памятников составляла деловая лексика и терминология (названия видов документов, должностей, учреждений,

процессов делопроизводства), а также словосочетания, в которые входили и слова, обычные в делопроизводстве (*бессудная грамота, изветная челобитная, зазывная грамота, закладная кабала, кортомная запись, порядная запись, письменный голова, ратный голова, ссылочная грамота*), и нейтральная общерусская лексика, ср.: *Куды коса и топор ходила* (в формуле для обозначения границ сенокосны[и разработанных лесных угодий]: *Меж двор волочь, погибает голодною смертью (меж двор волочься – ‘нищенствовать’)*).

Вместе с тем в принятые словосочетания делового языка входила и диалектная лексика. В межевых, ободных, купчих, закладных и других грамотах при описании участков и их границ часто использовались словосочетания со словом *место* (*место болотное* вместо слова *болото*, *место боровое – бор* и т.д.), в которые попадала и территориально ограниченная лексика: *наволочное место, присадное место, согретное место, чертежное место, шутемное место*. В то же время при записи показаний жителей Прикамья употреблялись не словосочетания, а слова, от которых в словосочетаниях были образованы прилагательные: *Выменяли мы...сенные покосы – наволоки по речке Сурмугу (наволок – ‘пойменный заливной луг’); Продад есми...пожно – присаду на Каме-реке (присада – ‘заросший травой низкий наносный берег’); А межа тому Лаптеву лугу – согра (согра – ‘низменное, влажное, поросшее ельником угодье’); Чертёж против Березова острова; Порозжей покос на шутёме (шутем – ‘оставленное поле, заросшее травой и кустами’)*.

Деловой язык XVII в. испытывал сильное воздействие церковно-книжного языка. В документах есть лексика, называвшая церковные праздники (Радуница, Рождество) церковные должности (*архиерей, архиепископ, дьякон, епископ*), церковную и монастырскую утварь, книги и т.д. Из церковно-книжного языка пришли в документы сложные слова (*благолепие, благословение, благосостояние, благочиние, богодарственный, боголепный, богомерзкий, богоносный, богоотступник*), повлиявшие на развитие сложных слов в деловых текстах (*вышеименованный, вышеупомянутый, нижеписанный*).

В деловых документах монастырей иногда отмечаются отрывки текста, написанные с соблюдением норм церковно-книжной грамматики: *О них же божественный апостол известует, яко око не виде и ухо не слыша*. Церковно-книжная лексика (старославянская по происхождению) фиксируется в штампах деловых актов при упоминании государей (*Для своего государственного многолетнего здравия*), тогда как при описании действий или жителей Прикамья используются русские слова (*Судницына вдова Федосьица...будет здорова, и привести ее, вдову Федосьицу, в Чердынь лично*).

Лексика церковно-книжного языка отчасти проникала и в разговорную речь жителей Пермского края. Так, если хронология делопроизводства XVI-XVII вв. включала официальные названия месяцев (*Сентября в 1 день*; *Декабря в 19 день*), то народная хронология опиралась на церковный календарь: *Поспеть на Верхотурье по нынешнему по зимнему пути в великий мясоед до масленицы за две недели (мясоед – ‘рождественский мясоед между праздником Рождества и великим постом’.* [Даль, 2, 374]); *Продавал сало скотское топленое боевое вместо масла коровья на сырной неделе (сырная неделя – ‘масляная неделя до великого поста.* [Даль, 4, 376]). Отмечались либо недели церковного календаря, либо отдельные дни: *Сани и хомут покинул он, Костка, у него, Васьки, после Введения дни вскоря; Вскоря после Николина дни осеннего променял...Евсютке кобылу карюю.* Сроки платежей долгов, платы за работу и т.д. обычно устанавливались к определенным дням: *До срока до Николина дни вешняго* (9 мая по старому стилю); *До срока до Ильина дни бжия пророка* (20 июля); *До срока до Семенова дни летоначатца* (1 сентября, начало «бабьего лета»).

При обозначении времени в народную речь проникали элементы конфессионального языка: церковная лексика (*пророк*), сложные слова (*летоначатец*, *мясоед*), грамматические формы (*божия пророка*, *вешняго*). Вместе с тем они адаптировались народной речью. Так, в пермских документах записано *До Семенова дни*, тогда как в официальных московских документах – *До Семеня дни* (то есть с использованием архаической формы притяжательного прилагательного *Семень*); в местных актах – *Рождество (Ево на срок поставить на Кунгуре на Рождество)*, в церковных и официальных оборотах – *Рождество (Пресвятая Богородице присно деве Марии...упование всех христиан честнаго и славнаго ея Рождества)*. Таким образом, с одной стороны, народная речь обогащалась церковной лексикой, с другой стороны, она приспособлявала ее к своим языковым особенностям.

В деловых актах представлены многочисленные синонимические ряды слов, позволяющие выявить семантическую характеристику входящих в них слов. Например, в ряду *чада – дети – робята* слово *чада* присутствует в текстах, связанных с церковью (*Образ...князь Феодора и чад ево Давида и Константина, ярославских чудотворцев*), синоним *дети* был нейтральным (*Были в стану дети ево*) и вместе с тем попал в деловую антропонимическую формулу (*Тот чертеж у нас ввопче с Сидором да с Дорофеем Степановыми детьми Иртеговыми*) и в деловое терминологическое словосочетание *дети боярские* ‘низший разряд служилых людей’ (*Писали к нам из Казани...дети боярские и сотники стрелецкие*). В живой речи жителей Прикамья употреблялось слово *робята* и дериваты от него: *Она говорила: у Вахромя, де,*

Корнева не ведаю, пожар ли или ино что делатца – в сенах, де, огонь горит, пособи мне из моего дому робят моих вынести; Во дворах у них только малые робята; Шубенко робячее маленькое; 14 рубашек тонких мужских и женских и робячьих.

В синонимическом ряду *пря* – *прека* – *ссора* – *здор* слова, обозначающие один процесс, различаются стилистически. *Пря* отмечается в монастырских деловых актах: *Была меж нами пря и вражда о мельнице монастырской*. Слова *прека* и *ссора* были нейтральными: *Примирилися есми меж собою Ларион да Микифор полюбовно, что у нас меж собою была прека; За что, де, он, Савка, и по какой ссоре ево, Федора, убил, про то, де, он, Андрюшка, не ведает*. Но *прека* отмечается в обработанных текстах (приговорах, мировых), а *ссора* – и в них, и при передаче живой речи. Слова *здор* и *здорить* отмечаются только в показаниях жителей Прикамья: *Филип Рязанов о приданом с Константином здорил, и в том здоре неведомо кто у них огонь угасил*.

Однако чаще в синонимических рядах присутствовали общерусская нейтральная лексика и просторечные или диалектные синонимы к ней: *пук* в обычном деловом тексте (*Товарную выпись положил...к таким же таможенным выписям в пук*), а синоним *пучня* при описании бытовых предметов (*Для продажи тертого табаку берет пучня*). Слово *кровь* было нейтральным (*Голова в дву местех прошибена, и, зная, кровь шла*), а синоним *руда* – сниженным и использовался преимущественно при описании крови животных (*Лошади померли не у их сена, и руды, де, никой у их сена не было*).

Анализ синонимических рядов позволил выявить просторечную и диалектную лексику, попавшую в тексты XVII в. Территориально ограниченная лексика представлена в пермских памятниках следующим образом: 2,1 % имен существительных, 0,8 % прилагательных, 0,3 % глаголов, наречий.

При изучении лексики русских говоров XX в. О.И. Блинова учитывает данные различных исследователей, показывающих, что территориально ограниченная лексика составляет небольшую часть словаря [Блинова, 1973, 41-44]. Так, Л.И. Баранникова пишет, что при обычной записи текста в потоке речи в вологодских говорах фиксировали 3,2 – 2,1%, в курских 2,9 – 3,8 %, в саратовских 1,0 – 3,3 % диалектных слов [Баранникова, 1967, 13]. Г.Г. Мельниченко, опираясь на данные ярославских говоров, полагает, что в говоре 96% составляет общенародная лексика [Мельниченко, 1962, 5].

Безусловно, и в XVII в. в говорах преобладала общерусская лексика, поэтому не удивительно, что диалектизмы составляли в пермских деловых памятниках в количественном отношении небольшую часть словаря, хотя в живой речи Прикамья она была

значительнее, чем в деловом языке. В текстах Пермского края диалектные слова хорошо представлены в тематических группах названий географических реалий (см. выше), предметов быта, характеристики скота, построек и т.д. Например, диалектных слов много среди названий предметов одежды и их частей: *шабур* ‘род зипуна или балахона из домотканного холста’ (*Шабур* *холщовой*, *два шабура шиты шолжом*), *дубас* ‘сарафан из покрашенного домотканного холста с тонкими бретельками’ (*Дубас* *ветхой дубленой*), *верхница* ‘сарафан из покрашенной (дубленой) ткани’ (*Верхница* *синяя ветхая*; *Снесла Марьца верхницу-дубленик*), *шушун* ‘вид сарафана – платье без рукавов’ (*Шушун* *крашенной*, *шушун* *мухоярный с пуговицы серебряными*), *барма* ‘отделка по вороту (воротник) женского сарафана – платье без рукавов’ (*Сарафан* *кумачной подержаной, по вороту обложен белой бармой*), *ожсерелок* ‘ меховой воротник’ (*Шуба* *под крашенной овчинная, ожсерелок* *бобровой*), *напушица* ‘ меховая отточка шапки, одежды’ (*Шапки* *овчинные черные с напушицей бобровой*), *головадец* ‘девичий головной убор’ (*Головадец* *золотой*), *паворозы* ‘ленты, завязки головного убора’ (*Паворозы* *от головадца*), *скуты* ‘суконные онучи’ (*Скуты* *суконные белые*), *тюни* ‘валяная обувь с пришитыми суконными или холщовыми голенищами’ (*С собою приносил тюни-валенцы овечьей шерсти*), *уледи* ‘ меховая обувь’ (*Взял чулки, скуты, коты да уледи*) и др. [Полякова, 1977, 42-52]. Часть этих слов известна лишь в северно-русских говорах.

Сравнение пермских материалов с данными «Словаря русского языка XI-XVII вв.» и словарями и исследованиями деловых памятников XVII в. различных районов России (работы Н.С. Бондарчук, Е.Н. Борисовой, А.Д. Васильева, С.С. Волкова, В.Я. Дерягина, А.И. Елизаровского, Л.А. Захаровой, Л.Я. Костючук, С.И. Коткова, Н.С. Котковой, О.С. Мжельской, В.В. Палагиной, Л.Г. Панина, Ф.П. Сороколетова, Г.В. Судакова, Н.А. Цомакион, Ю.И. Чайкиной и др.) свидетельствуют о широком употреблении в текстах Прикамья, как и других регионах, лексики, которую в «Словаре Академии Российской» 1789-1794 гг. отмечали как общерусскую просторечную. При редактировании документов ее старались заменить нейтральной, не сниженной: вместо *сулить* – *обещать*, вместо *лукать* – *метывать* (*Она охоча палками лукать*, но *Драниц в воду не метывали*).

Употреблявшиеся в просторечии слова в документах использовались при описании различных сцен (*Седя на сединном пороге, драл лыка с лутошек; Из избы выставил двери рычагом и к себе унес; Украли у меня на Кунгуре из Засыльвы-реки на лугу с ужшица лошадь; Жених с невестою и с приборяны от него, Ярафия, из дому к церкви к венчанию ушли*), различных занятий (*Был в лесу, лесовал; Принесли то мясо, которое молили* [освящали. – Е.П.], *и того не знал*,

где у них была мольба), при описании внешности людей (Ивашко ростом высок, чермен, борода сечена, ус же завивает, нос невелик, поклял), особенностей скота (Застрелил у меня лошадь мою – жеребца шерстью на рыже чалого; Жеребенок – кобылка рыжечала я – лонцынка), реалий крестьянского хозяйства (В том дворе два хлева, покрыты драницами; Ель, а на ней затесана залазь с одну сторону, с нижнюю).

Общерусская лексика составляла основу словаря крестьянских говоров, которые, в свою очередь, были базой речи жителей растущих городов. Это позволяло сохранить русский язык как нечто целое и в Прикамье, и на всей обширной территории России, в частности в Сибири, отстоящей от центра на тысячи километров. В сохранении этого целого большую роль сыграл деловой язык XVII в.

В XVIII в. происходят существенные изменения в экономической и социальной жизни Пермского края. Если ранее как промысел здесь в основном было развито солеварение и связанные с ним занятия (заготовка дров, постройка судов для сплава соли по Каме и Волге до Нижнего Новгорода), то теперь в крае появляются государственные (Егошихинский, Мотовилихинский, Пыскорский, Висимский, Верхний и Нижний Юговские) и частные (Чермозский, Кизеловский, Хохловский, Полазнинский, Бисерский, Юго-Камский, Нытвенский, Архангело-Пашийский, Кусье-Александровский, Очерский, Добрянский, Кыновской, Пожевской и др.) промышленные комплексы: медеплавильные, железоделательные заводы и рудники [Мухин, 1978, 8-9]. На обширной территории, где они располагались, находилась вотчина Строгановых – своего рода государство в государстве, возникшее в XVI в. Однако в XVIII в. часть их земель была выкуплена или конфискована государством для устройства заводов, часть в результате дробления, продажи и браков Строгановых стала принадлежать другим крупным собственникам и далее горнопромышленникам – Голицыну, Шаховскому, Всеволожскому, Лазареву.

Для организации предприятий требовались специалисты, и поэтому в Прикамье привлекаются люди из Москвы, Петербурга и других мест, где до этого уже начала развиваться промышленность, а также иноземцы. Это повлияло на развитие в Прикамье профессиональной горно-промышленной лексики, формирующейся из уже сложившейся в России, а также из привезенной иностранцами. Вместе с тем это способствовало развитию речи жителей складывающихся при заводах поселений, в которой преобладала всем понятная общерусская лексика.

В то же время на создаваемых заводах требовалась большая рабочая сила. Чтобы ее обеспечить, проводилось переселение из

деревень на заводы крепостных крестьян, о чем свидетельствуют ревизские сказки и другие документы XVIII в., хранящиеся в Государственном архиве Пермской области. Переселенцы приобщались к труду на заводах, овладевали новой для них профессиональной лексикой и использовали общерусские слова. Но они и их семьи не порывали с сельскохозяйственными работами (содержанием огородов, скота), с традиционным крестьянским бытом, сохраняя свой старый лексикон.

Вместе с тем крепостных привлекали и к управлению, к работе в конторах, для чего было необходимо обучение прежде всего грамоте и деловому языку. Но нужны были и обученные рабочие и специалисты горного дела, и в 1721 г. по инициативе В.Н. Татищева на Урале (в частности, в Кунгуре) были открыты первые арифметические (цифрные) школы горного ведомства. В 1735 г. такая школа появилась на Егошихинском заводе, в 1738 г. – в Пыскоре. В них обучали грамматике русского языка (словесная школа) и арифметике [Сафронова, 1999, 214-215]. В 1786 г. в губернском городе Перми открылось Пермское главное народное училище, а в 1789 г. – малые народные училища в Кунгуре, Соликамске и Чердыни [Калинина, 1999, 217].

Необходимы были образованные работники и в вотчине Строгановых, которые отправляли крепостных мальчиков – детей слугителей и крестьян – для обучения в Пермское главное народное училище. В XVIII в. появилась школа в селе Ильинском – административном центре вотчины. В 1794 г. там было открыто народное училище, в двух классах которого обучали мальчиков чтению, Закону Божьему, арифметике и русской грамматике [Калинина, 2005, 192-193]. У Строгановых существовал институт воспитанников – молодых выходцев из категории служащих, получавших образование в Санкт-Петербургской Строгановской школе, в высших учебных заведениях России и Европы. Все обучающиеся должны были в той или иной степени овладеть литературным языком того времени.

Главный город Пермского наместничества, а затем губернии был образован на месте Егошихинского завода в 1780 г., в 1781 г. указом, подписанным Екатериной II, ему было присвоено название Пермь. В 1792 г. в Перми начала работать типография, в которой в том же году была издана книга местного штаб-лекаря М.Л. Гамалея «О сибирской язве и о ея народном лечении, с прибавлением о скотском падеже и о осторожностях, бываемых во время падежа». А в 1796 г. управляющий пермской типографией Петр Филиппов издал **первую в России** книгу о типографском деле «Подробное описание типографских должностей», в которой, помимо описания полиграфических действий, входило

предназначенное для корректоров «Объяснение о правописании». Эта небольшая книга сохранилась в одном экземпляре и хранится в Российской государственной библиотеке в стальном сейфе, в коробочке, оклеенной изнутри байкой [Павлов, Блюм, 1980, 63-67].

В результате всех этих процессов речь жителей растущих городов и крупных сел приобретала новые черты. Она была ориентирована на общерусскую основу, хотя в ней могли сохраняться и черты старых говоров. Активно развивается просторечие, в которое попадает немало диалектных слов. В конце века небольшая часть населения городов приобщается к разговорной форме русского литературного языка

Следует отметить, что если речь жителей Пермского края, ее лексика в настоящее время изучена в достаточной степени, чтобы представить основные ее черты, то речь XVIII в. еще предстоит изучить подробно. Пока же сделаны лишь первые шаги в этом направлении: проанализирован большой антропонимический материал [Семыкин, 1998, он же 1999, СПФ], начато изучение палеографии и лексики актов солеваренных предприятий [Чиркова, 1999], палеографии и лексики документов Пыскорского медеплавильного завода [Браткова, 2004]. И тем не менее очевидно, что в XVIII в. начали происходить те изменения, которые определили пути развития разговорной речи Прикамья в XIX в. – в эпоху существенных экономических и социальных изменений в крае и в эпоху становления в России современного русского литературного языка в его письменной и устной формах.

Список литературы с сокращениями

Акчим. сл. – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области / Под ред. Ф.Л.Скитовой. Пермь, 1984-2003. Вып. 1-5. Продолжающееся издание.

Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967.

Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973.

Браткова А.В. Начальный лингвистический анализ памятников Пыскорского медеплавильного завода XVIII в. // Проблемы лингвистического краеведения: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Пермь 2004. С. 33-37.

Васильев В.Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород. 2001.

Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII веков. М., 1975.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

Дмитриев А. Писцовая книга Кайсарова 1623-1624 гг по Великопермским вотчинам Строгановых // *Дмитриев А.* Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов о Пермском крае. Пермь, 1889. С. 110-194.

Дмитриева Т.Н. Лексика обско-угорского происхождения в русских говорах Нижнего Прииртышья // *Этимологические исследования: Сборник научных трудов.* Свердловск, 1988. С. 28-43.

Добродомов И.Г. О некоторых русских словах, заимствованных из греческого языка через тюркское посредство // *Лексикология и словообразование древнерусского языка.* М., 1966. С. 255-262.

Елизаров – Переписная книга воеводы Прокопия Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // *Труды Пермской ученой архивной комиссии.* Пермь, 1893. Вып. 2. С. 87-146.

Калинина Т.А. Народное образование в Чердынском крае (80-е годы XVIII – первой половины XIX в.) // *Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина.* Пермь, 1999. С. 217-222.

Калинина Т.А. К истории просвещения крепостного населения (с. Ильинское Пермской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.) // *Исследования по истории Урала: Сборник статей.* Пермь, 2005. С. 191-211.

Климов В. Заметки к преданиям о чуди // *Вопросы лингвистического краеведения Прикамья.* Пермь, 1974. Вып. С. 121-123.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Сост. Р.М. Боталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М., 1985.

Кривошеков И.Я. Географическо-статистический словарь Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.

Кривошекова-Гантман А.С. Адаптация русским языком коми-пермяцких гидронимов // *Вопросы русского языка и методики его преподавания.* Пермь, 1966. С. 87-107. (Уч. зап. Перм. пед. ин-та. Вып. 34).

Кривошекова-Гантман А. Откуда эти названия? Пермь, 1973.

Кривошекова-Гантман А.С. К проблеме пермской чуди // *Вопросы лингвистического краеведения Прикамья.* Пермь, 1974. Вып. 1. С. 132-141.

Майданова Л.М. Ареалы финно-угорской этнонимии Урала // *Вопросы топониматики.* Свердловск, 1962. Вып. 1. С. 22-32.

Матвеев А.К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1987.

Матвеев А.К. Северные этюды // Этимологические исследования: Сборник научных трудов. Свердловск, 1988. С. 8-17.

Матвеев А.К. Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. Челябинск, 1990.

Мельниченко Г.Г. Характеристика словарного состава местного говора по степени употребительности слов // Доклады на научных конференциях 1962. Ярославль, 1962. Т. 1. Вып. 2.

Мухин В.В. История горнозаводских хозяйств Урала первой половины XIX века. Пермь, 1978.

НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова: В 13 вып. Новгород. 1992-2000.

Оборин В.А. Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 107-120.

Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск, 1990.

Оборин В.А., Балащенко Л.А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // Труды Камской археологической экспедиции. Пермь, 1968.

Павлов В., Блюм А. Рассказы об уральских книгах. Свердловск, 1980.

Подвысоцкий – Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. А.Подвысоцкий. СПб., 1885.

Поляков Ю.А. К вопросу о раннем этапе этнической истории коми-пермяцкого народа // Языки и ономастика Прикамья. Пермь, 1973. С. 105-112.

Полякова Е.Н. «Новые» соликамские свитки XVII-XVIII веков // Вопросы русского и славянского языкознания. Пермь, 1965. С. 65-115. (Учен. зап. Перм. ун-та. Т. 137. Вып. 1.

Полякова Е.Н. К изучению лексики пермских памятников XVII века (на материале географических терминов) // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии: Материалы IX зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала. Пермь, 1972. С. 390-394.

Полякова Е.Н. Названия предметов одежды в пермских памятниках XVII – начала XVIII века // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1977. С. 42-52.

Полякова Е.Н. Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения. Пермь, 1979.

Полякова Е.Н. О редактировании пермских деловых документов XVII – начала XVIII в. // Русская историческая лексикология и лексикография: Межвузовский сборник. Л., 1983. Вып. 3. С. 89-97.

Полякова Е.Н. От «араины» до «яра»: русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь, 1988.

Полякова Е.Н. Языковая ситуация в Прикамье в XVII веке // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 110-115.

Полякова Е.Н. Формирование пермских говоров // Русские говоры Пермского региона: Формирование. Функционирование. Развитие. Пермь, 1998. С. 4-30.

Полякова Е.Н. Отражение в пермской топонимии связи разных культур (вишерский диалектный географический апеллятив *стеня*) // Языковое сознание и текст: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 2004. С. 251-260.

РС – Расписные списки. Российский государственный архив древних актов. Рукопись. Фонд 137. Описание Чердынь. Единицы хранения 1-5.

САП – Список археологических памятников Пермской области (к Своду памятников истории и культуры РСФСР). Пермь, 1986.

Сафронова А.М. Арифметическая школа Пыскорского завода (1738-1742 гг.) // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина. Пермь, 1999. С. 214-217.

Семькин Д.В. Сравнительный анализ крестьянских именников Чердынского и Вологодского уездов первой четверти XVIII века // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тезисы докладов на межвузовской научной конференции. Вологда, 1998. С. 74-76.

Семькин Д.В. Чердынская ревизская сказка XVIII века как источник изучения ономастики // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина. Пермь, 1999. С. 15-21.

СИЭ – Советская историческая энциклопедия: В 16 т. М., 1961-1976.

Скитова Ф.Л. Об одной фонетической особенности верхневишерских говоров Пермской области // Учен. зап. Перм. ун-та. Пермь, 1962. Т. 22. Вып. 1. С. 45-50.

Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. / Ред. Ю.И. Чайкина. СПб., 2003.

СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII веков. М., 1975-2006. Вып. 1-27. Продолжающееся издание.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1984-2005. Вып. 1-15. Продолжающееся издание.

СПГ – Словарь пермских говоров / Под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой: В 2 т. Пермь, 2000-2002.

СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века / Сост. Е.Н.Полякова: В 6 вып. Пермь, 1993-2001.

СПФ – Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. СПб., 1965-2006. Вып. 1-40. Продолжающееся издание.

СЦРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка: В 4 т. СПб., 1847-1848.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964-1973.

ФУСЗ – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2004. Вып. 1.

Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.

Чагин Г.Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь, 2004.

Чагин Г.Н., Черных А.В. Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития в XIX-XX вв. Пермь, 2002.

Чайкина Ю.И., Монзикова Л.Н., Варинкова Е.Н. Из истории топонимии Вологодского края. Вологда, 2004.

Чиркова С.В. К истокам уральского солеварения (историческое наследие Прикамья сквозь призму лингвистических исследований) // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина. Пермь, 1999. С. 35-39.

Шитова С.Н. Народная одежда башкир // Археология и этнография Башкирии III. Уфа, 1968. С. 125-228.

Шишонко В.Н. Пермская летопись. Второй период. Пермь, 1882.

Шишонко В.Н. Пермская летопись. Третий период. Пермь, 1884.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РАЙОНОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Больш. – Большесосновский район

Губ. – Губахинский район

Ил. – Ильинский район

Красновиш. – Красновишерский район

Ос. – Осинский район

Сол. – Соликамский район

Ус. – Усольский район

Черд. – Чердынский район

О принципах издания рукописных материалов из архива Соликамского Святотроицкого мужского монастыря*

Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова

Изучение живой речи чаще всего осуществляется в синхроническом аспекте. Однако исследования ряда ученых, в числе которых Е.Н. Полякова [Полякова, 2005, 2006.], Л.А. Глинкина [Глинкина, 2000, 2001], О.В. Трофимова [Трофимова, 2001], показывают, что не менее актуален и интересен диахронический аспект проблемы. При этом в провинциальных архивах хранятся многочисленные неизданные рукописные источники, содержащие ценный языковой материал. Введение их в научный оборот возможно лишь после тщательной лингво-палеографической обработки и печатного воспроизведения. В данной статье излагаются основные принципы издания рукописных материалов из архива Соликамско-Истобенского Святотроицкого мужского монастыря, хранящихся в Фондах Соликамского краеведческого музея (шифр Ф-17).

Сам по себе архив обширный, в нем более 300 дел, содержащих преимущественно рукописные материалы второй половины XVIII – первых десятилетий XX века. Сохранившаяся часть монастырского архива не отражает всей истории Соликамского монастыря (его основание датируют 1589 – 1591 гг.), а документирует лишь последний, третий период его существования – с момента переезда в Соликамск в декабре 1795 года Истобенского Святотроицкого монастыря из Вятской губернии и до 1928 года.

Сохранившаяся же часть монастырского архива содержит несколько томов документов (1709, 1752, 1753 и 1770-1795 гг.) собственно Истобенского монастыря, привезенных при переезде, но в основной массе это различного рода акты Соликамско-Истобенского Троицкого монастыря с девяностых годов XVIII века и по двадцатые годы XX века.

Среди документов императорские указы, распоряжения духовной консистории – Вятской и Пермской, рапорты братии настоятелю монастыря, договоры настоятеля с окрестными жителями на оброчное содержание пожен, озер и речных участков с рыбными ловлями, хозяйственные бумаги – сметы, счета и договоры с мастеровыми людьми о ремонте храмов и монастырских построек, о написании икон, обновлении иконостасов и пр. Есть многочисленные описи имущества – монастырского, церковного или оставшегося после смерти кого-то из братии; реестры книг монастырской библиотеки, ежегодные приходно-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 07-04-82412 а/У

расходные книги. Представлены послужные списки братствующих, журналы «благочиния» – о поведении монахов и послушников, или, как сказано в подзаголовке на титульном листе документа, «о хождении к службам, были ли трезвы и благоговейны». Особо отметим сохранившуюся в архиве частную переписку отдельных лиц, например, иеромонаха Николая, бывшего казначеем монастыря в пятидесятых годах XIX века.

Таков далеко не полный перечень видов и типов документов, входящих в архив Соликамского Троицкого монастыря. Из них только императорские указы представляют собой копии, все остальные тексты – это подлинники документы регионального характера. Это богатейшее собрание содержит интересные и ценные сведения из истории монастырской жизни, из гражданской истории, свидетельствует об ушедших и нередко забытых деталях быта, материальной и духовной культуры России XVIII – XIX вв., фиксирует особенности языка того времени – и не только в его официально-деловой или эпистолярной разновидностях, но и в обиходно-разговорной форме. Очевидно, что этот архив представляет несомненный интерес и для представителей духовенства, и для краеведов, и для специалистов различных отраслей гуманитарных наук (историков, социологов, филологов, искусствоведов) – он должен быть доступен для всех интересующихся. Однако работа с документами затруднена: основная масса бумаг рукописная, почерки не всегда ясно читаемые, тексты отражают старую графику и орфографию, архив недостаточно систематизирован по хронологическому и жанровому принципам, т.е. он нуждается в соответствующей систематизации, палеолингвистической обработке и только после этого – в издании.

Все публикуемые документы выполнены на бумаге чернилами темно-коричневого или черного цвета. Их сохранность достаточно хорошая, что позволяет в большинстве случаев прочитать и печатно воспроизвести текст полностью. Иногда трудности прочтения могут быть вызваны индивидуальными особенностями почерка (это наблюдается в основном в частной переписке).

При печатном воспроизведении текстов мы считаем необходимым указывать для каждого документа номер листа рукописи (лицевого и оборотного) и максимально точно отражать текст рукописного оригинала со всеми его особенностями:

- соблюдать типичный для каждого из жанров документов формуляр;
- при публикации писем производить группировку по адресантам, в остальном следовать хронологическому принципу подачи документов;

- воспроизводить приписки и пометы, сделанные на полях рукописей;
- не исправлять ошибки и опiski, предполагаемый вариант прочтения давать в примечаниях курсивом;
- в примечаниях отмечать факты авторских исправлений и другие дефекты текстов;
- констатировать смену почерков в пределах одного текста;
- следовать авторскому членению текста на абзацы, указывать границы строк и страниц;
- вносить в строку выносные буквы, выделяя их курсивом;
- сохранять сокращенные написания слов, воспроизводя их полный облик в примечаниях;
- передавать авторскую орфографию и пунктуацию;
- давать тексты в современной графике, но с сохранением некоторых сейчас уже изъятых из алфавита, а в то время еще использовавшихся букв (**ѣ, і, ї, ѝ, ѣ, ѡ, ѣ, ѡ**);
- сохранять авторское деление текста на слова.

Все перечисленные принципы, исключая последний, являются общепринятыми для лингвистических изданий рукописных источников XVI, XVII веков и более позднего времени, таких как «Московская деловая и бытовая письменность XVII века», «Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века», «Грамотки XVII – начала XVIII века», «Памятники Московской деловой письменности XVIII века», подготовленные Институтом русского языка АН СССР в 60 – 80-е годы XX века. Сохранение авторского деления текста на слова позволяет, по нашему мнению, расширить аспекты лингвистического описания издаваемых рукописей: дать оценку степени владения авторами орфографической нормой; осмыслить принципы отражаемого в рукописях синтагматического членения речевого потока. Это может дать информацию для дальнейшей лингвистической интерпретации уровня языкового сознания пишущих.

Следует отметить, что в издаваемых рукописях не подчиняется строгим правилам употребление прописных и строчных букв в именах собственных. В некоторых случаях это обстоятельство затрудняет понимание содержания текстов, в особенности тогда, когда со строчной буквы написаны малоизвестные, а иногда представленные в различных фонетических вариантах топонимические номинации: *Бакалдинская мельница, Синаксарская пустынь, речка Шыжва, Шакиерский стан, река Вышура, Харюшинская или Шарюшинская сотня, Усть Волостница* и подобные. Поэтому вне зависимости от характера их написания в оригинале предполагается последовательно использовать при передаче собственных имен прописные буквы.

Издание рукописных документов будет снабжено развернутым справочным аппаратом в виде подстрочных примечаний, лингвистических комментариев и приложений.

Подстрочные примечания будут носить лингво-палеографический характер и состоять в констатации смены почерков, ошибок, описок, исправлений с введением предполагаемого варианта прочтения; в расшифровке сокращенных слов; при необходимости – в комментариях, связанных с авторством текстов.

Составление *лингвистических комментариев* к издаваемым документам обусловлено необходимостью толкования значений слов и выражений, не входящих в активный словарный запас современных носителей языка; комментирования архаичных, диалектных и просторечных речевых единиц. Содержание такого рода примечаний может быть различным. В одних случаях достаточно привести словарное толкование лексемы. Так, например, в опубликованной нами переписке казначея монастыря иеромонаха о. Николая один из адресантов использует глагольную форму *закишитъ*: ... а закишитъ меня Пермь, ибо тамъ всё начальство живое [А про то барону..., 143]. Однокоренная единица *кишетъ* приводится в словаре В.И. Даля: «*кишѣть* – возиться кучею, толпою» [Даль, Т.2, 113] и М. Фасмера [Фасмер, Т.2, 242].

В других случаях составление комментария требует дополнительных разысканий. Например, в одном из писем употреблена словоформа *клемышковъ*, причем даже сам адресант, иеродьякон о. Варнава, обнаруживает незнание ее семантики:

Еще вы просите прислать 5. клемышковъ / для книгъ средней величины. Простите меня, я / непонимаю такого названія, и для чего они вамъ / нужны, прошу объяснить, – есть ли для переплета // книгъ то вы можете взять навремя у переплетчика, или для чего другаго, – я неотрекусь / выслать, но совѣтую лучше заказать здѣлать / въ Екатеринбургѣ, какія вамъ угодно.– / [А про то барону..., 144].

Обращение к словарям показывает, что данная лексема ни в одном из них не зафиксирована. Контекст же позволяет предположить ее связь со словами *клеймо*, *клейно* в значении «знак, накладываемый на предметы для указания их принадлежности кому-либо» [Шанский, 150], «знак, налагаемый на предметы, метка, печать» [Даль, 2, 116] или «род рамки, орнамента, внутри которого помещались изображения святых или государей, картины на религиозные сюжеты и т.п., а также само изображение вместе с рамкой (род медальона)» [СРЯ, 161]. Без привлечения дополнительной информации культурологического характера выбор толкования данной лексемы, на наш взгляд, невозможен.

Предполагая востребованность публикуемых документов различными специалистами (исследователями в области материальной и духовной культуры, светской и церковной истории России, генеалогии, социологии, краеведения и т.д.), мы сопровождаем издание рядом *Приложений*: алфавитным указателем апеллятивов с характеристикой их частотности, алфавитными указателями личных имен и топонимической лексики. Задачу этих словоуказателей, вслед за О.В. Твороговым, мы видим в том, чтобы сообщить исчерпывающие сведения о словарном составе текстов, указав в них местонахождение каждого употребления каждого знаменательного слова. Эта информация даст возможность судить о степени употребительности разных слов, о соотношении синонимов и дублетов, об особенностях грамматической и лексической сочетаемости [Творогов, 12].

Составление *Приложений* потребует выработки системы помет и принципов подачи лексем в словниках. Предстоит найти решение проблем разграничения самостоятельного слова и его варианта, а также способа подачи слов, входящих в устойчивые сочетания; выявления унифицированного вида заглавной формы слова при наличии его графико-фонетических вариантов.

По нашему глубокому убеждению, издание рукописных источников, в различной степени отражающих речь жителей Прикамья XVIII – XIX вв. в ее общенародном и региональном вариантах, может послужить ценным источником не только для диакристов, но и для исследователей современной живой речи в качестве материала для сопоставления.

Список литературы с сокращениями

А про то барону Строганову ведомо было... Памятники деловой переписки XVIII – XIX вв. – Усолье, Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», 2006.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 – 4. М., 1981.

Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. I-II. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / Под общ. ред. Л.А. Глинкиной. Челябинск, 2000 – 2001.

Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. III. Очерки по языку деловой письменности XVIII века / Под общ. ред. Л.А. Глинкиной. Челябинск, 2001.

Полякова Е.Н. Речевой портрет писаря XVII века // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. ст. / Отв. ред. Т.И. Ерофеева; Перм. ун-т, – Пермь, 2005. Вып. 7: Динамика языковых ситуаций. С. 85-95.

Полякова Е.Н. Особенности отражения разговорно-бытовой речи в пермских деловых памятниках конца XVI начала XVIII века //

Стереотипность и творчество в тексте: По материалам Международной научной конференции: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 2005. С. 209-213.

Полякова Е.Н. О речи жителей Кунгурского уезда Пермского края в XVII – начале XVIII в. // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / отв. ред. Т.И. Ерофеева; Перм. ун-т. – Пермь, 2006. Вып. 8: Социокультурный аспект речи провинции. С. 7-15.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1958.

СРЯ – Словарь русского языка XI – XVII. Вып. 7. М.: Наука, 1980.

Творогов О.В. Лексический состав «Повести временных лет» (словоуказатели и частотный словарь). Киев, 1984.

Трофимова О.В. Провинциальный лексикон (на материале тюменских рукописных документов последней трети XVIII века) // Словцовские чтения – 2001. Тюмень, 2001. С. 114-116.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1986.

Шанский – Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. Т. II. Вып. 8. М., 1982.

В качестве иллюстраций к статье мы публикуем несколько писем из личного архива казначея Соликамско-Истобенского Святотроицкого мужского монастыря иеромонаха Николая, относящиеся к середине XIX века. Данные материалы помогут читателям составить представление об этом рукописном источнике.

М. Киришичков о. Николаю

[Дата не указана]

Ваше Преподобіе /
Отець Николай. /

Молчаніе Ваше наводило наменя сум=неніе и представлялось [далее вставлено над строкой – уже] въ мысли что / нехочитѣ [далее вставлено над строкой – меня] о себѣ и увѣдомить, на конецъ / въ 22 ° февраля получилъ отъ васъ безко=нечное писмо, при коемъ шкатулка и / орарь, и Гаврилу писмо съ косинною, а въ / 23 ° совѣршенное увѣдомленіе, за которое / и приношу чувствительную благодарность. / благодарю Васъ за благословѣніе Отца Архи-/мандрита, которое съ вѣрою илюбовію¹ при=нимаю, и недоумю подостоянію воздать / благодарность. Вы спрашиваетѣ Совѣта //

продолжать ли вамъ разѣздъ до просуха, ка=кой же явамъ могу подать Совѣтъ, и какъ / могу указать, какъ вамъ самимъ будѣтъ угодно исколко возможность позволить. / Ивану Екимовичу я думаю скучно

итрудно / кажется потому что состояніе его жиз-/ни колеблется, конечно такъ, новъ какое бы / нибыло время зделать добро всегда будетъ / добромъ. Отець Игумень еще изъ Москвы / въ Пермь небываль, осемь извѣстился О: / Про: Григорій отъ Першинъ: О: Алексія кото-/рой проживаетъ въ Перми, [далее вставлено над строкой – которой уехалъ просить милости] идотолѣ неразре-/шу говорить Владыка пока несогласился быть / въ монастырѣ, – пишет что низачто несог-/лашусь. Гаврило, и Никола святоша живут / примнѣ послѣдующей причинѣ, [далее вставлено над строкой – потому что Лука превдненъ въ кухню] на мясопустной / седмицѣ здумалось нашимъ неробѣямъ попи-/ровать //

а ненашто, подумали и решились пробить / сводъ надъ выходомъ въ подваль / гдѣ какъ вамъ / извѣстно хранятся бочки кабатскаго вина, иуда-/лось, мелкіе посуды понаполнили, и еще мало, – / неполенились наполнить въ нашу баню въ-/кадку въ которой содержится горячая вода, ио-/тдуда² уже набежало ивъ кухню ивъ чуланъ / трапезы накапало полное вѣдро, тутъ то- / наши охотники и начали вѣселится дотолѣ / пока неразбудили своимъ веселиемъ прочих, въ / местѣ гуляль съ ними и поваръ Василиій. /

Атаманъ сего дела Костя съ новыми штат=/ными и прочими. Костя признался, и я его того / же дня изаограду проводилъ. Повѣренные простили. / Иконоставъ рождествѣнскій начисто очистили / хочуть золотить снова. Платонъ Митревичъ / сего дня получилъ извѣстіе изъ Москвы отъ / брата Димитрія Димитріевича что онъ / отправилъ къ намъ двухъ золотарей и успѣнскій //

иконоставъ [далее вставлено над строкой – истенное писаніе] очищать иснова поправить. Купи-/тѣ пожалуйста сколко нибудь позументовъ хотя / недорогихъ, да инево всіо худыхъ. О: Вонифатій почти / всіо служить одинъ. Естли возможно купитѣ для меня чаю фунтикъ добренькаго, сургучу для ка=/зны добраго и для себя получше, для поручей колчи=/ковъ³ естли есть. Еще для меня шкурку козли-/ную хорошей доброты инемалую чтобы сапоги / вышли, если покажется сходно то другую по-/поламъ для притачекъ. Естли бы возможность / позволила, нужно [далее зачеркнуто – бы] купить [далее вставлено над строкой – ивыслать] местныхъ свѣчъ / хотя до шести въ богословской предель, хотя / легкаго сорта, а естли несвободно, то уже въ- / Шадринскѣ въ местѣ съ прочими. денегъ при-/семъ посылаю толко десять рублей. теченіе до-/хода браткаго⁴ порядочно. будущую почту будемъ ждатель отъ О: Игумена извѣстія. Отъ сего оста-/юсь тоже несовѣршенно здоровъ грудю. /

Вашего благословѣнія /
Слуга покорный Діаконъ /

Матѣиѣ./

[вставка на полях последнего листа – что особенно получимъ отъ
О: Игумна то непременно извѣстить; / толко гдѣ буду искать /] //

¹ Так в рукописи – *и любовію?*

² Так в рукописи – *и оттуда?*

³ Кольцо, колечко

⁴ Так в рукописи – *братскаго?*

П.А. о. Николаю

6 июля 1840 года

Много-Любезнѣйшій О. Николай! /

Какъ ты ни думай о мнѣ, а я тебя щитаю / пророкомъ. Доброе твое сердце слышитъ вѣрно, что / А. твой зѣло обнищаль, и Вы слыша этотъ гласъ / вздумали прислать ему денегъ, которые такъ къ стати, / что я Вамъ и описать не могу – пословица говорится / сердца сердцу вѣсть подаетъ. Теперь я съ деньгами – / получилъ я отъ Васъ 85^{ру} но изъ числа ихъ паки / обратно возвращаю 40^{ру} изъ которыхъ 20^{ру} о. / Иннокентію за переписку апелляціи отдайте, но / впрочемъ въ руки ему не давайте а у себя храните, / а въ полученіи оныхъ росписку съ него возьмите и / ко мнѣ доставте – а 20^{ру} къ Вамъ возвращаю, ибо / вижу я изъ реэстра, что и 70^{ру} оставшихся отъ прежнего / роздѣла тутъ же взошли: то мнѣ и не слѣдуетъ изъ / нихъ получить ни одной копѣйки, они Ваши – а / почто мя Брате искушаеши оными ¹ Вы думаете можетъ / быть и въ самомъ дѣлѣ я лакомъ до денегъ, – нѣтъ, кто / какъ хочеть судить и говорить о мнѣ, а я знаю / самъ себя – мнѣ чужева ничего ненадобно, хотя / меня нѣкоторые и щитають воромъ, но я еще онымъ / не бываль да ибыть не хочу – Слава Господу! По / милости питательницы наша Царицы Небесной / и милости Вашей я доволенъ и своимъ. Я чувствую то, / что намъ Н. положено брать въ 3^с противу братіи, такъ / на чтоже мнѣ еще хапать², буду доволенъ и своимъ, если / только стану съ умомъ жить. Я вижу надъ собою / особенное милосердіе Божіе, чувствую беззаконія моя, / такъ начтоже мнѣ брать – вить эти деньги въ прокъ / не пойдутъ, право они прахомъ провалятся – знай возл. / мой, что неправедная полтина утащить за собой цѣлый / праведный рубль., а этого я и боюсь – несовѣтую итебѣ / ни одной полтиной чужой пользоваться – будемъ довольны / тѣмъ, что даютъ, станемъ благодарить за то чѣмъ / награждаютъ – будемъ довольны своими оброками – а не учжими³ //

Изъ 70^{ру} мнѣ досталось 23^{ру} 39^к и я только 20^{ру} / ипосылаю, а 3^{ру} 35^{ко} замною будутъ – я отдамъ послѣ. /

Напрасно Вы меня неувѣдомили, получилили Вы деньги / мои 10^{ру} которые я послалъ въ письмѣ къ Вамъ отъ 22 дня / июня . Извѣстите объ оныхъ – Вы меня очень успокоили, / идаже весьма обрадовали, что отысканы акты, / которыя отосланы чрезъ Тобольскую Духовную Консисторію / въ Коллегію Экономію въ 1764^м году закладная отъ / татаръ на покупныя утатаръ земли – Прошу васъ это / дѣло прислать комнѣ немѣддя – нужно отыскать и / тое бумагу при которой отосланы грамоты / и данная на покупныя земли и если эту бумагу / отыщите то также немѣддя пришлите – Эти / бумаги нужно помѣстить въ прозбахъ [Вставка в текст : А гдѣ помѣстить: то о.Инокк. найдеть мѣсто, помѣстить оное бумагу / не всю, а только нужно чтобъ число и Номеръ и куда отосланы и накаковомъ / основаніи – посемуто случаю нужно и апелляцію въ Пермскую межевую контору слѣдующая – къ подачѣ], а посему прозбу / погодить переписывать которая слѣдуетъ въ Палату Госу-/дарственныхъ Имуществъ, если уже неуспѣли то мнѣ – / апелляціонную жалобу которою при семь возвращаю – / Пожалуйста посмотри за о.Инокк. чтобы онъ не премѣнно / переписалъ въ два дни 3 листа и въ субботу подписавшись / всѣ копіи⁴ ко мнѣ вышлите – Если же онъ сдѣлался нездоровъ / то вытрезвите его и заставьте переписать – право горе = / / наше если мы опоздаемъ съ оною, сроку оной апелля- / ции только остается 3 недѣли. Поэтому инадобно намъ / ускорить оною, чтобы непропустить⁵ сроку къ подачѣ оной. / На мѣльничную плотину много Вы денегъ извѣли – помяните о.Далмата – если бы онъ былъ: онъ болѣе 100^{ру} не / извельбы. Лѣтошней прорывъ какой былъ, да ито / только изведено 7^м сотъ рублей, а нынѣ вить говорить / не то со всѣмъ было. Впрочемъ [вписано над строкой: только бы было прочно сдѣлано и] я думаю безъ Вашего / ведѣма⁶ ничего непокупали и ничего неначинали дѣлать / на мѣльницѣ – Слава Богу! Что 254^{ру} вымолола наша мѣльница – пожалуйста старайтесь сумму эконо-/мить – сами изволите видѣть, расходу куча а приходу нѣтъ / ничего – Какъ мы справимся съ деньгами – станеть ли у насъ / на краску – кажется мнѣ внизу братскихъ келліи можно / оставить до будущаго времени окрашеніе половъ и переборокъ. / А если возможно: то можно оставить въ верху братскихъ келлій – / Хорошолы красить Андрей, да неворуетъ ли бѣлилы – бѣлилами / я не совѣтую красить въ нижнихъ кельяхъ ни дверей ниподоконныхъ / досокъ, а въ столовой, да въ казначейскихъ кельяхъ нужно окрасить / получше. Въ казначейскихъ кельяхъ двѣри столярные филаретовы / дѣти, кажется всѣ двѣри розбили: то ненужноли ихъ переклѣить – / пожалуйста о сумме донеси мнѣ репортомъ. Если желѣзо изъ Екатеринбургга / представлять вамъ: то

желѣзомъ покуайте⁷ – никольскимъ - да вотъ что еще / записано у меня – покойный о.Веніаминъ говорилъ мнѣ при о.Протоирее, / что они брали де у насъ новаго железа кровельнаго 14^{тѣ} или 4^с ⁸ листовъ: то / прошу Васъ переговорить о семъ съ о.Протоіер. Григор. Степановичемъ и если / отдадутъ то спасибо, а если неотдадутъ: то и Богъ съ нимъ. Они брали [вписано над строкой: это желѣзо] для церкви. / Плотнику пора работою покончить, всѣмъ скажи, что бы всѣ шли напокось / кромѣ Андрея, да Якова Григорьевича – Здѣсь уже въ Архирейскомъ / домѣ насадъ⁹ со 2го числа и время стоитъ прекрасное – Дабудеть съ тобою / Господь Твой всѣгда сл. П.А.

6го іюля 1840. //

Приписки на полях письма

[Приписки на полях первого листа] Деньги хотя я инаписаль здѣсь, что посылаю 40^{ру} но толь 20^{ру} / посылаю. А прочіе 20^{ру} отдадь Кирпищикову, въ томъ иросписку / его руки прилагаю – прошу взыскать съ о. Діакона Матѣея. /

Послѣ нашего синокоса можешь Діакона Мутина / отпустить на покось- / Никаноръ Александровичъ, пишетъ ко мнѣ, чтобы цѣны сбавить на хлѣбъ / то я совѣтую ему брать на сторонѣ. Впрочемъ если Вы согласны збавить [с исправлено на з]: то / збавте сколько знаете. – Резебръ о раздѣлѣ на слѣдующей почтѣ пришло. /

Весьма я благодаренъ Вамъ, что Вы прислали мнѣ планъ съ / книгою - это безцѣнное сокровище, жаль, что онѣ ничѣмъ незасвидѣтельствованы поразвѣдывай тамъ и еще же такихъ актовъ. И архипастырь любитъ этимъ планомъ. /

[Приписки на полях второго листа] Прошу Васъ записать всѣ расходы въ неокладную сумму какіе только / есть и съ книги бѣловой прикажи списать копию и ко мнѣ оную пришли / но смотри неизмарали бы. /

Дивно для меня, что о. Діак. Кирпищ: не присылаетъ мнѣ той / записки, въ коей значатся купленные мною вещи. Поговори ему, чтобы / онѣ прислать – онѣ боится вѣрно, чтобы я ему зла оною несдѣлалъ - / завѣрь его, что я не назло сотворенъ, а на добро – мнѣ она нужна для / одной справки по своимъ дѣламъ, я послѣ опять ее къ нему пришло. / Онѣ прислать мнѣ да не тое – буду ждатель тое записку, а если / не пришлеть: то буду ссорится – /

Весьма мнѣ жаль Ивана Антоновича, что съ сею почтою не послано дѣло объ пешанской¹⁰ / оградѣ. Скажи ему, что я два раза посылалъ Ивана Никаноровича въ Палату, всѣ только / кормятъ завтраками и Высокопреосвящ. нынѣ посылалъ, сказали по вечеру пришлемъ / – Судной палаты дѣла изъ нее тихо идутъ. /

[Приписки на полях третьего листа] Діаконъ Мутинь нуженъ и у насъ на покосѣ – скажи ему, что его лошадь много у насъ сѣна съѣла, а потому идолженъ онъ возвратъ¹¹ оное на покосѣ – пусть онъ погуляеть на нашемъ покосѣ, а домой ему ѣздить нѣтъ зачѣмъ. Не найду я для его / дочери / жениха / нашель/ было, о / коемъ я / иписаль/ Вамъ, / да чтото / захво-/раль, а / потому / Архи-/пастырь / и не по-/сылаеть. / Изъ уче/никовъ изклю-/ченные / ненай-/деется ли / какой / подожд-/демъ. /

[Приписки на полях четвертого листа] Прошу Васъ поклониться Достопочтеннѣйшему о. Протоіерею / Григорию Степановичу и незабвенному предобрѣйшему нашему сосѣду / г. Смотрителю училищъ Никанору Александровичу – успокоивайте его¹² //

¹ Вписано над строкой

² Подчеркнуто автором

³ Так в рукописи – *чужими?*

⁴ Чтение предположительное

⁵ Так в рукописи – *пропустить?*

⁶ Так в рукописи – *ведома?*

⁷ Так в рукописи – *покупаите?*

⁸ Вставка над строкой (одно слово) не читается

⁹ Чтение предположительное – *насадъ* или *насамъ?*

¹⁰ Чтение предположительное

¹¹ Так в рукописи – *возвратитъ?*

¹² Не читается одно слово

Василий Власьевской о. Николаю

13 июля 1851 года

Достойно уважаемый преподобный отецъ /
Николай. /

Приятнѣйшее Ваше писаніе отъ 22 мая съ удоволь-/ствиємъ моимъ имель честь получить 9 ч. минувшаго / июня, за каковое приношу вамъ мою благодарность, / ивиновать, что такъ запоздалса моимъ отвѣтомъ, / разняя къ тому житейскіе и церковныя суеты удержи-/вали меня, конечно оправданіе это весьма слабое, / Содной стороны судить время немного требуется на/писать письмо кълюбимому человѣку, но не въмоихъ / правилахъ къ такому писать коротенько, адолжна бе-/седа быть такова, какъ первѣнствующіе христиани / служили всенощное бденіе, теперь улуча совершенно сво-/бодное время, непременною обязанностію поставляю, съ / приятностію съ вами побеседовать. /

Весьма приятно видеть такое вниманіе Архипасты-/ря къ своему подчиненному, слава и честь начальнику / тому, которой такъ внимателенъ къзаслугамъ под-/чиненныхъ, данельзя отъ нять хвалы иотъ подчинен-/ныхъ, которыя деяніями своими оправдываютъ избра-/ніе начальника, на подлежащій подъ вигъ, следуя словам ¹ / Апостола: въ кійждо бо званіе призванъ, вътомъ да- / пребываетъ, съкаковымъ подаркомъ отъ Архипастыря / васъ ипоздравляю, душевно желаю такимъ расположе-/ниемъ пользоваться иотъ новаго посланника. //

Отъ Глафиры Николаевны получилъ я последнѣе письмо отъ 5го / марта, по прозьбе моей была она упресвященнаго Евлампія для / засвидетельствованія моего высокопочитанія, и заочнаго его Ар-/хипастырскаго благословенія, я пользовалса отъличнымъ его бла/горасположениемъ ², когда онъ былъ викариемъ въ Екатеринбургѣ, вотъ / въ жизни иправилахъ нашъ владыка томскій, весьма подобень / ему, принялъ Глафиру Николаевну весьма милостиво. /

Старой здешній протопопъ изъ Красноярска брукнуть ³, пуцай / подъ старость помнитъ Красноярскъ, онъ приехалъ сюда изъ Ко/лыванского завода, да инастоящей заводской, и хотелъ здесь такъ / же поступать, какъ тамъ, но здесь ему непривелось, хотя съпри-/езду говорилъ, что онъ не тотъ протопопъ, чтобъ ево заносъ / здесь водили, а ему хочеться самому заносъ водить, но я на это нео/бинуясь сказалъ при духовенстве, что здесь незахватить ему ни / уодного человекка носу, по тому что имѣють все небольшіе, вотъ / съ какою зверскою мыслію сюда приехалъ, зато немного и послу-/жилъ, несмотря что имѣеть наперстный ⁴ крестъ и камилавку, какъ / изъ отношеніе его въ здешнее Д. правленіе посланное по болезни / ево просится въотставку, но точно должень онъ быть нездаровъ, / только нетеломъ, А душой, въ проездъ его чрезъ Томскъ преосвя-/щенный ево непринялъ, вероятно избегаая греха, естли занятъ / съ нимъ овсехъ его пакостяхъ, ⁵кельгень нандра барганъ⁵. /

Новаго протопопа сюда еще неслыхать, кто будетъ избранъ, но / хуже этаго ибезъ совѣстнѣе наверное небудеть. /

Вотъ какъ онъ осебе мечталъ, камилавку ево когда сниметь / съ него діаконъ, приказалъ ставить на Св. престоль, во время чте-/нія евангелія за обеднѣй становилса всегда на горнѣе место, какъ / Архирѣй, истаралса во всемъ показывать себя какъ лицо святите-/ля, чудный былъ человекъ, ибезъ совѣстной, одно только было въ немъ достоинство жадность къ сребролюбію, но я просебя не скажу, чтобъ чемъ нибудь отъ меня попользовалса, не стоилъ того, дая / ево понялъ съ самава приезда сюда, что это затаварь.//

Скажу еще ито, естли бы немилости ко мне преосвящен-/наго, и вниманіе всехъ почтенныхъ здешнихъ гражданъ, съ са/мова приезда его

не быть бы я старостой, даже къпреосвя-/щенному ⁶ посылалъ прошеніе, и причину оставленія моего дол-/жности этой писалъ партикулярно, на прошеніе последовалъ / съ резолюціи Архирейской указъ изъ консисторіи, чтобъ духовное / правленіе въ особенности возложено было на протопопу убе-/дить меня остатся старостой, тутъ разныя ево были извороты / наубежденіе мое засылалса своими товарищами, кои ко мне / приходили, убеждали, на конецъ сказали, что они перввыя будутъ / плакать естли я несогласуь остатся, но я решительно сказалъ / имъ, подумаю тогда, когда самъ придетъ ко мне протопопъ, / А ему создешнымъже гражданиномъ ехавшимъ изъ Ирбита было отъ архирея сказано, что естли я не согласуь остатся старо-/стой, тогда и протопопу въ Красноярскѣ небудеть, это то иза/ставило ево придти ко мне, и убеждать чтобъ я осталса, но / истинно вамъ скажу, ни чья бы прозьба меня неубедила [далее вставлено над строкой – остатся] дабы / удалится [далее вставлено над строкой – только] отъ греха, но одинъ только колоколь заставилъ ме-/ня остатся, естли бы я выбылъ безъ хвастовства и истинно / Вамъ скажу, по сіе время неотълить бы былъ колоколь, пото-/му что тутъ требуется собственно свое усердіе, идеятельность, / а безъ сего ничево бы небыло, я преосвященному ⁶ писалъ, ест/ли осталса старостой, только потому, дабы осуществить / его великое желаніе завести 500 ^н колоколь, и ево неизреченное / ко мне расположеніе, ичтобъ колоколь въ 1850 ^м году огласилъ город и окрестности [далее вставлено над строкой – темъ выполнить] пламенное его желаніе, что благодареніе / богу и исполнилъ съ его игражданъ помощію. /

Соборной иблаговещенскій колокола теперь озвонились прича/ле были хороши ихъ голоса, А теперь несравненно стали лугче, въ последствіи Шишкинъ показалъ себя негодяемъ, но хорошо знаетъ //

расположеніе конструкціи по весу колоколовъ, должно отдать спра/ведливость. /

ВъКрасноярскомъ округе урожай хлеба будетъ весьма плохъ по / случаю бездождія, на степяхъ хлеба выбила кобылка, а травъ со/всемъ нетъ, все засохло, многіе крестьяне отправились сено ста/вить въ тайги, версть за 30 отъ домовъ, въ городе на островахъ тра-/вы хороши, потому. что на оныя залевалась вода, по протчимъ ок/ругамъ хлеба и травы хороши, довольно было дождей. /

Около Красноярска 8 ^{мб} деревень крестьянъ решительно поступили въ / казаки, и ныне въ Иркутскѣ довольно везутъ Артиллерійскихъ сна-/рядовъ, въ Иркутске тоже сколько то деревень поступило въказа/ки, /

Петръ Матвѣичъ завтра отправится въ Иркутскъ, съ нимъ возвратится Ианнушка, Аагнесонька должна остаться тамъ, для / окончанія наукъ. /

Здесь въ Красноярскѣ грехъ ради нашихъ ужасно свирепствуетъ на / детей кровавый поносъ, такъ что годовыхъ детѣй разве осталось / четвертая часть, А то менее года всехъ снесли на кладбище, да / ибольшіе онымъ страдаютъ, анекоторые иумирають, Петръ Ма/твеичъ страдалъ, но слава богу теперь по правилса,

какъ я слышалъ что вы были въ росіи во многихъ местахъ для по/клоненія Св. местамъ и угодникамъ, А въ Иркутске небывали, усвя/тителя Иннокентія; зимой съкакимъ бы нибудъ спутникомъ весь/ма можно съездить на вольныхъ подводахъ, Большова бы кочту / немогло стоять, вотъ бы тогда посмотрели [далее зачеркнуто – бы] иКрасноярскъ. / съ его окрестностями и славный быстротекущій Енисей, посистеме / его водъ и губернія наименованіе его носить.

Еще Васъ покорнѣйше прошу какъ члена Д: Правленія зделать вы/правку по воскресенскимъ метрикамъ должно быть 1785⁷ года кото-/рого я числа родилса и крещень, мне это изъ любопытства хочется / знать для себя собственно, иудостоить присылкою такового, чемъ / много обяжите на [вашу – зачеркнуто, сверху вписано над строкой – мою] благодарность вамъ. /

съ моимъ истиннымъ высокопочитаниемъ и совершеннымъ ува/жениемъ имею честь быть /

Вашему Преподобію /
Покорный Слуга /
Василій Власьевской /

Июля 13 дня /
1851 года /
Красноярскъ. //

¹ м в слове вставлена над строкой

² Фрагмент слова *-ложе-* вставлен над строкой

³ *Брукнуть* – у В.И. Даля: *брукать* – бодать, пырять, бить тычком.

⁴ Так в рукописи – *наперсным?*

⁵ Фраза, вероятно, на одном из тюркских языков

⁶ Второй *н* в слове вставлен над строкой

⁷ В рукописи цифра 5 написана поверх 4

Русские слова с корнем **-pars-* в сопоставлении с однокоренными словами в чешском языке*

Н.П. Потапова

В статье рассматриваются и сравниваются значения русских (литературных, просторечных, древнерусских) слов и чешских (литературных и разговорно-просторечных) слов, включающих в свой состав древний корень **-PaRS-*. Сравнительный анализ лексических значений слов, принадлежащих двум славянским языкам, интересен тем, что они относятся к разным языковым ветвям: западной (чешский язык) и восточной (русский язык).

Корень **-PaRS-*, судя по лексике, приведенной в словарях, широко задействован в индоевропейских языках. Корень **-PaRS-* состоит из двух частей: 1) корневого архетипа **-PaR-* (основа изучаемого корня в целом), где есть гласный (между согласными P-R), представленный чередованием гласных переднего и непереднего образования (в формуле корня этот гласный обозначается строчной буквой а), 2) второй элемент корня – расширитель (древний суффикс) **-S-* (< **-PaRS-*).

Материал для анализа лексики с указанным корнем извлекался из словарей русско-чешских, чешско-русских, словарей древнерусского языка, современного русского литературного языка, русских диалектных словарей.

Наблюдаемая сегодня общность или различие семантики слов разных диалектов и языков обусловлена древнейшими значениями и оттенками слов указанного корня, бытовавшими некогда в древних языках и изменившимися в процессе их истории.

В современной лингвистике некоторые древние значения восстанавливаются исследователями и помещаются в этимологических словарях с указанием их древней семантики. Семантический анализ таких древних значений слов анализируемого корня позволил предположить, что древнейшими устойчивыми семемами в словах данного корня были ‘физическая сила’ и ‘перемещение’. Подтверждается это и условиями кочевой жизни древних ариев. В части слов современного русского языка эти семы выявляются весьма четко, например, в словах *переть, пороть, перун*.

Известно, что в процессе доисторического и исторического развития согласно фонетическим законам языков в словах (в данном случае с корнем **-PaRS-*) появляются изменения: нередко то или иное

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ № 06-04-82406 а/У; АВЦП «Развитие потенциала высшей школы» (проект РНП.1.3.2.3440).

слово в силу историко-фонетических изменений отходит от своего древнейшего фонетического облика. В различных славянских языках эти изменения протекают по-разному: сказывалось различие в истории стран, их народов, культурного наследия, различия в историческом развитии языков.

Большую роль в истории славянских языков играл суффикс *-S-*, так как он широко употреблялся в глагольных и именных формах. А. Мейе писал, что суффикс *-S-* указывал в глаголе на древнюю дезиративную семантику, семантику желания, а также использовался в глагольных формах аориста, а затем и имперфекта [Мейе, 154-155]. А.А. Селищев также подчеркивал, что *-S-* применялся при выражении эмоциональной окраски слова; этот суффиксальный элемент придавал слову уменьшительное и увеличительное значение [Селищев, 2, 75-76]. П.С. Кузнецов обращал внимание на то, что данный суффикс играл особую роль в формировании глагольных форм различных грамматических времен в славянских языках [Кузнецов, 212].

В анализируемых языках звук **S* в определенных фонетических позициях чередовался со звуками **X* и **Š* (поэтому в русском языке в разных условиях наблюдаем: чередование *пороси* || *порохъ* || *порошину*; в чешском языке отмечается сегодня подобное: *že prach* || *prašiti* || *prackati* ('пыль, пылить, щелкать').

В данной статье сравнивается семантика русских и чешских слов, образованных от древнего корня **-PaRS-*.

Уже говорилось о том, что в корень исследуемых слов входит суффикс **-S-*, который может вносить в семантику слова элементы эмоциональности, уменьшительности и увеличительности. Праславянские слова с корнем **-PaRS-* сегодня в чешском и русском языках имеют различное написание и звучание уже потому, что в чешском языке используется латинский алфавит, кроме того, большую роль в жизни языков играют различия, возникающие как следствие историко-фонетических процессов.

Рассмотрим слова, обозначающие самые мелкие предметы, их частицы. Например, праславянская праформа **рогхъ* в русском языке преобразовалась в слово *порох* и в современной литературной речи означает 'порох, взрывчатое вещество'; в русских диалектах встречается значение 'пыль'. В чешском языке приведенная выше праславянская праформа звучит сегодня *prach*: это слово многозначно, обозначает 'пыль' разного типа: 'порох', *ugelný prach* ('угольная пыль'), *střelný prach* ('взрывчатое вещество'). Значение 'пух' тоже передается чешским словом *prach*.

Словари древнерусского языка показывают, что слово в церковнославянской (старославянской, неполногласной) огласовке *прах*, употреблялось в древнерусских текстах весьма активно, имело

значение, нередко близкое к семантике этого слова в чешском языке, и среди них значения:

1) 'мельчайшая частица, пыль' (в таком значении слово отмечено в Остромировом евангелии, в памятниках XI-XVII вв.). В современных словарях эти значения подаются или с опорой на примеры из поэзии XIX в., или с пометой «трад.-поэт.» [СлСРЛЯ, 11, 342]. Словарь XI-XVII вв. отмечает в слове *прахъ* и другие значения:

2) 'пепел'; 'куча золы.' Приводятся в словарях и значения обобщенного метафорического характера:

3) 'недолговечно, ничтожно, малоценно';

4) 'останки умерших, тлен; тело человека после смерти';

5) 'порошок';

6) 'опилки';

7) 'пыльца, споры'.

Устойчивое сочетание ПРАШИТИ ПРАХЪ обозначало в XI в. 'поднимать пыль'; употреблены оба слова в церковнославянской (старославянской) огласовке. [СлРЯ XI-XVII вв., 24, 248]

В значении 'пыль' в ранних памятниках древнерусского языка слово употреблялось нередко в полногласной огласовке *порохъ*: значение 'сор, соринка' встречается в Изборнике Святослава 1070 г.; также в «Слове о Полку Игореве»: РЬКЫ МУТНО ТЕКУТ, ПОРОСИ ПОЛЯ ПРИКРЫВАЮТ. В форме мн.ч. слово *пороси* суффикс С (<*S) не изменился в X, потому что здесь нет фонетических условий для такого преобразования. В более поздних памятниках фиксируется слово *порошокъ* в значении 'порошок; лекарство в виде порошка' [СлРЯ XI-XVII вв., 24, 120]. Слова *порох* и *прах* фиксируются в составе диалектной речи

Сегодня слово *порохъ* и *прахъ* в значении 'всякое сыпучее вещество', 'пыль', сохраняется в некоторых говорах [Даль, 3, 532]. В пермских говорах в значении 'пыль' слово *порох* не отмечено, но существуют однокоренные слова: *порошина* 'соринка в глазу', *порошинка* 'пылинка', *порхаться* 'барахтаться в земле, в пыли', *напорошить* 'насорить'. В современном литературном языке слово *порох* употребляется в значении 'взрывчатое вещество'. Иногда в функции сказуемого это слово используется как характеристика жизнерадостного, пылкого человека [СлСРЛЯ, 11, 194].

Близки к семантике 'пыль' значения глагола *перхнути* 'сыпаться в виде мелких чешуек, осыпаться'; прилагательного *перхчеватый* 'рыхлый, осыпающийся', собирательного существительного *порошье* 'мелкие частицы чего-л. сыпучего', 'след мельчайших частиц' [СлРЯ XI-XVII вв., 24, 134].

Прилагательное *прашный* со значением 'грязный, пыльный' отмечено в XII в. В исторических словарях встречаются также

существительное *прашокъ* ‘самая малая неделимая частица, атом’, глагол *пороштити* ‘засыпать пылью, мелким сором’, *не прашию* ‘не пыльно’ [СлРЯ XVIII вв., 12, 47]. Но следует сказать, что корень *прах* в русском языке имеет больше значений, чем русское слово *порох*, что объясняется, видимо, влиянием старославянского языка в ранний период развития русского языка, когда особенно активно использовались неполногласные формы. Значения этих двух слов долгое время дублировались. Сейчас в слове *прах* для литературного языка [СлСРЛЯ, 10, 238] повторяются значения, характерные для древнерусского языка слов *порохъ*, *прахъ*.

По свойству мелкости часть пыли, *пылинка*, сходна со словом существуют снежинка; отдельное слово, которое было бы однокоренным к *пыли* и означало бы ‘снежинка’, не отмечено не в одном словаре, однако есть собирательное существительное *пороша*, означающее ‘только что выпавший снег’ [СлРЯ XVIII в., 12, 24].

Анализ лексики с корнем *PaRS- по словарям показывает, что в русском языке слова со значением ‘пыль’ с определенного периода (XV-XVII вв.) чаще связаны с другим корнем *-пыл-*, *-пыль-*. Этимологи относят этот корень к индоевропейской основе *p(w)ũ – ‘дуть’, откуда также *пыхать*, *пых* [Фасмер, III, 418]. Слово *пылинка* значит ‘отдельная частица пыли’; делается упор на ‘частица’. Уменьшительное значение к слову *пыль* в русском современном языке передается словом *пылиночка* с пометой ‘разг.’.

В СлСРЛЯ приводятся слова с семантикой ‘пыль’. Приводимые слова этого корня появляются в русском языке, видимо, достаточно поздно. В словаре И.Н. Срезневского приведено одно слово *пыловый*, прилагательное от слова *пыль* в значении ‘мелкая мука’. Также у Срезневского приводится из польского языка слово *pyl* [Срезневский, 2, 419]. В БАС ранние примеры датируются XVII, началом XVIII века, но слова эти часто многозначны. В более позднее время появляются устойчивые сочетания с переносным значением, например, *словесная пыль* ‘о том, что сказанное не представляет никакой ценности’: «О пыль словесная! Что нужды в тебе?» (А.А. Блок). Со временем корень этого слова и слово в целом приобретает новые оттенки (‘мельчайшая капелька воды, влаги’, в сочетаниях *пыль дождя*, *воды*). В русском языке слово *пыль* может быть также использовано переносно, для передачи беспорядка, сумятицы, шума («Али бунт сделать? Они еще пыли-то от меня не выдывали!», А. Островский) [СлСРЛЯ, 10, 38].

В чешском языке слова с корнем *-pyl-* и семантикой подобно русской, единичны: *pyl* ‘пыльца’, *pylový* ‘пыльцевой’, *pylový zrno* ‘пылинка’ [ЧРС, 2, 224]

Значения, связанные с понятием *пыль* ‘мельчайшие твердые частички, носящиеся в воздухе или осевшие на что-либо’, в чешском языке передаются словами с древним корнем *-PaRS-. В чешском языке такие слова достаточно часты. Например, уменьшительное значение обозначено сочетанием *prachové zrnko* ‘пылинка’. Словом *prachovina* обозначается понятие ‘мельчайшая пыль’. Прилагательное *prachbidný* имеет значение ‘убогий, жалкий’, слово *prachovka* – ‘тряпка для стирания пыли’, слово *prach* является составной частью просторечного прилагательного *prachstarý* ‘очень старый’ [ЧРС, 2, 114]

Чешская огласовка *prašek*, русская *порошок* являются результатом изменения в одном праславянском слове **porxьkъ* звуков: СН(X) в Š(Ш) перед гласным переднего ряда Е (в русском языке перешедшее в О). Слово со значением ‘порошок’ (чешское и русское) имеют один корень, одно значение, но разные фонетические огласовки в силу фонетических законов в этих языках. Сюда же можно отнести и чешское слово *praškový* ‘в порошке’, ‘порошкообразный’, *praškový cukr* ‘сахарная пудра’ [ЧРС, 2, 116].

В чешском языке встречаются следующие слова с огласовкой корня *praš-/prach-* со значением *prach* ‘пыль’: *prašiti* ‘пылить, выколачивать’, нередко *prašný* ‘пыльный’, *prašník* ‘пыльник’, *prachotešný* ‘пыленепроницаемый’. Существительное *prašnost* ‘запыленность’ передает обобщенное значение. На основе значения ‘пылить’ некая затуманенность, неясность пыли как таковой позволяет появиться переносной семантике: ‘выдумывать, врать’, а потом ‘хвастать’. Появляется существительное с эмоциональной окраской *prašil* ‘враль, выдумщик, хвастун’ [ЧРС, 2, 116]

В чешском языке слова, включающие понятие ‘пыль’, встречаются, как видно по материалам, довольно часто, и они разнообразны по оттенкам. В пермских диалектных материалах с подобной семантикой встретились слова: *порошина* ‘соринка’; *порошье* ‘сор, мусор’, *порхаться* ‘барахтаться, купаться в земле и пыли (о курицах)’, *напорошить* ‘насорить’.

В восприятии человека величина *пылинки* близка величине *дождинки*, но слово *дождинка* в словарях не встретилось. В чешском языке есть слова *pršiti* ‘дождить’, *pršák* ‘плащ от дождя’, в основе которых лежит древний корень *-PaRS-, и эти слова возникли, возможно, сравнительно недавно.

Фиксируются значения, напоминающие хруст, треск: *zapršetiti* ‘затрещать’, ‘хрустнуть’, ‘захрустеть’ [ЧРС, 2, 633]. Слово *praskliný* значит ‘треснувший, растрескнувшийся, лопнувший’ [ЧРС, 2, 115].

Чешские слова рассматриваемого корня (*-PaRS-) в словарях нередко даны с пометой ‘народн.’, ‘разг.’, ‘эмоц.’, то есть слова с

данным корнем в чешском языке разнообразны по своей семантике и типу речи.

Основные значения проанализированных слов – ‘мелкий’, ‘легкий’; на этом основании можно думать, что в данных словах чешского и русского языков сохранилась древняя семантика суффикса *-S-, этим обусловлено и принадлежность многих слов к разговорной, народной и эмоциональной речи. Глаголы передают перемещение *prchati* (бежать); это слово и подобные ему сохраняют древнюю семантику ‘сила’, характерную для древнего исходного корня *PaR-.

Список литературы с сокращениями.

СлСРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. М., 1950-1965.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырёх томах. Т. 3. М., 2006.

Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Мейе А. Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков. Юрьев, 1914.

Селищев А.М. Старославянский язык. В двух частях. М., 1951-52.

СЛРЯ XI-XVII вв. – *Словарь русского языка XI-XVII вв.* М., 1975-2002. Вып.1-26-.

СЛРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Л.; СПб., 1984-2004. Вып.1-14-.

Срезневский – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. / И.И.Срезневский. М., 1956.

ЧРС – Чешско-русский словарь. В 2 т. М., Прага, 1976.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. М., 1986-1987.

Об одной особенности отвлеченного словаря деловой письменности XVII в.

Л.А. Белова

Несмотря на фундаментальные исследования языка начальной эпохи формирования и становления норм национального русского литературного языка (Булаховский Н.А., Виноградов В.В., Горшков А.И., Ларин Б.А., Котков С.И., Полякова Е.Н. и др.), она по-прежнему привлекает внимание многих исследователей. Особая роль в этом процессе принадлежит языку деловой письменности XVII в.

«Особенность» делового языка (ДЯ) этой эпохи в его полифункциональности: способности обслуживать самые разные коммуникативные потребности общества, что, в свою очередь, вызывает и разное языковое оформление текстов.

Для данной эпохи необходимо изучение специфики использования отвлеченной и конкретной лексики в разных текстах [Судаков, 1991, 6], поскольку это позволяет еще раз обратиться к центральной проблеме русского литературного языка – проблеме взаимодействия живых разговорных элементов с элементами книжными. Интересный материал в этом отношении дают региональные деловые документы XVII-начала XVIII в., в частности, написанные и составленные в кунгурских судебно-административных учреждениях в период с 1668 по 1710 годы.

Одной из характерных черт делового письма исследуемой эпохи является наличие в нем довольно большого числа отвлеченных существительных (ОС – неодушевленные имена, называющие отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния): практически каждое пятое слово в тексте. Предметом данной статьи явились субстантивированные ОС ср. рода, редко рассматриваемые в кругу лексем, свойственных для ДЯ.

Основной закономерностью языкового развития русского литературного языка указанной эпохи является разрушение двуязычия. В это время ДЯ взаимодействует с церковно-книжным типом языка, с одной стороны, а с другой – с живой разговорной речью. Поэтому словообразовательная база ОС, отмечаемых в деловых текстах, может быть представлена словообразовательными типами (СТ), традиционно считающимися книжными (-ниј(е), -ениј(е), ств(о), ость и др.) и СТ, характерными преимущественно для разговорной речи (нулевой суффикс, -к(а), ъб(а), -ок и др.). Среди СТ, характерных преимущественно для живой речи, интерес вызывают ОС – субстантиваты ср. рода, так как они пополняют состав ОС в указанный период: **воровское, грабежное, краденое, взятое, закладное, оцененное, поличное, приданое, татиное**. См. в исследуемых текстах: «*Да у него ж де Костки вымѣнял вотчим ево Карпушкин Евсютка кобылу карюю за воровское же*» [КА, 232], «*А болиши де того его Васкиных животов не нашли. А то де поличное он Васка у него Афонки узнал при них десятникъ и при понятых*» [КА, 75]*.

В историко-лингвистической литературе данный СТ как СТ, образующий ОС, специально не рассматривался. Замечания о словах-субстантиватах ср. рода, как правило, находим в грамматических разделах курса современного русского языка. Академическая грамматика-80 отмечает: «Для этого способа характерно отсутствие структурных ограничений и морфонологических различительных средств. Субстантивированные прилагательные и причастия несут в

основном те же словообразовательные значения, что и суффиксальные существительные. Существительные ср. рода, образованные данным способом, обозначают обобщенную субстанцию, характеризующуюся признаком, названным мотивирующим прилагательным или характеризующуюся отношением к действию, названным мотивирующим причастием» [Русская грамматика, Т.1, 239-241].

Подобные атрибутивные словосочетания образуются при семантическом стяжении (конденсации) в одно слово словосочетаний прилагательного с существительным. Род субстантиватов равен роду стержневого слова. Однако, как отмечал еще А.А. Шахматов, «возможно, что начало подобной субстантивации дано путем пропуска того или иного существительного, ... но вообще подобное употребление прилагательного не предполагает происхождения его из сочетания прилагательного с существительным» [Шахматов, 1952, 63-64].

Как показывают словники памятников, взятых для сопоставления (московские, рязанские, владимирские, курские и др.), а также исторические словари (Сл.РЯ XI -XVII вв., ДРС XI-XIV вв.), субстантиваты ср. рода встречаются и в более ранние эпохи, они были свойственны как письменной, так и устной речи. Говорить о преимущественном употреблении указанных слов в произведениях церковно-книжного или народно-литературного типа языка либо живой разговорной речи вряд ли возможно. Скорее всего, они были нейтральны в своем употреблении, хотя, по-видимому, были наиболее частотны именно в текстах народно-литературного типа языка и живой разговорной речи. Разница заключалась в лексико-семантическом объеме слов. Обладая большой степенью отвлеченности в книжном языке, они обозначали, как правило, философские, этические понятия, а в живой речи – более обыденные понятия, близкие заботам русского крестьянина или городского жителя.

В XVII в. субстантивация как способ образования новых слов имеет тенденцию к продуктивности. Она особенно проявит себя веком позже и станет очень востребованной в современном русском языке. Но уже в середине XVIII в. в русском языке появится много отвлеченных субстантиватов ср. рода, отражающих развитие, становление русской технической, научной, философской, публицистической мысли – *делимое, значимое, множимое, святое, сущее, единое, главное* и др. Функционально-коммуникативная нацеленность подобных слов как слов специальной сферы употребления очевидна (ср.: медицинские термины в современном русском языке – (лекарство, средство) болеутоляющее, быстрорастворимое, жаропонижающее, кровеостанавливающее и др.).

В ДЯ у слов данного типа была своя сфера – сфера обозначения какого-либо вида пошрины, платежа: **винное, записное, лечебное, опасное, отъездное, отъезжее, погребальное, пожилое, писчее** и др. Так, Словаре русского языка XI-XVII вв. отмечается: **винное** – ‘то, что взимается в качестве возмещения ущерба’: «*Винное платити в чьей верви голова ляжет*» [Р.ПР., 186, XV в.]; **лечебное** – ‘штраф за нанесение телесных повреждений, уплачиваемый в пользу потерпевшего’: «*Аже ударить ли нечем а не утнеть на смерть то 3 гри(вны) а самому гри(вна) за рану же лечебное*» [Р.ПР., (пр.), 106, XIV в.]; **опасное** – ‘вид пошрины за гарантии безопасности, взимаемой с путешественников или с перевозимых товаров’ и др. Такие существительные обозначали конкретные реалии.

Отвлеченные значения также присущи данным именам, более того – многие из таких имен были также свойственны деловой письменности. См.: «*А впреть ему Сидорку никаким воровством не воровать и с ворами не знатца и воровского не примати и не покупати*» [КЗСИ, 121], «*Ходил я Петрушка для сыску того покраденного живота и сыскалось того покраденного в доме дьячка Ивана Лучникова два холста, а иного живота не сыскалось*» [КЗСИ, 128], «*А тое де кобылу свел он Данилко на Тулву и продал татарину Азяшку Казаеву за краденое а взял де за тое кобылу рубль*» [КА, 244] и др. Аналогичные примеры находим в сопоставительном (некунгурском) материале: «*А татя и беглеца по исправе выдати и заемному и поручному и всему обидному меж нас суд бес перевода а судим нашим третей ниия земли*» [Пам. Ряз., 7], «*А кто учнет с литовским людми задоры д~~ѣ~~лати а им т~~ѣ~~х людей выскивати и грабежное и татинное у них имати*» [АИ 3, 172, 1622] и др.

Заметим, что у исследуемых слов в словниках сопоставительных памятников есть помета – «в значении сущ.». Выступая как существительное ср. рода, в условиях контекста они становятся ОС. Их появление продиктовано ситуацией описываемого действия, события, см.: «*И всег Маре отделено пашни паханые и с наежжею пашнею и перелогом и л~~ѣ~~сом поросло живуцаг и пустова сто четии*» [Пам. Влад., 1], «*И ту да ж послат и на корот сказат худо все что гспдь поворотил всех к доброму толко я надо всячиной стану призират*» [В-К, II, 63]. Ср. в кунгурских материалах: «*А по оценк~~ѣ~~ у нее Марьицы шуба од~~ѣ~~ялница в 6 алт. 4 д. ралники сошники в 6 алт. же в 4 д. сковорода в гривну. И то оцененое привезено на Кунгур в приказную избу*» [КА, 84], «*И приносное шапка и завязки отданы Семену Подс~~ѣ~~кину*» [КА, 11].

Обращает на себя внимание, что у всех отмеченных в кунгурских деловых памятниках субстантиватов-ОС ср. рода есть дополнительный вещественно-собирательный оттенок: **взятое, воровское, достальное,**

закладное, иное, краденое, пограбленное, покраденное, поличное, приданое, приносное, продажное. У некоторых ОС этот оттенок появляется в контексте: «*А пожитки их переписал а пристойное запечатал и приказал беречь*» [КЗСИ, 128].

В силу того, что указанные слова обозначают обобщенную субстанцию, которая характеризуется признаком, названным мотивирующим прилагательным или причастием, эти слова имеют высокую степень отвлеченности и выступают как слова-понятия (ОС, обозначающие качество, свойство, отвлеченное понятие: дальность, упрямство, честь и т.п.).

Анализ кунгурских и сопоставительных деловых памятников эпохи XVII в. показывает, что отвлеченные субстантиваты ср. рода преимущественно употребляются в судебно-административных текстах. Важно, что аналогичные слова находим в Уложении 1649 г., документе, регламентирующем нормы ДЯ XVII в., см.: «*А без понятых приставу поличного не вынимати*» [Соб. Улож., 21, 87], «*И взятое что он у кого возьмет вельти на нем доправити вдвое и отдать тому у кого он возмет да ему ж учинить жестокое наказание*» [там же, 10, 251] и др.

В кунгурских судебно-административных памятниках представленность и частотность данных слов невелики. Наибольшую частотность среди ОС-субстантиватов ср. рода в текстах имеют ОС **поличное (полишное), воровское, краденое**, что закономерно: такова специфика документов. Это же обстоятельство вызывает вопрос: окказиональны или узуальны данные образования? Несмотря на то, что рассматриваемые слова малочастотны как в исследуемом, так и в сопоставительном материале, окказиональными их считать нельзя. Во-первых, они встречаются в памятниках разной территориальной принадлежности на протяжении более ста лет. Это позволяет говорить о реальности их существования, а не о сиюминутности их употребления. Во-вторых, анализ показал, что в судебно-административных текстах XVII в. они выступают как специальные слова, как термины. Особенностью языкового процесса XVII в. было формирование юридической терминологии. Свообразие формирующейся юридической терминосистемы – в ее тесной связи с общеупотребительным языком [Ламбова, 1992, 16], поскольку значительная часть этой формирующейся терминосистемы – слова общеупотребительные: **вина, воровство, кража, наказание, татьба, суд** и др. Нам представляется, что эта функция субстантиватов ср. рода «вызревает» в недрах делового языка XVI – XVII вв., именно в его судебно-административной разновидности, наиболее терминологичной по сравнению со статейной и эпистолярной разновидностями ДЯ эпохи.

Но надо признать и другое: часть отвлеченных субстантивов ср. рода действительно находится на стадии перехода от окказиональных образований к зуальным. Речь идет о конкретном лексическом значении каждого из подобных слов, о выборе из ряда синонимических окказиональных образований одного. Так, деловые памятники эпохи показали, что с одним и тем же значением «украденное имущество» выступает ряд слов – *взятое, воровское, грабежное, грабленное, краденое, покраденное, пограбленное, татиное*. Деловая письменность XVII в. и словари XI-XVII вв. свидетельствуют: 1) наиболее устойчивыми оказались слова *воровское* и *татиное*, первое было свойственно провинциальному приказному языку, второе – центральному; 2) для языка судопроизводства были обязательны и ОС *взятое* и *краденое*; 3) ОС *пограбленное* и *покраденное* отличает просторечный характер и окказиональность употребления. Заметим так же, что появление подобных слов в речи продиктовано не только ситуацией описываемого, но и обусловлено уровнем языковой компетенции пишущего.

Во второй половине XVII в. составители провинциальных деловых документов продолжали ориентироваться на центральную деловую письменность. Эта особенность функционирования ДЯ дает возможность говорить о корреляции процессов и тенденций в области ОС центральной и региональной деловой письменности XVII в. Анализ только ОС-субстантивов ср. рода позволяет утверждать, что ОС играют важную роль в формировании отвлеченного словаря ДЯ XVII в. (в рамках ДЯ – юридического терминологического словаря, в рамках русского языка эпохи – общерусского отвлеченного словаря).

Примечание:

* Значения указанных слов даются по «Словарю пермских памятников XVII – начала XVIII в.». Цитирование осуществляется средствами современной графики, но с сохранением **ѣ**, а также орфографии и пунктуации источника.

Список литературы

Белова Л.А. Отвлеченные существительные в кунгурской деловой письменности середины XVII-начала XVIII в. (словообразовательный и стилистический аспекты): дис... канд. филолог. наук: Перм.гос.ун-т. – Пермь, 1997.

Ламбова О.Ю. Лексика уголовного и процессуального права в русском языке второй половины XVII – первой трети XVIII в.: автореф. дис...канд. филолог. наук: Одесса, 1992.

Русская грамматика. М.: Наука, 1982. Т.1.

Словарь пермских памятников XVII – начала XVIII в. Сост. Полякова Е.Н. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993-2001. Вып. 1-6.

Судаков Г.В. Историческая лексикология русского языка: предмет, источники и задачи // История русского слова: проблемы номинации и семантики. Вологда: Изд-во Вологодского ун-та, 1991. С. 3-19.

Шахматов А.А. Из трудов по современному русскому языку. Учение о частях речи. М.: Учпедгиз, 1952.

Условные обозначения, используемые в статье:

1. Сл. РЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1978- 1995. Вып. 1-20.

2. Сл. РЯ XI-XIV вв. – Словарь русского языка XI-XIV вв. М.: Русский язык, 1988 – 1991. Т.1-4.

3. КА – Кунгурские акты XVII в.(1668-1699 гг.). Спб., 1888. Страница №.

4.КЗСИ – Кунгурская земская судная изба. Рукопись. РГАДА. Фонд 687, опись 1, единица хранения 2-1031

5. АИ – Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Спб., 1841-1845.Тт. 1-5. Страница №.

6. В-К II – Вести – Куранты 1642-1644 гг. М.: Наука, 1976. Страница №

7. Пам. Влад. – Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край. М.: Наука, 1984. Страница №

8. Пам. Ряз. – Памятники русской письменности. Рязанский край. М.: Наука, 1978. Страница №

9. Соб. Улож. – «Уложение по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении Ево Величества государя царя и великого князя Алексея Михайловича Всея России самодержца в лето от сотворения мира 7156». Спб, 1737, второе тиснение.

Слово *костёр* в пермских говорах*

А. В. Ефимова

В «Словаре пермских говоров» отмечаются следующие значения слова *костёр*: 1. ‘Сложенная из дров или бревен поленница’ (*Дом-от его вон там, за костром, за дровами-те. Возле дома все большие костры-те стоят. На плоту шесть костров сделают, вицами*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ № 06-04-82406 а/У

скрепляют. Много я робила: дрова на реке в костры слаживала, в такие, значит, поленицы). 2. 'Укладка большого количества предметов' (Вон баба какой костёр хлеба тащит! Костры всего, всякого добра лежали – в войну отдавали за бесценно. У них под прилавком целые костры муки да крупы. На берег бревна навозят костром, а когда река побежит, их столкают в реку). 3. 'Дом с хозяйственными постройками' (Этот весь костёр дорожке 300 рублей не продашь). 4. 'Деревянная форма, с помощью которой при сбивании глиняной печи оставляют место для топки' (Печь собьют – костёр убирают, цело вырежут. Солоной водой намачивают костёр-от. Печь-от колды кладём, начинам с костра. Колда чело вырежешь, дак костёр выбрасываю, когда костёр выбросишь, кладешь трубу) [СПГ, I, 425]. Кроме того, фиксируются слова: **кострик** 'солома, сложенная кучей при молотье' (Солому клали кучкой – костриком, бунтиком, говорят, ложишь, как ометом) [СПГ, I, 426]; **костёрный** 'пришедший в упадок, заброшенный' (Село-то у нас костёрное ныне стоит. Хозяйство-то запустили совсем) [СПГ, I, 425].

Не вызывает сомнений, что все эти значения тесно связаны между собой, а также непосредственно связаны со значением слова **костёр** в литературном языке: 'горящая или приготовленная для горения куча дров, хвороста, листьев'. Однако остается открытым вопрос о том, каким путем шло развитие значений слова **костёр**. О.Н. Трубачев считает славянское ***kostrь** этимологически тождественным славянскому же ***kostra**. «Совершенно очевидно, <...> что значение 'костёр, горящая куча дров, веток' восходит к значению 'куча вообще, поленица' (ср. аналогично нем. *Scheiterhaufen* 'костёр', собственно, 'куча поленьев': *Scheit* – 'полено', *Haufen* – 'куча'), как, впрочем, это явствует и из синхронно представленных значений слова **костёр** в русском – 'куча дров, поленьев' и **костёр** в украинском – 'стог, скирда'. Следовательно, у русского слова **костёр** в общенародном значении не может быть собственной этимологии, так как оно этимологически тождественно русскому же слову **костра** 'жесткая кора, треста' и значение 'костёр, куча дров, горящая куча' восходит к значению последнего слова – 'треста, очески' как к более архаичному. Первоначально **костёр** называлось сложенное кучей некоторое количество этой тресты, кострики, оставшейся после ломания стеблей льна или конопли. Далее это же название было распространено, по видимому, более широко на кучи всякого другого материала, идущего на сжигание, на топку, тем более что именно такое употребление более всего подходило для самих отходов от обработки волокна. Прочие этимологии слова **костёр**, в частности как заимствования из разнообразных источников – из исл. *köstr*, лат. *castrum*, попросту

невозможны, что ясно уже из предыдущих замечаний о связи *костёр* и *костра*» [Трубачев, 1966, 83-84].

У этой гипотезы имеется один недостаток – она не объясняет наличие у слова *костёр* целого ряда значений, которые, однако, могут быть легко объяснены, если предположить, что современное значение слова *костёр* генетически связано с древнерусским *костырь* ‘крепость’, восходящим, по всей видимости, к лат. *castrum* (через среднегреческое *кастро*). К таковым значениям и относятся упомянутые выше. Действительно, из анализа Соликамских памятников письменности XVII-XVIII веков видно, что слово *костёр* в них означает не просто ‘куча’, а ‘упорядоченная укладка бревен’: *В костры дрова класти плотно без хитрости концы впротисуть* [СПП, III, 9]. «Бревна и поленья для хранения в укладке в виде поленицы складывались в определенном порядке: в каждом определенном ряду перпендикулярно к бревнам или поленьям предшествующего ряда» [Полякова, 1991, 17]. Такое значение едва ли могло развиться из значения ‘куча кострики, приготовленная для сжигания’, однако оно оказывается довольно близким значению ‘крепость, укрепление в виде сруба’. Развитие значений слова *костёр* шло, таким образом, по пути постепенной утраты семы упорядоченности: ‘укрепление в виде сруба’ > ‘укладка бревен, жердей в виде сруба (для просушки)’ > ‘укладка бревен (дров), приготовленных для сжигания’ > ‘куча дров, приготовленная для сжигания’ > ‘горящая или приготовленная для горения куча дров, щепок’; ‘укладка большого количества предметов’. При этом на возникновение последних значений, безусловно, оказали влияние слова *кострик* ‘солома, сложенная кучей при молотье’, *костёр* ‘стог, скирда’, значения которых, в свою очередь, связаны с *костра* ‘отходы от трепания льна, конопля’, *костёр* ‘растение семейства злаковых, *Bromus secalinus*’.

Согласно имеющимся археологическим данным, крепостные сооружения в древности строились следующим образом: на выстроенный из бревен сруб насыпалось большое количество земли, то есть возникал достаточно высокий вал, защищенный (изнутри) от размывания и осыпания. Этот факт важен, прежде всего, для понимания внутренней природы подобных сооружений: поддержка, укрепление земляной насыпи изнутри прочным бревенчатым срубом.

В пермских говорах зафиксировано слово *костёр* в значении ‘деревянная форма, с помощью которой при сбивании глиняной печи оставляют место для топки’ Форма служила для поддержки кирпичей в своде печи, чтобы кирпичи не вываливались, пока сохнет глина. Это значение, как мы видим, тесно связано с первоначальным значением слова *костёр* ‘крепость, укрепление’.

Несколько сложнее этимологизировать слова *костёр* ‘дом с хозяйственными постройками’ и *костёрный* ‘пришедший в упадок, заброшенный’ (эти значения не фиксируются в Словаре русских народных говоров). По всей видимости, они являются экспрессивными, выражая ироническое отношение говорящего к своему хозяйству как к бесполезной куче бревен и досок.

Итак, рассмотренные нами значения слова *костёр* в пермских говорах являются промежуточными «звеньями» в истории семантического развития слова *костёр* в русском языке и подтверждают связь современного значения этого слова ‘горящая или приготовленная для горения куча дров’ с древнерусским *костьрь* ‘крепость’.

Список литературы с сокращениями

Полякова 1991 – Полякова Е. Н. Слово *костер* в соликамских памятниках письменности // Историческая лексикология и лингвистическое источниковедение: Межвузовский сборник научных трудов. Красноярск, 1991.

СПГ I – Словарь пермских говоров. Вып. 1. Пермь, 2000.

СПП III – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века. Вып. 3. Пермь, 1996.

Трубачев 1966 – Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

Группа слов с корнем *-бус-* ‘мучная пыль’ в русских диалектах XIX–XX вв. *

И.С. Архипенкова

В данной статье предпринята попытка проследить динамику развития лексической системы русских диалектов XIX–XX вв. на основе анализа семантической эволюции слов корневой группы *-бус-*. Материалом исследования явились данные из диалектных и исторических словарей (209 единиц). Они были изучены методом и процедурами компонентного анализа и лексикографическим методом.

В ходе этимологического анализа было выяснено, что все значения слов, входящих в корневое гнездо *-бус-*, являются мотивированными (прямо или опосредованно) первоначальным значением данного корня ‘пыль’. Дальнейшая эволюция этого значения в русском языке привела к тому, что корневое гнездо превратилось в весьма сложную,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ № 06-04-82406 а/У.

разветвленную структуру слов и значений, связанных между собой отношениями словообразовательной и семантической производности. При анализе этой структуры необходимо было найти способ упорядочения этих связей, позволяющий производить разграничение значений слов (особенно полисемантических).

С этой целью было выделено пять основных семантических групп (ОСГ), принадлежащих словообразовательному гнезду *-бус-*:

1. 'пыль';
2. 'вещество, похожее по структуре на пыль';
3. 'состояние природной среды';
4. 'цветообозначение';
5. 'внутреннее состояние человека'.

Добавим, что значения слов, входящих в каждую семантическую группу (СГ), объединены общими смысловыми компонентами, связанными друг с другом по происхождению.

В рамках этой статьи мы рассмотрим только СГ 'мучная пыль', входящую в ОСГ 'вещество, похожее по структуре на пыль'.

Лексемы *бус*, *бусенец*, *бусица* со значением 'мучная пыль' начинают фиксироваться в северорусских говорах с середины XIX – начала XX вв.

Существительное *бус* 'мучная пыль', образованное путем прибавления к базовой семе *бус* 'пыль' дифференциальной семы '(из) муки', является производящим для многих слов СГ 'вещество, похожее по структуре на пыль и пригодное для употребления в пищу'.

Так, в конце XIX в. появляется слово *бусок* – 'мучная пыль на мельнице'. В дальнейшем это слово приобретает дополнительные семы 'идуший' + '(на) корм' + '(для) скота'. С таким набором сем в середине XX в., по данным СРНГ, существуют следующие слова: *бус*, *бу́са*, *бусовичок*, *бусок*, *бусь*. При сопоставлении словообразовательной пары *бус* – *бусок* в пермских говорах XX в. производное слово начинает восприниматься как уменьшительное по отношению к производящему, чего не наблюдалось в XIX в.

Семантический компонент '(для) скота' слова *бус* повлиял на формирование следующих значений у данного слова:

1. 'старая непригодная для выпечки мука';
2. 'мелкие чёрные зёрнышки в муке': «Пьловина *бусу* ф хлеби-та, чёрный какой» [СРГБ, 1997, 59].

В противительные отношения с данной лексемой вступает существительное *бусово* – 'мука первого сорта': «На *бусово* селяи, печенье делали» [СКГ, 1968, 20].

Существительное *бус* 'мучная пыль на мельнице' явилось мотивирующим для слов *бусиха* и *бусовик*.

Существительное *бусиха* ‘мельница’ фиксируется Далем и СРНГ только в конце XIX в. [СРНГ, 3, 305].

Для обозначения лица, работающего на мельнице, в начале XX в. образуется слово *бусовик* ‘сторож на мельнице, заметающий и хранящий мучную пыль’ [СРНГ, 3, 305].

В середине XX в. в пермских говорах у данного слова абстрагируется значение (исчезает указание на конкретные исполнительные обязанности) – ‘тот, кто работает на мельнице’, а также в словарях появляется помета «экспр.» [СПГ, 1, 68].

На базе значения ‘мучная пыль’ у слова *бус* во II половине XIX в. образуется значение ‘мелкое сито’. Оно, в свою очередь, явилось производящим для синонимов: *бусый*, *бусовый*, *бусовой* и *бусовитый* – ‘частый (о сите)’ [СПГ, 1, 68; СРНГ, 3, 305].

Кроме рассмотренных выше лексем и их значений, слово *бус* ‘мучная пыль’ мотивировало появление слов с интегральным значением ‘продукт из муки’: *бусник* и *бусманчик*.

В пермских говорах существительное *бусник* означает ‘булка из пшеничной (или овсяной) муки, посыпаемая перед выпечкой мукой’: *«Бусник, он долгонькой, стряпали их из пшеничной или овсяной муки; в печку-то садишь, дак ещё мучкой посыпешь»* [СПГ, 2000, 68]. В данной лексеме актуализируются семы: ‘продукт’ + ‘(из) муки’ + ‘зерно’ + ‘посыпать’ + ‘(перед) выпечкой’ + ‘мукой’.

В других говорах русского Севера данное слово утрачивает такой набор сем и сохраняет лишь: ‘продукт’ + ‘(из) муки’ + ‘горох’ – ‘пирог из гороховой муки’ [СРГС, 201, 229].

В вятских говорах существует лексема *бусманчик* – ‘маленький кусок хлеба’ [СВГ, 1, 129]. В данном слове реализуются семы: ‘маленькая’ (за счет суффикса *-чик-*) + ‘часть продукта’ + ‘(из) муки’. Можно предположить, что в качестве его лакуны (то есть не обнаруженного нами слова в русских диалектах, но восстановленного на основании словообразовательной и семантической парадигмы корня *-бус-*) должно было бы выступать слово *бусман* как обозначение ‘продукта из муки – хлеба’.

В СКГ находим прилагательное *бусовый* со значением ‘из муки первого сорта’, образованное от *бусово* ‘мука первого сорта’ [СКГ, 1, 20].

Метафорическим переносом в середине XIX в. от *бус* ‘мучная пыль’ в иркутских говорах было образовано слово *бус* ‘мелкий китайский сахар, отделяемый от леденца просевкою’. В данной лексеме актуализируются интегральные семы: ‘мелкие’ + ‘частицы’ + ‘(при) просеивании’ – и дифференциальные: ‘китайский’ + ‘сладкий’ + ‘белый’. Существительное *бус* в данных говорах также имеет значение ‘сахарная пудра’, семный набор которого, за исключением семы

‘китайский’, совпадает с предыдущим значением (процесс просеивания, на наш взгляд, предполагается) [СРНГ, 3, 302].

В пермских говорах также известны глагольные образования от *бус* ‘мучная пыль’ – *бусить* со значениями ‘пылить мукой или иной мелкой пылью’: «*Посей муку на квашню, да шибко-то не буси. Не трясси мешок-от, бусит это*» [СРНГ, 1968, 304] и ‘сыпать что-л., посыпать чем-л.’.

На основе анализа единиц СГ ‘мучная пыль’ и материала, не представленного полностью в данной статье, сделаем вывод о том, что в диалектах происходит расширение семантической структуры слов с корнем *-бус-* в результате развития их значений. Направление этого развития различное. В большинстве случаев исходная сема ‘пыль’ конкретизируется с помощью дифференцирующих сем. На примере СГ ‘мучная пыль’ это сема ‘(из) муки’.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что группа слов русского языка с корнем *-бус-* представляет собой систему открытого типа.

Список литературы с сокращениями

Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1989. Т. 1.

СВГ – Областной словарь вятских говоров. Киров, 1996. Вып. 1.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001. Т.

1.

СКГ – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.

СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь, 2000. Вып. 1.

СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии. Уфа, 1997.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1968. Вып. 3.

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Языковая ситуация Прикамья: формирование и современное состояние*

Е.В. Ерофеева

Исследование речи единого, исторически сложившегося региона, такого как Прикамье, представляет научный интерес прежде всего потому, что такие регионы являются социокультурными языковыми общностями, сложившимися в результате взаимодействия культурных, территориальных и социальных факторов. Изучение своеобразия лингвистического облика региона чрезвычайно актуально не только для современного языкознания, но и для целого ряда дисциплин – от социологии до политологии, а также для практики региональной политики.

Исследование языковой ситуации в отдельном регионе предполагает рассмотрение целого ряда аспектов языкового существования. При этом для каждого из регионов характерен свой собственный набор существенных социолингвистических факторов. Никак не претендуя на полноту описания, рассмотрим некоторые из аспектов, оказавших, с нашей точки зрения, значимое влияние на формирование языковой ситуации Прикамья и на современное состояние этой ситуации.

1. Многоязычие в Прикамье.

Прикамье является многонациональным, промышленно развитым регионом, освоенным русскими в допетровскую эпоху. Русский язык изначально функционирует здесь в условиях взаимодействия с языками тюркской семьи (татарским, башкирским) и языками уральского языкового союза (коми, удмуртским, мансийским, хантыйским). Это обусловлено историей края и его географическим положением: Пермский край включает в свой состав Коми-пермяцкий автономный округ, на западе граничит с Удмуртией, а на юге – с Башкирией. Кроме того, на территории области имеются башкирские, татарские и коми села. Естественно, что на территории области наблюдается межъязыковая интерференция. О взаимодействии русских и нерусских говоров в прошлом свидетельствуют фонетические черты, данные топонимики и лексики [Полякова, 1998, 2002]. «Ранние контакты с коми-пермяцким населением в Верхнем Прикамье, смешанные браки

* Работа выполнена при финансовой поддержке АВИЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» Р.Н.П.2.1.3.6711

приводили к тому, что в речи русского населения появлялись заимствования из коми языка» [Полякова, 2002, 197].

Данные большинства исследователей говорят о том, что, по крайней мере исторически, финно-угорское влияние на русские говоры Прикамья было значительно более сильным, чем тюркское. Например, в районе Верхней Вишеры Ф.Л. Скитова находит по крайней мере 4 факта влияния финно-угорских языков:

1) мена [с] на [s];

2) мена [х] на [k];

3) произнесение сочетания «мягкий переднеязычный согласный + j + гласный непереднего ряда» как «долгий мягкий переднеязычный согласный + гласный непереднего ряда»: *брат' m'a* (братья);

4) произнесение сочетания «мягкий губной согласный + гласный непереднего ряда» как «губной согласный + /j/ + гласный непереднего ряда»: *жереб'юнок* (жеребенок).

По мнению Ф.Л. Скитовой, эти черты являются результатом непосредственного влияния мансийских говоров на территории совместного проживания, смешанных браков русских с манси [Скитова, 1962, 49].

На наш взгляд, влиянием финно-угорских языков можно объяснить и наличие в верхневишерских говорах сверхмягких (или шепелявых) [s''] и [z'']. Именно такой тип мягких согласных характерен для коми языка [Коми-пермяцкий язык, 1962, 73-74].

Л.П. Смолякова одним из основных фактов влияния финно-угорских языков считает произнесение средневропейского [ɹ] вместо обычного русского веляризованного [ʀ] [1961, 1977]. В верхневишерских говорах такое произношение /ɹ/, по данным Ф.Л. Скитовой, отсутствует, хотя оно и отмечено в большинстве говоров Чердынского района [Скитова, 1960]. (Ср. произнесение невеляризованного [ɹ] в Петербургской губернии под влиянием финских языков.)

Л.М. Смолякова считает, что «отдельные фонетические черты исследованных говоров приводят к предположению о влиянии на них в прошлом финно-угорского субстрата, что вполне подтверждается историческими данными» [Смолякова, 1961, 15], в то время как «тюркский языковой субстрат в фонетике русских говоров Волго-Камья отсутствует [там же, 107]. Этот вывод подтверждается и данными этнографии об общих чертах быта и обрядов у русских и коми-пермяков и манси, а также о том, что совсем мало в культуре заимствовано русскими у башкир и татар [Чагин, 1991]. Отсутствие заметного тюркского влияния констатируют и лексикологи [Полякова, 2002, 197].

В настоящее время взаимодействие языков на территории Пермского края наблюдается прежде всего в речи билингвов: русский язык билингвов – татар, башкир, коми, удмуртов, проживающих на территории Прикамья – характеризуется как фонетическим акцентом, так и лексическими и грамматическими особенностями. Интересно, что дети билингвов, владеющие уже только русским языком, зачастую сохраняют в своей речи фонетические особенности речи родителей. Поскольку в некоторых районах области именно акцентная русская речь является преобладающей, а в крупных городах проживает довольно большое количество билингвов, их речь не может не оказывать влияние на формирование черт региолекта. Так, например, существует предположение, что чрезмерная качественная и количественная редукция /a/ (произнесение его в первом предударном слоге как гласного, близкого к /ы/ и очень короткого) связана с влиянием тюркских языков и что современная артикуляторная база пермского региолекта не избежала влияния иноязычной среды.

2. Формирование и особенности русских говоров Прикамья.

На формирование русских говоров Прикамья оказывало влияние не только разнообразие этнического состава, но и неоднородность и неодновременность заселения. Вследствие этих причин в Пермском крае наблюдается достаточно пестрая картина диалектных (в том числе фонетических) особенностей.

Заселение Пермского края русскими проходило неравномерно. Русские начинают проникать на Урал еще с IX в., причем первыми русскими, достигшими этих территорий, были новгородцы. Однако это были только походы, оседлых поселений новгородцы на Урале, очевидно, не создавали. Первые оседлые русские поселения появляются в Верхнем Прикамье только в XIV-XV вв. С XIV в. в Пермь Великую (как называют с этого времени территорию Верхнего Прикамья) проникают как новгородцы, так и владими́ро-суздальцы, а также жители русского севера, Поморья. Позднее сюда приходят вологжане и переселенцы из центральных областей России (см.: Полякова, 1998). Таким образом, «большие размеры заселяемой территории и различные условия освоения отдельных районов привели к тому, что в пермских говорах разных регионов обнаруживаются различия, что складывается множество говоров» [там же, 16].

Вследствие названных причин на Урале «различные северновеликорусские (окающие) говоры вступили во взаимодействие между собой, а, позднее, в некоторых пунктах, и с южновеликорусскими (акающими) говорами» [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1964, 12]. Поэтому достаточно сложно однозначно расклассифицировать эти говоры (см., например: Игнаткина, 1982, 100–102). Тем не менее, говоры, существующие на

территории современного Пермского края, традиционно относятся диалектологами к Вологодско-Вятской группе северно-великорусского наречия и квалифицируются как говоры позднего формирования [Русская диалектология, 1972; Смолякова, 1961; Руделев, 1976 и др.].

Однако объединение говоров в особую Вологодско-Вятскую группу, по мнению некоторых ученых, является весьма условным. Например, Р.Р. Гельгардт пишет по этому поводу: «Различия между говорами, объединенными в Восточную (Вологодско-Вятскую. – Е.Е.) группу, настолько значительны, что установленная таким образом большая типологическая разновидность в сущности приближается к научной абстракции... Реальное распределение диалектных черт на данной территории может показать (и показывает) весьма сложную картину и крайне запутанное переплетение диалектизм. Языковая территория отнюдь не является “монолитной”» [Гельгардт, 1945, 30–32].

Таким образом, как пишет Р.Р. Гельгардт, выделенная из северно-великорусского наречия в основном по одинаковой судьбе «ятя» довольно большая группа Вологодско-Вятских говоров не является чем-то однородным. Она состоит из многих мелких говоров; в них (в том числе и в говорах Пермского края) обнаруживаются многочисленные отклонения от установленного типа [там же, 31]. Однако Л.М. Смолякова пишет о том, что, хотя, учитывая историю Урала, «следовало бы предполагать на указанных территориях большую диалектную пестроту», в действительности это не так [1961, 5]: в действительности, представляя собой достаточно разнообразные говоры, пермские говоры обнаруживают единство в некоторых существенных общих, так называемых «интегральных признаках» (см.: Штерн и др. 1998), которыми в фонетике являются следующие:

- 1) оканье;
- 2) еканье;
- 3) мена [é] ударного из старого Ъ между мягкими согласными на [i]: *зв'іръ* (зверь);
- 4) мена [а] в начале слова на [о]: *о́нба́р* (амбар);
- 5) произнесение [é] на месте Я между мягкими согласными под ударением: *гр'ѣс'* (грязь);
- 6) безударное ёканье, т.е. произнесение в безударной позиции [о] после мягких согласных, шипящих и Ц вместо [е] (в ряде случаев эта черта является морфологизированной или лексикализованной: *мо́р'о*, *ка́мн'ом*, *поцо́луй* (поцелуй));
- 7) стяжение ударных и безударных гласных после выпадения интервокального [j]: *зна́иш* (знаешь), *до́бра* (добрая);
- 8) произнесение [š':] как [š:]: *шш'ѣнок* (щепок);

9) долгий твердый [ž:] в словах типа *во́жжи*, *э́жжу* (впрочем, эта черта является нормативной для петербургского варианта литературного языка);

10) реализация сочетаний [s'tʲ], [st] как [sʲ], [s] в конце слова: *ѹс'* (есть), *хѹлѹ* (холст).

Именно эти особенности произношения оказали наибольшее влияние на формирование региолекта Прикамья в области фонетики.

3. Полиглоссия Прикамья.

Одновременно с крестьянскими говорами складывалась в Прикамье и речь городов. Ее основу составляли те же крестьянские говоры. Е.Н. Полякова пишет по этому поводу: «Безусловно, говоры жителей деревень были связаны с речью жителей растущих городов, тем более, что источники их населения были одними и теми же. Интересные материалы дают обширные собрания кунгурских актов, начиная с 1668 г. Документы свидетельствуют о том, что крестьяне и другие представители низкого социального слоя в городах употребляли в такой же мере и те же диалектные и просторечные слова, что и жители кунгурских деревень» [2002, 197].

Однако уже тогда начинается формирование полиглоссии в городах Прикамья. Во-первых, более пестрый как в социальном, так и в территориальном аспекте состав жителей городов способствует формированию городского просторечия, или койне, в котором ощущались диалектные черты (особенно в фонетике), но «которое в лексике было гораздо шире каждого из крестьянских говоров и в целом ориентировано на общерусские элементы» [там же, 198]. Определенную роль в развитии русского языка на территории Прикамья играли и постоянно перемещавшиеся, не имеющие постоянного места жительства писцы, дозорщики и т.п., которые «направляли общерусскую ориентацию разговорной речи» [там же, 199].

В письменных памятниках отмечаются также элементы различных профессиональных языков, данные памятников свидетельствуют и о функционально-стилистическом расслоении русской речи Прикамья, отражавшемся прежде всего в делопроизводстве [там же, 198–199].

Таким образом, можно говорить, что функционирование русского языка на территории Прикамья, особенно в городах, изначально несло в себе зачатки полиглоссии.

Современное состояние языковой ситуации Пермской области также характеризуется одновременным функционированием многих идиомов русского языка. Дать полный перечень всех сосуществующих в одном регионе идиомов, наверное, не возьмется никто, однако основные можно перечислить. Во-первых, в Прикамье, безусловно, функционирует литературный язык, обслуживающий в том числе и

сферу массовой коммуникации. Причем в Прикамье можно выделить по крайней мере две разновидности литературного языка: кодифицированный литературный язык и регионально окрашенный литературный язык. Литературный язык используется в письменной форме, в устной форме, приближенной к КЛЯ, актерами в театрах и дикторами центральных теле- и радиоканалов, многими преподавателями вузов на лекциях и другими носителями литературного языка, а также в форме литературной разговорной речи теми же индивидами, но в других коммуникативных условиях. Помимо этого литературный язык образует функциональные стили. Таким образом, количество идиомов, сосуществующих даже только внутри литературного языка, значительно больше двух.

Во-вторых, помимо литературного языка на территории Прикамья функционируют и другие идиомы. К ним относятся территориальные диалекты, городское просторечие, различные жаргоны многочисленных социальных групп от общего жаргона до профессиональных «языков».

Кроме того, можно с уверенностью говорить о функционировании в Прикамье таких социолектов, которые определяются теми или иными социальными факторами, однако не имеют специальных наименований. Так, например, в работах Т.И. Ерофеевой показано, что владение различными единицами лексического уровня зависит от таких социальных факторов, как пол, уровень образования, специальность и др. [2004]. Очевидно, можно предполагать наличие и других социолектов, обусловленных иными социальными факторами или их комбинацией.

Среди идиомов Прикамья особое место занимает пермский региолект – относительно новая форма в системе идиомов русского языка, которая возникает при взаимодействии литературного языка, просторечия и местных говоров и постепенно вытесняет последние [Герд, 2001]. Региолект объединяет идиомы, функционирующие на единой (хотя и достаточно обширной) территории, выполняя в современном обществе функцию устного общения. В его «состав» входят общие для людей, проживающих на данной территории, лексические, грамматические и фонетические особенности речи [там же]. Региолект накладывает отпечаток на функционирование любого другого идиома на территории Прикамья. Так, практически все идиомы (за исключением редких случаев использования кодифицированного литературного языка) в устной форме получают локальную окраску.

Практически все названные идиомы используются в центре Прикамья – г. Перми, где их взаимодействие оказывается наиболее тесным.

4. Языковая характеристика г. Перми.

С точки зрения лингвиста, речь любого города – сложное структурированное целое, результат внутриязыковой интерференции литературного языка, диалекта, просторечия и других идиомов. Соотношение и роль различных языковых компонентов в каждом городе специфические, но в общем наблюдается следующая тенденция: чем крупнее город и чем более он развит в социально-культурном отношении, тем выше роль литературного языка и его влияние на речь города в целом; чем мельче город, чем ближе стиль жизни его жителей к деревенскому, тем сильнее влияние диалекта на речь города. В крупных городах одно из центральных мест в речи занимает устный литературный язык. В свою очередь сам литературный разговорный язык не представляется единым, а, спроецированный на определенную территорию, испытывает воздействие диалекта, проявляясь в различных региональных вариантах [Ерофеева Т.И., 1979].

Как показывает А.С. Штерн в своей статье «Три аспекта городского билингвизма (фонетический уровень)» [1993], современный лингвистический анализ позволяет выделить три круга явлений, формирующих речь жителей города, в том числе и такого большого промышленного и культурного центра, как Пермь. «Прежде всего – это система “языка города” в целом как результат интерференции литературного языка, окружающих город диалектов или говоров, а также – зачастую – иноязычных влияний» [там же, 29]. Это собственно лингвистическая координата. Вторая координата – социолингвистическая – связана с биологическими или социокультурными факторами, которые присущи говорящим. Третья, психолингвистическая координата, – «это максимально динамичные факторы, обозначающие ситуацию коммуникации и, следовательно, выбор “языка”» [там же, 29].

Именно под действием указанных факторов формируется «полилингвизм» горожан: они способны в различных речевых ситуациях использовать средства и литературного языка, и городского просторечия, и профессионального или группового жаргона или другого социолекта, и, наконец, элементы местного диалекта.

Пермь является центром Пермского края. Это большой город с населением более 1 миллиона человек, крупный промышленный и культурный центр. В Перми находится около 20 высших учебных заведений (из них 11 государственных), 4 государственных и несколько негосударственных театров; средства массовой информации в Перми насчитывают большое количество теле- и радиоканалов, значительная часть которых является общероссийскими. Естественно, что при таком развитии культурной сферы в городе не может не функционировать литературный язык, обслуживающий образование, массовую

коммуникацию, театральную речь и т.п. Функционирует литературный язык и на уровне административного управления области и города.

Количество образованных людей в городе довольно велико, при этом многие из них связаны по своей работе с использованием языка (преподаватели, работники органов власти, юристы, писатели, поэты, артисты, журналисты, ведущие теле- и радиопрограмм, учителя, секретари, референты, переводчики, рекламные агенты, продавцы крупных фирм и специализированных магазинов, прошедшие соответствующую языковую подготовку, и т.п.). Большинство из них использует литературный язык, причем обычно не один из его стилей. Однако устная речь многих носителей литературного языка, как профессиональная, так и разговорная, оказывается в разной степени локально окрашена. Обычно речь идет о фонетических особенностях, которые могут проявляться сильнее или слабее, и о некотором количестве лексических вкраплений; грамматические локальные явления довольно редки (см. Ерофеева Е.В. и др., 2002). При этом большинство из носителей литературного языка использует в своей речи профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, связанные с их специальностью; в речь некоторых проникают в небольшом количестве и просторечные элементы. [Ерофеева Т.И. и др., 2000]. К этой группе примыкают образованные люди, не связанные по своей работе непосредственно с языком (врачи, инженеры, строители, высококвалифицированные рабочие и т.п.). Наблюдения за их речью показывают, что она более открыта для проникновения локализмов всех уровней и просторечных элементов [Ерофеева Т.И., 1979]. Стоит отметить, что в данном случае решающую роль играет именно профессиональная связь с речью, а не уровень образования.

Жители края, являющиеся носителями местных говоров, посещают город, а нередко и переселяются в него, отнюдь не сразу меняя свои языковые привычки. Постоянный приток в Пермь коренных жителей края, как из небольших городов, так и из сел, в качестве рабочих и студентов обеспечивает тесную связь речи Перми с говорами Прикамья.

Функционирует в Перми и просторечие, являющееся ведущей формой общения большей части населения, представленной разнообразными социальными группами (низкоквалифицированные рабочие, низший обслуживающий персонал, продавцы мелких магазинов и рынков, медицинские сестры, разнорабочие и т.п.). Как правило, эти люди не имеют высшего образования и занимают довольно низкое социальное положение. Многие коренные жители края, переехавшие в Пермь, через некоторое время переходят именно на использование просторечия, а не на использование литературного языка.

Интересно, что в Перми довольно много людей, чья речь находится на пересечении литературного языка, просторечия и диалекта. Она не может быть квалифицирована ни как первое, ни как второе, ни как третье, а представляет некий конгломерат разговорной литературной речи и просторечия с заметной локальной окраской на всех языковых уровнях, включая грамматический. Очевидно, такое возможно благодаря существованию региолекта, который выступает проводником между этими тремя идиомами. Социальные характеристики носителей такого идиома могут быть различными: от людей с высшим образованием до людей со средним или средним специальным образованием, от молодых до пожилых.

Практически все жители города являются носителями какого-либо жаргона, а зачастую и нескольких. Развитие в таком крупном промышленном центре множества сфер производства приводит к наличию необъятного количества профессиональных жаргонов. Функционируют в городе и различные жаргоны асоциальных и криминальных элементов, а также молодежный и общий жаргоны. Элементы этих жаргонов вплетаются в речь на основе одного из вышеназванных идиомов.

Наличие в Перми частных и обобщенных социолектов*, формирующихся на основе таких социальных факторов, как образование, специальность, пол, возраст, темперамент и т.д., показано в работах пермских исследователей [Балашова, 2003; Дьяконова, 2002; Ерофеева Е.В., 2005; Ерофеева Т.И., 2004; Ерофеева Т.И. и др., 1999; Усманова, 2003 и др.].

Естественно, в Перми, кроме русского, функционируют и другие языки. В основном это языки народов, исторически населявших Урал: татарский, башкирский, коми. Подавляющее большинство их носителей являются билингвами, т.е. владеют как национальным языком, так и русским. Их речь на русском языке может практически не иметь специфических особенностей, а может иметь их довольно большое количество (от только фонетических до особенностей всех языковых уровней). Зависит это прежде всего от степени владения русским языком, от тех сфер, в которых он используется конкретным билингом, и от того, когда русский язык стал осваиваться билингом. Выше уже говорилось о том, что русская речь билингов как составляющая языковой картины региона не может вообще не влиять на функционирование русского языка. Однако общая ситуация в городе такова, что трудно с уверенностью говорить о конкретных влияниях в настоящее время. Дело в том, что контакты билингов и монолингов в городе не носят упорядоченного характера. Билингвы общаются с

* Об использованных здесь и далее терминах подробнее смотри (Ерофеева Е.В. 2005, 2006).

большим количеством людей, однако эти люди, в свою очередь, общаются с еще бóльшим количеством монолингвов, так что имеют возможность «корректировать» влияние речи билингвов.

Кроме традиционных, исторических национальных групп населения, в последнее время на территории Перми проживают достаточно многочисленные группы мигрантов, переехавших в Пермь после развала Советского Союза: азербайджанцы, армяне, чеченцы, таджики, узбеки и многие другие, – владеющие языками разных языковых семей. В большинстве случаев они живут довольно обособленно и, что самое важное, в одном месте. В этой группе населения степень владения русским языком довольно низкая: многие из них вообще не владеют русским языком или владеют им плохо. Их речь воспринимается жителями города как явно «чужая» (в отличие от привычной речи традиционных для Урала национальностей), в связи с чем можно считать, что ее влияние на русскую речь монолингвов вообще отсутствует.

Таким образом, языковая ситуация Перми, как и всей области, характеризуется полигlossией и многоязычием. При этом взаимовлияние различных идиомов в крупном городе оказывается более сильным, чем в других населенных пунктах области, т.е. именно в Перми наблюдается наибольшая интерференция всевозможных идиомов русского языка. Напротив, влияние других языков на русских значительно слабее в Перми, поскольку контакты между языковыми коллективами – носителями разных языков – неупорядочены.

5. Общая схема взаимодействия идиомов.

Взаимодействие различных идиомов в пермском региолекте является сложным и запутанным. Опишем кратко основные взаимодействия идиомов.

Речь конкретных индивидов представляет собой идиолекты, которые, поскольку каждый индивид обладает определенным набором социальных факторов, связаны, во-первых, с несколькими частными социолектами, во-вторых, с несколькими обобщенными социолектами, в-третьих, с каким-либо макроидиомом – литературным языком или диалектом (см.: Ерофеева, 2005).

Частные социолекты имеют связи с идиолектами конкретных носителей языка, несколькими обобщенными социолектами, в которые образующие их факторы входят в качестве составляющих, и с макроидиомами (в том случае, если образованы на базе тех социальных признаков, которые служат компонентами социальной базы макроидиома).

Обобщенные социолекты взаимодействуют с идиолектами и частными социолектами, а также с несколькими макроидиомами,

социальные базы которых могут включать отдельные социальные параметры, образующие обобщенные социолекты.

И идиолекты, и частные социолекты, и обобщенные социолекты взаимодействуют с общим региолектом, в рамках которого они функционируют. Региолект же, в свою очередь, связан с макроидиомами, на пересечении которых он образуется, и через них – с другими региолектами языка.

Функционирование всех перечисленных идиомов создает общий узус, функции которого в настоящее время, очевидно, переходят к просторечию (см.: Ерофеева Е.В., 2003, 2005).

Таким образом, вся языковая система пронизана взаимосвязями идиомов, и это превращает ее в единое целое. Взаимодействие идиомов внутри этого целого носит нежесткий характер, и это определяет «мягкость» связей между отдельными единицами, что позволяет системе быть гибкой и реагировать на изменение коммуникативных условий, перераспределять функции между идиомами, а в случае необходимости – формировать новые идиомы или элиминировать уже отжившие, не отвечающие новым условиям коммуникации.

Список литературы

Балашова Е.А. Влияние социобиологических характеристик на особенности обыденного сознания носителей языка / Е.А. Балашова // Проблемы социо- и психолингвистики / Перм. ун-т; отв. ред. Т.И. Ерофеева. Пермь, 2003. Вып. 2. С. 31–34.

Гельгардт Р.Р. Из материалов по диалектологии Пермского края / Р.Р. Гельгардт // Учен. зап. Молотов. гос. пед. ин-та. Молотов, 1945. Вып. 9. С. 1–48.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001.

Дьяконова И.В. Иноязычное слово: социопсихолингвистический аспект исследования: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Дьяконова. Пермь, 2002.

Ерофеева Е.В. Статус просторечия в современном русском языке / Е.В. Ерофеева // Русский язык сегодня 2: Актуальные языковые процессы конца XX века. М.: Азбуковник, 2003. С.434–442.

Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект / Е.В. Ерофеева. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005.

Ерофеева Е.В. Терминологические вопросы современной социолингвистики в области дифференциации языка / Е.В. Ерофеева // Вестник Перм. ун-та. Пермь, 2006. Вып.3(3): Филология. С.229–238.

Ерофеева Е.В. и др. Локализмы в литературной речи горожан: учеб. пособие: 2-е изд., испр. и доп. / Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева, Ф.Л. Скитова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002.

Ерофеева Т.И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи: учеб. пособие / Т.И. Ерофеева. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1979.

Ерофеева Т.И. Современная городская речь / Т.И. Ерофеева; Перм. ун-т; Прикам. соц. ин-т; Прикам. соц.-гум. колледж. Пермь, 2004.

Ерофеева Т.И. и др. Дифференциация речевой продукции по полу говорящего / Т.И. Ерофеева, Ж.С. Загоруйко // Гендер: язык, культура, коммуникация: матер. Первой Междунар. конф. / Мос. гос. лингв. ун-т; ред. А.В. Кирилина М., 1999. С. 48–49.

Игнаткина Л.В. Территориальное варьирование русского литературного произношения: на материале гласных в речи информантов городов Вологды и Перми: дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Игнаткина. Л., 1982.

Коми-пермяцкий язык: учебник для вузов / Под ред. В.И. Лыткина. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1962.

Полякова Е.Н. Формирование пермских говоров / Е.Н. Полякова // Русские говоры Пермского региона: Формирование. Функционирование. Развитие / Е.В. Ерофеева, Е.Н. Полякова, А.С. Штерн; Перм. ун-т. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. 1998. С. 4–30.

Полякова Е.Н. Языковая ситуация в Прикамье в XVII веке / Е.Н. Полякова // Полякова Е.Н. Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья / Е.Н. Полякова; Перм. ун-т; Прикам. соц. ин-т; Прикам. соц. ин-т ф-л МОСУ; Прикам. соц.-гум. колледж. Пермь, 2002. С. 195–200.

Руделев В.Г. Русские вокалические системы: Методическое пособие / В.Г. Руделев; Тамб. гос. пед. ин-т. Тамбов, 1976. Ч. 1.

Русская диалектология: учеб. пособие / Под ред. Н.А. Мещерского. М.: Высш. школа, 1972.

Скитова Ф.Л. Верхневишерские говоры Пермской области на современном этапе развития: дис. ... канд. филол. наук / Ф.Л. Скитова. Л., 1960.

Скитова Ф.Л. Об одной фонетической особенности верхневишерских говоров Пермской области / Ф.Л. Скитова // Учен. зап. Перм. ун-та. Пермь, 1962. Т. 22, вып. 1. С. 45–50.

Словарь русских говоров Среднего Урала / гл. ред. П.А. Вовчок. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1964. Т. 1.

Смолякова Л.П. Некоторые фонетические особенности русских говоров среднего Покамья (юго-западные районы Пермской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.П. Смолякова. Казань, 1961.

Смолякова Л.П. Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья (с учетом иноязычных влияний) /

Л.П. Смолякова; АН СССР, Ин-т яз., литер. и истории Казанского филиала. М.: Наука, 1977.

Усманова М.В. Модальное слово в речи мужчин и женщин / М.В. Усманова // Проблемы социо- и психолингвистики / Перм. ун-т; отв. ред. Т.И. Ерофеева. Пермь, 2003. Вып.2. С.34–37.

Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: учеб. пособие / Г.Н. Чагин. Пермь: Изд-во Том. ун-та, 1991.

Штерн А.С. Три аспекта городского билингвизма (фонетический уровень) / А.С. Штерн // Живое слово в русской речи Прикамья / Перм. ун-т; гл. ред. Ф.Л. Скитова. Пермь, 1993. С. 28–37.

Штерн А.С. и др. Фонетика говорков и литературного языка на территории Пермской области / А.С. Штерн, Е.В. Ерофеева // Русские говоры Пермского региона: Формирование. Функционирование. Развитие / Е.В. Ерофеева, Е.Н. Полякова, А.С. Штерн. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. С. 31–133.

Локальная единица в речевом узусе современного города*

Т.И. Ерофеева

Контактирование литературного языка с диалектным осуществляется в том числе и через городскую речь, поэтому рассмотрение локальных элементов в литературной речи горожан (на всех языковых уровнях) актуально для изучения языка города. Инициатива постановки в науке вопроса о языке города принадлежит Б.А. Ларину. «Литературные языки генетически связаны с городом, но они давно уже «выросли» из этой своей колыбели, и настолько, что не могут заменить или представлять собою языковую культуру города» – эти слова Б.А. Ларина способствовали изучению языка современного города [Ларин, 1977, 189]. Он ввел в лингвистику понятие третьего круга явлений наряду с другими – литературным языком и диалектом – и определил задачу изучения состава и структуры языкового быта города. Анализируя записи речи горожан, Б.А. Ларин приходит к выводу, что разговорная речь города – это всегда творческий процесс, и творческий акцент присутствует здесь как один из ведущих признаков. Другим же признаком выступает экспрессия, или «эмоционально-волевой заряд». Эквиваленты разговорной речи есть и в литературном

* Работа выполнена при финансовой поддержке АБЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» Р.Н.П.2.1.3.6711

языке, однако семантика их другая. В речи города обнаруживается особая эстетика разговорной речи.

Работа по описанию обиходно-бытовой речи лиц, владеющих литературным языком, начата в Пермском центре по изучению городской речи еще в 70-е гг. Как показали исследования, литературная речь жителей городов Пермского края, в том числе и областного центра, города Перми, подвержена воздействию местных диалектов. Описание языковой ситуации в Пермском крае позволило сделать теоретическое заключение о территориальном варьировании русского литературного языка в его устной форме как о реально существующем факте.

Кроме того, устная литературная речь испытывает влияние различных социальных факторов, которые присущи носителям литературного языка. Социальные факторы выступают вторым доминирующим признаком в создании основы, способствующей образованию локальных вариантов устной литературной речи.

В многогранной сложной жизни современного русского литературного языка эта проблема занимает далеко не последнее место и актуальна в плане исторического опыта для других как славянских, так и неславянских языков.

Изучение языкового состояния в Пермском крае позволило установить, что большинство локальных элементов по происхождению связано с диалектом. В речевом обиходе горожанина, владеющего литературным языком, такие единицы получили название **локализмов**. Они не принадлежат к кодифицированным единицам литературного языка и являются локальными элементами либо в речи только жителей пермского региона, либо в речи жителей пермского региона наряду с некоторыми другими областями.

Локальные элементы фиксируются на всех уровнях языка, в том числе и на лексическом. Одной из основных причин лексических расхождений в городской речи является непрекращающееся воздействие диалекта, то есть включение в повседневную бытовую речь города областных слов. Неоднородная по своему составу, диалектная лексика придает литературной разговорной речи локальную окрашенность, создавая тем самым основу для территориального варьирования устной формы литературного языка и способствуя его обогащению.

Выявлено и описано более 1000 локальных лексических единиц региона. В семантико-тематическом аспекте наиболее обширными являются группы, включающие локализмы, связанные с темами: человек, его деятельность, домашняя обстановка; пища; одежда; животный и растительный мир; местность, природные явления;

транспортные средства. Центральное место в системе семантико-тематических полей занимает поле **человек**.

Локализмы, входящие в поле **оценка человека**, включают 76 единиц. В результате анализа оценочных сем выделились следующие подгруппы данного поля:

1. Свойство, определяющее характер (22 единицы): **весь на шарнирах** – о возбужденном человеке; **дикошарый** – озорной; **подвидный** – неискренний; **уросливый** – капризный и т.д.

2. Свойство, характеризующееся через действие (28 единиц): **банная затычка** – о человеке, который везде успевает, за все берется; **засоня** – человек, который много спит; **неработь** – тот, кто не любит работать; **свиристелка** – тот, кто много болтает; **семисёлка** – тот, кто часто меняет свои решения и т.д.

3. Свойство, характерное для внешности (17 единиц): **баской** – красивый; **брыластый** – имеющий большие губы; **в теле** – упитанный; **симптявый** – симпатичный; **могутный** – обладающий большой физической силой; **шадровитый** – рябой от оспы; **щекля** – очень худой человек и т.д.

4. Свойство, подчеркивающее интеллектуальные способности (7 единиц): **балда осиновая** – бестолковый; **беспутный** – бестолковый; **дундук** – бестолковый; **недоумок** – слаборазвитый; **дурашек** – бестолковый, дурачок и т.д.

5. Свойства, отражающие социальные характеристики (2 единицы): **богатинка** – богатый, зажиточный; **как сыр в масле** – о человеке, хорошо обеспеченном материально.

Таким образом, объектом оценки явились наиболее значимые свойства и характеристики человека: оценивается только то, что нужно человеку и что является для него актуальным – внешность, характер, действие, интеллект.

В семантическом поле локальные слова имеют, как правило, не родовую, а видовую семантику, обозначая конкретные явления. Отмечена большая группа слов диалектного происхождения, называющих предметы и действия, связанные с домашним хозяйством, например, **вехоть** – мочалка, тряпка для различных хозяйственных надобностей; **вица** – отломленная ветка без листьев, розга; **держать** – тратить, расходовать деньги; **захряснуть** – затвердеть, стать густым; **ленуть** – налить в один прием небольшое количество чего-либо; **тюричок** – катушка ниток; **шоркать** – тереть что-либо (пол, спину, ноги и т.д.).

В лексико-грамматическом отношении группы неоднородны. Часть тематических групп очерчивается по трем параметрам-основаниям. Такие группы включают единицы, соотношенные с предметностью, действием и признаковостью. Например, группа со

значением 'еда и процессы, связанные с ее приготовлением'. В нее входят существительные *грибовница, паренки, жарево, жарёха, кумышка, малосолы* и др.; глаголы *захряснуть, скать, рассыкать, соскать, разоскать* (тесто), *стряпать* (готовить изделие из теста), *защипать, щипать* (пельмени) и др.; прилагательные *вечёрошный, нагольный* (включающий излишки специй) *малосолый* и др. Аналогичен состав групп 'одежда, обувь, их использование и уход за ними'; 'части тела, их состояние'; 'растительный и животный мир'; 'человек, его характер, поступки, поведение, занятия'. Вполне естественно, что в последней группе преобладают глаголы – более 40 единиц. Значителен процент и прилагательных-локализмов.

Ряд тематических групп включает лексику, соотнесенную лишь с двумя параметрами: либо с предметностью и действием, либо с предметностью и признаковостью. В числе групп, обладающих параметрами предметности и действия, входит группа слов, связанных с домашним хозяйством. Ее составляют существительные *чашка* (миска), *бокал* (цилиндрическая чашка), *стаканчик*, *солоничка* (солонка), *опитки* (слитые вместе недопитые напитки), *кашик* (дуршлаг), *тюрик, тюричок* (катушка ниток) и др.; глаголы *держать, издержать* (израсходовать съестные припасы, деньги), *ленуть* (налить немного), *шаять* (тлеть), *вышоркать, нашоркать, пошоркать* и др. К «двуосновным» принадлежат также значительные по объему тематические группы 'рельеф, местность, природные явления'; 'жилые хозяйственные строения, их части'. Последняя группа включает лишь существительные и прилагательные.

Среди значительных по объему групп отмечена одна – родственные и социальные отношения человека, состоящая только из имен существительных: *брательник* (брат, двоюродный брат), *гаврик* (ребенок), *девка* (дочь), *парень* (сын), *сестрянка* (сестра, двоюродная сестра), *кока* (крестная мать), *углан, угланёнок, углашек* (подросток) и др.

В выделенные тематические группы не вошли два разряда знаменательных слов. Это неизменяемые прилагательные, обозначающие цвет и часто выполняющие в предложении функцию сказуемого, ср.: *сбела* (беловатый), *сголуба, сжелта, скоричнева, скрасна, срзова, синя, счерна* и т.п.; наречия, которые определяют действие во времени (*вдолге*), месту (*кругом* – везде; *взаде* – позади), кратности (*вдругорядь, нединова*), степени (*мало-мале*), образу действия (*начистовую, внаклонку, ладо* – как полагается, как следует), интенсивности и др. Каждый из этих локализмов обладает особыми семантическими и грамматическими признаками.

Значительное число групп, имеющих относительно малое количество единиц, позволяет предположить, что локализм может

появиться в любой тематической группе слов, используемых в непринужденной бытовой литературной речи. Ср.: **бланка** (бланк), **бестолковый** (плохо сделанный, выстроенный дом), **ставать** (становиться) и т.п.

Рассматриваемые локализмы в абсолютном большинстве случаев имеют общелитературные синонимы. Так, глагол **захряснуть** соотносится с общелитературным **затвердеть**, существительное **заложка** – с общелитературным **закладка**, наречие **заодно** – с общелитературным **заодно**. Но нередко локализмы не имеют синонимов в литературном языке. Ср.: **катушка** – специально сооруженная ледяная горка; **ладом** – как следует, как положено. Это обстоятельство является одним из существенных факторов, поддерживающих локализмы и их функционирование в литературной речи.

Рассмотрение лингвистической природы локализма в пределах взаимодействия речи города и деревни весьма перспективно и для других городов, находящихся в диалектном окружении.

Ср. например, записи естественной речи кунгуряков в процессе повседневного общения. Весь отрезок речи составил 1662 слова, в том числе 160 локализмов. Например, речевые отрезки, полученные от двух информантов:

Мужчина, 22 г., со средним образованием, юрист (гуман.): *Ну, фарш **накрутил**, разбавил, воды, соли. Тесто раскатываем, **стопариком** кружочков нарезаем, в лепешку ложечкой **ложу** фарш, **защипну**.*

Мужчина, 35 лет, со средним образованием, геолог (негум.): *Берём муку, яйцо, перемешиваем, **мнём**. Фарш – смешиваем свинину с говядиной, что придаёт специфический вкус. **Перекручиваем** на мясорубке, лук перемешиваем, **сблим, пёрчим**. Тесто **готовое**. Отрезаем кусок. Раскатываем, стаканом **вырезаем** кружочки, **ложим фарш, залепливаем**.*

Знают информанты слова: **пестом** разомну; **запускаем** первое **варево**; **соли сколь надо**; **яичко**; **сочень**; **сочни**; **тесто тугое**; **толкушка**; **скёшь сочни**; **стряпаем сочни**; **тесту даю выстояться**; **завожу тесто**; **обминаю**; **сворачиваю ушком**; **тесто кладу под большую чашку**; **сперва посолю**; **напополам** смешиваем и т.д.

Исследование реализации в речи локальных элементов жителей г. Кунгура велась с учетом таких социальных факторов, как возраст, образование, специальность, пол.

Обработка данных, проведенная с помощью метода дисперсионного анализа, выявила влияние социобиологических страт-факторов на речевую продукцию. Так, существенными оказались факторы «возраст» (ранг 1) и «образование» (ранг 2). Факторы

«специальность» и «пол» существенного влияния на использование локализма в литературной речи не оказывают и соответственно определяются рангами 3 и 4. Отметим, что подобное влияние социобиологических факторов наблюдается при исследовании использования локализма в речи жителей г. Кунгура, небольшого провинциального города в Пермского края.

Чаще всего местные слова и выражения используются в литературной речи горожан неосознанно, поскольку локализмы являются органической частью их идиолексикона с детства. Например, информант объясняет, что слово *синявки* органично для речи пермяка: *Я не слышала, чтобы кто-то в уральской среде называл синявки сыроежками. Везде: от рынка до самых высоких сфер – все их зовут синявками, особенно любители грибов, знатоки.*

Однако в определенной ситуации пермяки могут оценить особую заряженность диалектного слова: *Это расстояние измеряется от самой глубокой впадины на переносице до чушки* (смех). *До подбородка.* (На занятиях по ПВО).

Весьма нередки случаи, когда локализмы используются носителями литературного языка Прикамья в ярко выраженной экспрессивно-стилистической функции. Ср. зафиксированное в речи использование фразеологизма *каждую шишку носил на вышку* – то есть собирал и хранил в памяти много разнообразных сведений.

Энергетическая заряженность локального слова способствует использованию его в своеобразной «языковой игре»: (Шутит). *Тенёта? Да по углам у хорошей хозяйки для красоты. У студентов тоже бывает, чтобы всякие мушки не попадались.*

Локализмы, обладающие энергетической силой, привлекают поэтов и расцениваются ими в качестве поэтических ресурсов. См. у Авенира Крашенинникова:

Видишь: один листок

Не позабылся сном,

Стуже напoперёк

Альм горит огнем.

Часто локализмы встречаются в поэтической речи в функции специфических этнографизмов. Так, употребление слова *угор* ‘возвышенность’, характерное для региона, помогает М. Смородину пробудить чувство сопричастности, близости к природе, краю малой родины.

Высшим проявлением силы локализма является использование его в совокупности нескольких поэтических функций, когда локализм не просто удачно именуется предмет или явление, не просто содействует созданию ярких, выразительных образов, но, органически входя в

контекст стиха, позволяет высветить идейное звучание произведения.
Ср. у А. Решетова:

*Опять зима, опять мороз.
Крахмальный скрип сухого снега.
Куржак на веточках берез.
Дымок над кровом человека.
И солнце, яркое до слез.*

В свое время И.А. Оссовецкий писал: «Художественные функции такой лексики сочетаются с чисто познавательными, это придает повествованию характер этнографической достоверности. «Вещный» словарь, который связан с деревенским бытом, знакомит читателя с неизвестной ему стороной жизни деревни. Вместе с тем этот словарь несет и художественные функции, создавая в произведении задуманный автором колорит» [Оссовецкий, 350].

Изучение локализмов показывает, что в настоящее время, когда подчеркивается важность учета регионального компонента в преподавании как в школе, так и в вузе, перед учителем встает сложная задача разрешения диалектического противоречия, заложенного в самой природе локализма. С одной стороны, учитель должен помочь учащимся приобрести навык избегать неоправданного использования в литературной речи локализмов, а с другой – обучить такому умелому их использованию, которое обогащает речь и придает ей неповторимый колорит края.

По определению Л.И. Скворцова, высокая речевая культура «предполагает достаточно высокий уровень общей культуры человека, сознательную любовь к языку, культуру мышления... Программа языковой политики, основанной на научных знаниях, состоит в том, чтобы удерживать литературную речь на высшем уровне современной культуры и книжно-письменной традиции и в то же время не допускать ее отрыва от народной почвы, живых процессов национального языка» [Русский язык, 1979, 119].

Чтобы облегчить эту задачу, в Пермском университете составляется «Социолингвистический глоссарий локализмов», имеющий целью описать данные единицы с точки зрения их лингвистической природы и бытования в городской литературной среде.

Приведем материалы некоторых пробных статей словаря:

АЙДА́-КО (АЙДА́-КА), АЙДА́ТЕ, АЙДА́ТЕ-КО (АЙДА́ТЕ-КА), *част.* Исходное слово *АЙДА*, заимствованное из татарского языка, во многих словарях современного русского литературного языка сопровождается пометой *просторечное*. В разговорной речи горожан Пермского региона используются русские новообразования с помощью

частицы *-ко (-ка)* или окончания *-те*, а в отдельных случаях того и другого; обозначают побуждение к движению, действию: *Айда-ко с нами на дачу* (инженер, 57 л., Пермь); *Айдайте ко мне. Посидим, чайку попьём* (студент-филолог, Пермь); *Айдайте с нами на дачу* (инженер, 57 л., Пермь); *Как пройти к реке? – Айдайте за мной!* (технолог, 50 л., Суксун); *Айдайте, я вам всё покажу* (учитель, 27 л., Куета); *Айдайте есть – остывает всё* (учитель, 45 л., п. Октябрьский); *Айдайте-ка по домам!* (корректор, 30 л., с. Б. Соснова). Частицы АЙДА-КО, АЙДАТЕ бытуют в пермских и в ряде других преимущественно северных и сибирских говоров. Вариант АЙДАТЕ-КО (АЙДАТЕ-КА) словарями русского языка не зафиксирован, тем не менее, sporadически встречается преимущественно в речи жителей сельской местности Пермской области: *Айдайте-ко в поле, хватит бока налёживать* (учитель, с. Помарово). Подобные локализмы употребляются информантами чаще всего в ситуациях, когда по тем или иным причинам не осуществляется контроль за правильностью речи. Так, корректор (высшее пед. обр., 30 л., с. Б. Соснова) в состоянии радости после окончания тяжелого рабочего дня воскликнула: «*Айдайте-ка по домам!*»

БАБЬИ СПЛЕТНИ, *сущ., мн.* Дикое вьющееся растение; вьющийся комнатный цветок. Фразеологизм широко распространен в пермских говорах (Акчимский словарь), и шире на Урале (Уральский словарь). Он используется и в городской речи: *Бабьи сплетни (о традесканции) плохо растут на солнце* (студент-филолог, Пермь); *Бабьи сплетни всю картошку обвили* (учитель, 22 г., Добрянский р-н).

БАДОГ см. **БАТОГ**

БАДОЖОК см. **БАТОЖОК**

БАЗЛАТЬ, *глагол., несов.* С оттенком *груб.* Громко кричать, петь: *Как вечер, соседи за стенкой песни базлают, спать не дают* (учитель русского языка, жен., 22 г., Чернушка); *Чего ты базлаешь так громко?* (юрист, жен., 44 г., Пермь). Слово отмечено в пермских диалектах (Словарь пермских говоров), в частности, в говорах Соликамского района.

БАКЛАШЕК, *сущ., м.р.* Словообразовательный локализм, живет в городской речи, обособившись от своего производящего слова БАКЛАН, имея в городской речи значение «небольшой кусок». Фиксируется в речи инженера женщины, 45 л., Пермь.

БАЛАГАШЕК, *сущ., м.р.* В городской речи имеет два значения:

1. Легкое строение для временного жилья. *В лесу нам повстречался небольшой балагашек охотника* (инженер, Пермь). Встречается и в произведениях пермского писателя И. Байгулова: *Дед уходил к временному балагаишке, но вскоре семенял обратно...* (Дыхание земли. – Пермский рассказ).

2. Второе значение экспрессивное – о тесном, неудобном жилье: *Живёт в балагашике – повернуться негде* (учитель, Кунгур). Слово по происхождению диалектное (отмечено в Акчимском словаре).

БАЛЯ, *суц., ж.р., ласк.* Овца. Данный собственно лексический локализм используется в колыбельной песне: *Бали бегают, ревут, деткам спать не дают.*

БАННАЯ ЗАТЫЧКА. О человеке, который за все берется: *А ваш Ваня, как банная затычка, везде успеет* (учитель, 22 г., Добрянка). Фразеологизм входит в семантическое поле *оценка человека* и характеризует человека через его действие.

БАННЫЙ СТАРОСТА, *шутл.* О человеке, любящем мыться в бане. Зафиксировано в речи студента-филолога, уроженца с. Тойкино: *Он готов каждый день в баню ходить – известно, банный староста.* Фразеологизм входит в семантическое поле *оценка человека* и характеризует свойство. Экспрессивен.

БАНЯ ПО-БЕЛОМУ. Баня, обогреваемая печью с дымоходом. *У нас баня по-белому: дым в трубу идёт* (учитель, 22 г., Добрянский р-н). Локализм входит в тематическую группу «жилье и хозяйственные строения, их части».

БАНЯ ПО-ЧЁРНОМУ. Баня, не имеющая дымохода. *В деревне баня у нас была по-чёрному. Приезжие бывало так отмажутся, что потом в кадке отмывалась* (инженер, Соликамск). Локализм входит в тематическую группу «жилье и хозяйственные строения, их части».

БАСКО, *нареч.* Красиво, хорошо, отлично. Фиксируется на широкой территории говоров – арх., вят., иркут., каз., костр., новг., олон., оренб., орл., **перм.**, твер., тобол., том., яросл. (Опыт). Собственно лексический локализм, активно бытует в городской речи: *Сегодня на улице баско* (студ., г. Соликамск); *Сишла кофточку, да так баско, лучше, чем в ателье* (учитель, 22 г., Чернушка); *Смотрел вчера вечером футбол. Баско!* (школьн., Пермь). Локализм используется писателями-прозаиками как в авторской речи, так и в речи персонажей: *В одном месте больно баско показалось* (А. Бондин. Лога; А. Колчанов. Оханская старина).

БАСКОЙ, *прил.* Красивый, хороший, отличный. Широко используется в говорах – арх., вят., иркут., каз., костр., новг., олон., оренб., орл., **перм.**, твер., тобол., том., яросл. (Опыт). Собственно лексический локализм не чужд и горожанам: *Ну и баской был парень!* (врач, Верещагино); *Баскущий платок достаёт...* (библ., Пермь); *Девчонка у них была баская: глаза огромные, весёлые и коса русая до пояса* (учитель, жен., 22 г., Чернушка). Достаточно широко используется и в художественной речи, обозначая различные степени качества – **БАСКУЩИЙ**, **БАССЕНЬКИЙ**: *У нас девки гладкие, баские, нравность понимают* (В. Соколовский. Повести); *Часто я смотрел на*

этого баскущего, здоровенного, ядреного парнишку... (В. Каменский. Лето на Каменке); *На телочку красненьку, да на девчоночку бассеньку* (И. Зырянов. Скоморошины).

БАСТРИГ, БАСТРЫГ, *сущ., м.р.* Шест для придавливания, закрепления перевозимой поклажи. Отмечается во многих русских говорах. В городской речи собственно лексический локализм достаточно употребителен: *Поправь бастриг, а то ветром сено раздует* (медсестра, Пермь); *Мы загрузили сено, прижали бастригом* (бухгалтер, с. Кын); *Бастрыг используется для уплотнения сена на возу* (агроном, Чернушка). Встречается локализм и в художественной речи: *Яков Степанович ушел в кустарники вырубить березку на бастриг* (А. Спешиллов. Яков Степанович – Пермский рассказ). Относится к группе слов, связанных с домашним хозяйством.

БАТОГ (БАДОГ), БАТОЖОК (БАДОЖОК), *сущ., м.р.* Палка, посох, хворостина. Фиксируется словарем Даля как сиб., новг., олон., перм. Собственно лексический локализм используется как в городской, так и в художественной речи: *А бадог бы мне – я бы скорее пошла* (пенс., Кунгур); *У Деда Мороза батожок в руках. Он волшебник* (пенс., Пермь), *У милого кудри вьются – Всё кругом, да всё кругом. Это я назавивала суковатым батогом* (част., с. Вишера); *Жил еще и сам Строитель, стучавший батожком по двору, обходящий утрами садик и огород* (В. Соколовский. Повести); *«Пригрозили батогами», – сказал Евдоким* (А. Крашенинников).

БАХИЛЫ, *сущ., обычно мн.* В городской речи слово имеет два значения:

1. Экспр. О любой сильно разношенной или очень большого размера обуви. Ну и бахилы у тебя на ногах! (нач. отд. кадров, Добрянка); Бахилы – это большая, не по размеру обувь (учитель, Чернушка). Встречается в художественной речи: *Гришка спал в дальнем углу, на ногах его были стоптанные бахилы* (А. Крашенинников. Горюч камень).

2. Глубокие резиновые калоши. В этом значении фиксируется Брянским словарем; в городской речи используется редко. На валенки надо одеть бахилы (инженер, Березники).

БАЯТЬ, *глагол., несов.* Говорить. *Баешь ты больно тихо, я ведь не слышу* (уроженка Кунг. р-на). В городской речи приобретает сему «говорить, общаясь; разговаривать»: *Маруся не слышала, о чем баяли у колодца бабы* (юрист, жен., 44 г., Пермь). Используется в произведении А. Кирпищиковой, Д. Мамина-Сибиряка, Ю. Бондарева, современных уральских писателей: *Баят, хоть нету нонча колдунов, а ты, тово, схож на колдуна по рожке* (А. Спешиллов. Хулигань-конокрады).

БЕГАТЬ, *глагол, несов.* Гулять, проводить время на улице. *Мама, ты меня не теряй, я бегать пошла; Бегала, на горке была* (ученица 8 класса, Березники). Как правило, используется в речи детей или взрослых в рассказах о своих детях: *Танюшка бегать ушла на улицу* (учитель рус. яз., жен., 27 л., Куединский р-н).

БЕГОТЛИВЫЙ, *прил.* Подвижный, беспокойный. Окказионально отмечено в городской речи: *Работа очень беготливая, да?* (врач, жен., Нытва). Относится к разряду словообразовательных окказиональных локализмов.

БЕДА, *нареч. меры и степени.* Очень, чрезвычайно. *Беда хороший человек* (медсестра, 23 г., Пермь); *У меня вчера был беда нетоварный вид* (преподаватель вуза, Пермь); *Да, наверно некогда будет идти сегодня: дел беда много* (учитель, пос. Октябрьский). Фиксируется преимущественно в обиходной речи, не имеет семантического множителя «много», с которым приводится в словарях литературного языка. Есть и другое отличие: «беда» со значением «очень» нормативные словари приводят только в сочетании «беда как». Используется в художественной речи. Например, А. Колчанов в книге «Старина оханская» обращается к этому локализму 9 раз: *Беда веселый народ был в Усолье: песенники и плясуны, а главное – просмешиники...* (с. 7); *Старик беда возмутился нахальством Памфила...* (с. 12).

БЕДА ПРЯМО, *экспр.* Очень, слишком, чересчур. Выражает огорчение, досаду по какому-либо поводу. *Дочь у меня растёт своенравная. Беда прямо. Что не захочет – добьется* (секретарь-машинистка, Березники); *Беда прямо красивая, можно отправлять на конкурс красоты* (инженер, Пермь); *Ребёнок совсем от рук отбился. Беда прямо!* (учитель рус. яз., жен., 27 л., Куединский р-н). Выражение широко распространено в пермских говорах. В словаре К. Прокошевой приводится в том же значении, сопровождается цитатой: *«Баба у его мозговитая попалась: брезгат, пыжитя; такая же чистоха, беда прямо»*. С этим же примером фразеологизм подан в Соликамском словаре. В нормативных словарях литературного языка в значении «очень» отмечается фразеологизм «беда как». В МАС иллюстрируется цитатой из романа Д. Фурманова «Чапаев»: *Шмарин беда как любил рассказывать небылицы*.

БЕДНЯТЬСЯ, *глагол, несов.* Прибедняться. Жаловаться на свои нужды, горести, несколько преувеличивая их. *Иванов, хватит тебе бедняться, рассказывай урок!* (учитель, жен., 36 л., Чернушка); *Нечего бедняться, все у тебя есть* (преп., образ. среднее педагог., Кунгур); *Что уж она бедняться-то?* (инж. со средн. образ., жен., 60 л., Чагинский р-н). Слово характерно преимущественно для речи пермяков со средним образованием. В пермских говорах имеет значение «обижаться, жаловаться на кого-либо, что-либо» (Словарь

пермских говоров). С этим же значением используется в художественной речи: *Напрасно бедняешься! Рази у тебя суседей добрых нет?* (А. Колчанов «Старина оханская»; речь персонажа, с. 178).

БЕЗДОРОЖНО, нареч. Без дороги, по целине. *Солдаты шли бездорожно. Впереди был большой овраг* (юрист, жен., 44 г., Пермь). Локализм образован от нормированного литературного «бездорожный» (Словарь Ожегова). Встречается в пермской речи спорадически. Относится к разряду словообразовательных локализмов.

БЕЗ ПУТИ. Напрасно. *Все это вы без пути делаете* (учитель, 22 г., Добрянский р-н). Фразеологизм окказионального образования с использованием распространенной лит. модели префикс без- + сущ. в род. пад. (типа без страха и упрека, без конца и края).

БЕЗ УМА. Антоним разговорному *с умом*. Без понимания, не по-хозяйски. *Без ума делаете* (учитель, 22 г., Добр. р-н); *Выполнено без ума* (пенс., жен., Пермь). Достаточно часто фиксируется в городской речи информантов разного возраста.

БЕРЕМЯ, суц., ср.р. Большая охапка (обычно тяжелых предметов). *Да зачем ты сразу так много дров несешь? Целое беремья* (инж., жен., Березники). Фиксируется словарем Ушакова с пометой обл., МАС – обл., БАС – простор. и обл. В литературных словарях цитируются разные авторы: М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, М. Шолохов. Древнерусское **БЕРЕМѦ** сегодня достаточно широко известно в говорах (см. СРНГ), в том числе и в пермских (Акчимский словарь, Словарь пермских говоров). Даль приводит в иллюстративном материале несколько пословиц: *Своя ноша не тянет, свой дом не беремья; Было времечко – осталось одно беремечко*. В говорах есть вариант **БЕРЕМЁ**. Встречается в детских поговорах: *Сколько время? – Три беремья...*

БЕРЁСТО, суц., ср. р. Верхний слой коры березы. *Мама, ты куда берёсто положила?* (инф., ср. обр., Соликамск); *Не могу спокойно смотреть на берёзы, на их ослепительно белое берёсто. Прелесть!* (врач, Нытва); *Туесок из берёста* (инф. ср. обр., Пермь). Широко бытует в пермских говорах, городском просторечии и нередко фиксируется в речи носителей литературного языка.

БЕРЛОГ, суц., м.р. Логово медведя. *В лесу мы наткнулись на берлог* (пенс., 60 л., жен., Пермь). В древнерусском языке существовало 2 варианта – **БЕРЛОГА**, **БЕРЛОГ**. Вторая форма сохранилась в говорах. СПНГ фиксирует территорию **Перм.**, Арх., Вологод., Костр., Новг., Тобол., Том., Кемер. областей. В городской среде данный локализм встречается чрезвычайно редко. Так, нацеленный опрос 36 информантов, имеющих высшее и среднее образование, из г.

Соликамска показал, что информанты не знакомы с локализмом БЕРЛОГ.

БЕСПОКОИТЬСЯ, глаг., несов.в. Беспокойно вести себя (о грудном ребенке). *Сходила я в ясельки: ребёночка не принимают. Сама не выспалась, он тоже беспокоится* (врач, жен., Нытва); *Вадик у тебя беспокоится* (студент-филолог, 20 л., Пермь). Слово бытует в устной речи представителей интеллигенции в качестве семантического локализма.

БИРКА, БИРОЧКА, сущ., ж.р. Семантические локализмы.

1. Жетон, выдаваемый в гардеробе взамен верхней одежды, номерок. *В нашем драмтеатре бирки очень большие и тяжёлые* (пенс., жен., Пермь); *Мы ходили на кафедру в новом корпусе. Там пальто сдавали в раздевалку. Лена бирку потеряла* (студ., Пермь); *При потере бирки пальто из раздевалки не возвращается* (объявление в музучилище); *Иди, бирочку сдай – получишь пальто* (библ., Кунгур).

2. Талон к врачу. *Утром в поликлинику схожу, возьму бирку к стоматологу* (пенс., Чусовой); *Получила я бирку к врачу только на 12 часов* (юрист, Чайковский); *Врач принимает по бирочкам или в порядке очереди?* (эконом., Нытва).

Локализмы БИРКА, БИРОЧКА в указанных значениях настолько привычны в пермском регионе, что не воспринимаются как отклонение от норм в литературной речи. Фиксируются во всех социально-возрастных группах.

БИТАЯ ПЕЧЬ. Печь, сделанная из глины особым способом. *У нас битая печь* (учитель, Добрянский р-н). Такой фразеологизм зафиксирован в пермских говорах. В словаре К. Прокошевой: Битая печь. Русская печь, сбитая из глины. *Русска печь в каждом доме есть. Делали из кирпичей, а ишо делали битые печи, из глины* (Ильинский р-н). Отмечен и в Акчимском словаре.

БИЧЕВАТЬ, глаг., несов.в. Семантический локализм, фиксируется в городской речи в двух значениях.

1. Ловить рыбу. *Сын уехал бичевать на Сылву* (ст. науч. сотр., муж., 52 г., Пермь); *Сейчас запрещено бичевать, потому что нерест* (муж., ср./спец., Кунгур). Такое значение отмечено в диалектной речи.

2. Бездельничать. Распространено в городской речи под влиянием уголовного жаргона. Бичевать – бродяжничать (БСРЖ). *Ничо не делает, бичует* (студ., 20 л., Пермь); *Ни черта не делает. Слоняется по городу целыми днями. Бичует, короче* (жен., 30 л., Кунгур).

БЛАЖИТЬ, глаг., несов.в. Кричать, шуметь. *Блажи не блажи – все равно никто не слышит* (пенс., ср./спец., 70 л., Соликамск); *Не блажи, соседей разбудишь* (инж., Пермь); *Да не блажи ты, не блажи. У меня уж от твоего крика голова разболелась* (учит., 20 л., Березники). Семантический локализм употребителен в городской речи

в указанном значении. Широко известен по говорам. В этом значении СРНГ отмечает его в Вологодской, Тверской, Калужской областях; есть и в пермских говорах (Словарь пермских говоров).

БЛАЗНИТЬ, глаг., несов.в. 1. Безл. Казаться, мерещиться. Производные БЛАЗНИТЬСЯ, ПОБЛАЗНИТЬСЯ. *На самом деле или мне блазнит?* (студ., II к., филолог, Пермь); *Тебе, что, блазнит? Никого там нет!* (пенс., 80 л., Березники); *Да тебе что, блазнится что ли?* (библ., 28 л., Кунгур); *Поблазнилось, померещилось* (библ., 47 л., Кунгур); *Так ясно слышья звонок. Неужели блазнит?* (препод., матем., 43 г., Пермь). В этом значении используется писателями: *Про Маякову слань рассказывали нехорошие вещи: блазнило здесь и глаза отводило, если кто оробеет* (Д. Мамин-Сибиряк. Золото).

2. Соблазнять, манить. *Лес блазнит грибами, ягодами* (эконом., ср., жен., 35 л., ст. Кын); *Она его блазнит, не стесняется* (препод., высш., жен., 40 л., Березники).

Оба значения отмечены в диалектном слове (см. Акчимский словарь, Словарь пермских говоров). Даль отмечает это слово в 1-м значении как *северное*. Диалектные слова *блазнить* (в 1-м знач.) и *блазниться* приведены в СРНГ с пометой *перм.* в числе прочих.

БЛАНКА, суц., ж. р. Бланк. *Возьми бланку из ящика и занеси прокурору* (лит. сотр., Кунгур); – *Возьми бланку и заполни. – Да котору бланку-то брать? Их тут много* (пожилые люди, Березники). БАС квалифицирует вариант БЛАНКА как устаревший.

БОГ ВЕЛЕЛ. Так и должно быть, тем более. Локальный фразеологизм используется для констатации, обязательности чего-либо. *Сам бог велел стать ему музыкантом, ведь с детства музыкой увлекся* (инф., жен., 41 г., Пермь). Фиксируется К. Прокошевой во «Фразеологическом словаре пермских говоров».

БОГ ДАЛ – БОГ ВЗЯЛ. Сочетание пословичного характера. Используется для утешения при неизбежном, неотвратимом. *Не расстраивайся. Бог дал – бог взял. Рано или поздно это всё равно бы случилось. Уж очень он у тебя большой был. Молодая, ещё родишь* (секр.-машин., Пермь). В сибирских говорах выражение отмечено в варианте БОГ ДАЛ, БОГ И ВЗЯЛ. Во «Фразеологическом словаре сибирских говоров» оно сопровождается пометой «устаревшее».

БОГАТИНКА, суц., экспр. Денежный, состоятельный человек. *Богатинкой зажила, вся блестящий: из Ферганы приехала* (пенс., средн., Пермь); *Богатинка – больше, чем материально обеспеченная* (пенс., 93 г., ср./спец., Кунгур); *Она ведь богатинка у нас* (студ., истор., из села). В форме *богатина* есть в словаре Даля, отмечена и в пермских говорах (Словарь пермских говоров). В городской речи встречается редко, чаще в речи пенсионеров. Используется в художественной речи. А. Колчанов

в книге «Старина оханская» употребляет его трижды. К примеру: *...восхищались богатынки, а сватов засылать не решились...*

БОГАТКА, *сущ., ж.р.* Трёхшерстная кошка. *Ошибаешься, богатка – это когда есть белый, чёрный и рыжий цвет шерсти* (инженер, 53 г., Пермь); *У нас такая кошка раньше жила! Богатка* (экон., 50 л., Пермь). Есть фиксация его и в уральских говорах (Словарь русских говоров Среднего Урала).

БОГАЧЕСТВО, *сущ., ср.р.* Богатство. Этот словообразовательный локализм, отмеченный в БАС как просторечный, используется в литературной речи часто как экспрессивное средство: *Богачество-то привалило им* (экон., ср./спец., жен., 48 л., Березники); *Эко у тебя богачество!* (человек пожилого возраста, Березники, Пермь); *И на что тебе это богачество!* (историк, 55 л., п. Куеда); *Богачества-то у снохи никакого* (пенс., муж., Краснокамск). Встречается в произведениях А. Кирпищниковой, А. Крашенинникова и др.

БОКОВУШКА, *сущ., ж.р.* Боковое место в вагоне поезда. *Купейных билетов не было – боковушки одни* (учитель, Чернушка). Слово возникло в городской речи. Словари литературного языка не фиксируют.

БОЛГАРЕЦ, *мн.* **БОЛГАРЦЫ**, *сущ.* Болгарин, *мн.* болгары. Словообразовательный локализм, по происхождению диалектный (см. Акчимский словарь), по наблюдениям, редко используется, в литературной среде городов Прикамья: *Есть румынцы, поляки, венгры. Немка – немец, поляк – полячка, болгарец – болгарка* (студ. III курса, 21 г., Оса); *Товарищи, сегодня состоится дружеская встреча с болгарцами. Приглашаются комсомольские руководители и молодые специалисты* (секр. Красновишерского РК ВЛКСМ, 26 л., запись 1983 г.).

БОЛЕ, *нареч.* Более, больше. Как констатируется в Академическом грамматике 1960 г., формы сравнительной степени на -Е были распространены в XIX веке и устарели. Этот процесс отражен в БАС: к слову *боле* словарь дает пометы *уст.* и *обл.* Однако рассматриваемые формы функционируют в речи пермских носителей литературного языка: *А сейчас это отделение совхоза «Вишерский». Председатель работает боле 18 лет* (агроном, высшее обр., Красновишерск); *Ну а боле ничего не скажу, потому что не знаю* (пенс., Березники); *Наложу мне в корзинку боле грибов* (юрист., жен., 44 г., Пермь). Фиксируется в поэтической речи: *И чего мне надо боле, если помнит обо всем, если светит чисто поле непрочитанным письмом...* (А. Гребнев. Первый снег).

БОЛОНЬ, *сущ., ж. р.* Толстая пленка у мяса. Слово с этим значением используется широко в городской речи: *Не мясо, а сплошная болонь* (экономист, 50 л., Пермь); *Это мясо на фарш не пойдёт – в нём*

одна болонь, посмотри-ка сам (учитель, жен., 22 г., Чернушка); *Знаю такое слово болонь. Но употребляю редко. Нет. Употребляю, употребляю* (препод. вуза, жен., 70 л., Пермь). Частота реализации этого существительного в значительной мере обусловливается тем, что литературный язык не имеет однословного обозначения реалии, весьма актуальной в быту всех горожан.

БОЛЬШИНСТВО, нареч. В большинстве случаев, обычно, часто. *Мы большинство порознь ходили в кино: вместе не удастся* (экономист, муж., 38 л., среднее, Кез); *Трудно с путевками, поэтому большинство мы ездим отдельно на курорт* (библиотекарь, жен., 42 г., ср./спец., Пермь). Семантический локализм относительно редко используется в городской речи, чаще в речи людей, имеющих среднее специальное образование. Редко фиксируется в диалектной речи. Отмечен Псковским и Смоленским областными словарями. Есть один случай использования этого слова в речи жительницы д. Акчим Анны Герасимовны Горшковой: *Окна-то из ковша пополошишь... окна, лавки, потом пол... Тряпкима большинство, теперича мало мочала.*

БОМБОШКА, суц., ж.р. Помпон, шарик на головном уборе или на тесемке шапки. Семантический локализм достаточно активно употребляется в речи жителей Прикамья: *Смотри, опять бомбошку сорвал!* (инженер, 53 г., Пермь); *Дай за бомбошку тебя подёргаю* (обращается к ребенку) (экономист, 50 л., Пермь); *У Яны есть красная шапка с бомбошками* (информант, 42 г., ср./спец., Пермь); *У неё шапочка из кролика и бомбошки на завязках из меха. Когда на голову завяжет – сама как зайчик* (учитель, 22 г., Чернушка).

БОРЗО, нареч. Быстро, скоро. *Борзо летит время* (студент-филолог, Пермь); *Вы не беспокойтесь, пожалуйста. Я очень быстро вернусь. Я борзо сбегаю* (инженер, Пермь). В уральских говорах, в том числе и пермских, не отмечено. Из словарей литературного языка подает это наречие только БАС в статье, посвященной прилагательному *борзый*, которое сопровождается пометой *уст.* Наречие показано с ударением на первом слоге: *бóрзо*. С ударением на втором слоге – *борзó* – приводится словарем ярославских и брянских говоров. Семантический локализм, генетически связанный с устаревшими явлениями литературного языка, сохранился в пермской городской речи. Используется в произведениях пермских писателей, например, у А. Колчанова «Старина оханская»: *Тут Иван борзо вскочил: «Выделите мне мой пай!»...*

БОРЫ. Сборки, складки. Это словообразовательно-семантический локализм. Он сопоставим с литературным существительным сборки, но отличается от него не только по словообразовательной модели (не имеет префикса и суффикса), но и по семантике, поскольку обозначает и сборки, и складки. Слово БОРЫ является ведущим словом большого

гнезда. В него входят существительные БОРИКИ, БОРОЧКИ, БОРКИ (уменьш.-ласк. произв. к боры), глагол БОРИТЬ – собирать в сборки, в складки; прилагательное БОРИСТЫЙ – собранный в сборки, складки, имеющий много сборок, складок. *Тебе с борами юбку надо? По-моему, прямая лучше* (учитель, 45 л., жен., п. Октябрьский); Юбка с бориками (секр.-машинистка, 30 л., Березники); *Сейчас в моду вошли рукава с борочками сверху, сильно боят* (филолог, пенс., Пермь); *Борки-то у твоей юбки какие славные!*; *Тогда бористые юбки не носили* (пенс., жен., 69 л., Чусовой); *А на Любочке бористая юбочка* (студентка-историк, Кунг. р-н). Все слова этого гнезда используются преимущественно в речи женщин. Но лишь половина информантов отнесла перечисленные слова к своему активному словарному запасу. Словарями литературного языка эти слова не отмечаются.

БРАТОВЬЯ, *сущ.*, только *мн.* В городской речи известно в двух значениях:

1. Братья. *Пришли все сватовья и братовья* (пенс., 63 г., высш., жен., Кунгур); *Мама братьев своих называет братовья*.

2. Люди, родные по крови. *Ну и братовья у тебя!* (жен., филолог, 21 г., Пермь); (пенс., 64 г., ср./спец., муж, Чусовой); *У меня полно братовьев и родных, и двоюродных* (учитель, 35 л., Пермь). Встречается преимущественно в речи женщин как со средним, так и с высшим образованием старше 40 лет; в речи учителей (в т.ч. филологов), инженеров, медицинских работников, среди которых есть пенсионеры. Широко распространено на территории Пермского края. Кроме того, фиксируется в новосиб. говорах. В БАС и МАС данных о слове нет, хотя оно встречается в художественной литературе: *Отец-мать есть, братовья, а боязливая растёт, тихая. А у нас с тобой нет защитника* (Н. Кинев. Слети к нам, тихий вечер, с. 27).

БРАТЬ (ВЗЯТЬ) ВО ВНИМАНИЕ. Обращать (обратить) внимание на что-либо, учесть что-либо. *Нельзя это во внимание не брать. Слишком часто он в ее кабинет заходит. И по делу, и без дела* (из выступления на собрании, Нытва); *Не забудьте взять во внимание, что у него это первый срыв. Он прежде всегда был дисциплинирован* (инженер, 48 л., муж., Оса). Фразеологизм отмечается и в диалектной пермской речи. В словаре К. Прокошевой он подан следующим образом: «БРАТЬ (ВЗЯТЬ) ВО ВНИМАНИЕ кого, что. Обращать внимание». Иллюстрируется примерами: «*По буханку-то придеешь, дак на тебя и не глядят, во внимание не берут. Видит, что баба деревенска, че он будет во внимание ее брат, он сидит, смеется только. Сейчас споем старинную жалобную. Если они во внимание возьмут, будет интересно*». В кодифицированной речи с аналогичной семантикой используются два фразеологических сочетания: *брать, взять на заметку; обратить внимание на что-либо*.

БРЕЗГОВИТЫЙ, прил. Брезгливый. *Очень уж брезговитый, даже до абсурда* (студ.-филолог, жен., 21 г., Пермь); *Я вот брезговитый. Брезгую, когда в пищу волос попадёт...* (пенс., муж., 64 г., ср./спец., Чусовой); *Из всех домашних Саша самый брезговитый* (пенс., жен., ср./спец., Кунгур). Словообразовательный локализм фиксируется в городской повседневной речи редко, в основном в речи людей со среднеспециальным образованием или старшего поколения. Отмечен как Словарем пермских говоров (*Шибко брезговитая*), так и Акчимским (*Не идёт ему эта пишиша - брезговитой*).

БРОДНИ, обыч., мн. Высокие сапоги (для охоты или рыбалки), сделанные на прямую колодку. *Знаю такое слово. Высокие сапоги. Но сама слово не употребляю* (филолог, жен., высш., Пермь); *Пришёл тут один и всё добивался, что это такое. А я ему сказал: бродни. А бродни – это шитые сапоги яловые, вывернутые. А они ещё подвязываются шнурками. Их шьют целиком, а потом выворачивают. Удобная вещь* (инженер, муж., 39 л., Нытва); *В броднях хорошо, на самую середину реки зашёл* (геолог, муж., высш., 49 л., Пермь). Реалия (а вместе с ней и слово) распространены на относительно ограниченной территории: в Архангельской области, Сибири, на Урале, в частности, в Пермском крае. Используется в художественной речи Прикамья.

БРЫЛАСТЫЙ, прил. С большими отвислыми губами, толстогубый (о человеке). *Вон он шагает брыластый* (инженер, 53 г., муж., Пермь). Отмечено в этом значении у Даля (без указания места), в пермских говорах (Словарь пермских говоров) и других говорах Урала (Словарь Среднего Урала). В городской речи представлено единственным употреблением.

БРЯКОТОК, сущ., м.р. Шум, стук. *Бегают, только брякоток стоит* (экономист, жен., 48 л., ср./спец., Березники). Словообразовательный локализм, достаточно широко известен в пермской городской среде, поскольку модификационная модель имя существительное с уменьшительным суффиксом *-оток* характерна и пермским говорам (Словарь пермских говоров). По экспериментальным данным, локализм характерен в основном для женщин.

БУДИ, част. в знач. вводного слова. В пермской городской речи используется в двух значениях:

1. По всей вероятности. *Дак он, буди, вчера приходил, когда нас дома не было* (математик, муж., высш., 45 л., Чусовой).

2. Пожалуй. *Да уж носи, буди, с белой шубой* (филолог, жен., 50 л., Пермь). Преимущественно в форме *бўде* отмечено СРНГ во многих говорах, в том числе и в пермских. Акчимский словарь, Словарь пермских говоров показывают многозначность слов *бўде* и *бўди* в говорах.

БУДЬ ТЫ (ОН, ОНА) НЕЛАДНОЙ (-ЫЙ), *экспр.* Восклицание, выражающее неудовольствие кем-либо, чем-либо. *Будь ты неладный! Опять ошиблась. А у меня штрих закончился. Придется перепечатывать страницу* (филолог, жен., высш., Пермь); *Будь ты неладной! Батарейки сели. Не слушаем сегодня ни одной передачи* (инженер, муж., высш., 58 л., Чусовой); *Ну кто такие вещи говорит вслух, будь ты неладна! Соображать надо!* (студент, филолог, жен., Березники); *Да будь ты неладна! Опять не прибралась в своей комнате!* (библиотекарь, жен., ср./спец., 35 л., Кунгур). Достаточно широко используется в речи горожан. Отмечено во Фразеологическом словаре пермских говоров.

БУСЕНЕЦ см. БУСИТЬ

БУСИТЬ *глагол, несов.в.* Моросить, идти (о мелком дожде). *Погляди, опять дождь бусит* (пенсионер, жен., 60 л., Частинский р-н); *Бусить – это когда мелкий дождь идёт* (воспитатель д/с, ср./спец., Кунгур); *Какой мелкий дождь! Так и бусит* (пенсионер, филолог, жен., 69 л., Чусовой). Употребляется преимущественно в речи лиц старшего поколения. Используется информантами, имеющими непосредственную связь с диалектами (см. Словарь пермских говоров, Акчимский словарь). В городской речи встречаются и производные этого собственно лексического локализма, например ЗАБУСИТЬ. *Дождь опять забусил* (учитель, жен., 27 л., Пермская обл.); *Дождик забусил* (агроном, жен., 26 л., п. Куеда). Достаточно употребителен и другой локализм того же корня -БУСЕНЕЦ- мелкий моросящий дождь. *На дворе бусенец, за грибами не пойдём, он надолго* (инженер, жен., 45 л., Пермь); *Бусенец сеет* (пенсионер, математик, 62 г., жен., Краснокамск).

БУСЫЙ, *прил.* Преимущественно серый (о кошке). *Бусая кошка* (филолог, жен., 68 л., Пермь); *Наш кот бусый, на нем грязи не видно* (филолог, жен., 19 л., Пермь); *Бусый котенок, как серенький клубочек, катался по полу* (юрист, жен., 44 г., Пермь). В пермских говорах слово используется с более широкой сочетаемостью существительных (белки бусые, шаль буса, кофта бусая и др.) и имеет несколько значений (Словарь пермских говоров, Акчимский словарь).

БЫЛ (-А, -И) ДА НЕТ. О том, кто убежал, скрылся. *Поздно, на улице темно, идти одной страшно. Да никуда не денешься. Я – бегом. Была да нет!* (секретарь-машинистка, жен., 28 л., Пермский р-н). Во Фразеологическом словаре пермских говоров приводится этот фразеологизм в таком же значении и иллюстрируется рядом примеров. Один из них: *Он нас напугал, а сам был да нет.*

ВЫШКА. Нежилая часть в верхней части дома; чердак. Семантический локализм. *В детстве – мы летом всегда на вышке*

спали (инструктор, высш., муж., 23 г., Лысьва); *Я только вышка говорю, хотя знаю, что чердак литературное* (филолог, высш., жен., 48 л., Пермь); *Мама, если будешь париться, сними с вышки веник* (монтажник, ср./спец., жен., 27 л., Кунгур); *Увидела только, когда на вышку полезла* (учитель начальных классов, жен., 29 л., Чайковский); *Вышка – это пространство между потолком и крышей* (техник, ср./спец., муж., 35 л., Добрянка); *На даче, на вышке у нас веники висят* (физик, высш., жен., 23 г., Пермь); *Всё наводнение на вышке просидел* (инженер-строитель, муж., Кунгур); *Как бы не упало бельё на вышке, надо поглядеть* (врач, высш., жен., 33 г., Пермь).

Слово *вышка* в общелитературном употреблении – ‘жилая пристройка на верху дома; мезонин’ [БАС], в пермской речи – ‘нежилая часть в верху дома, чердак’. В этом же значении слово отмечено в Опыте, где указана и территория его распространения – Вятская, Пермская, Олонецкая, Тобольская, Томская губернии. В Перми слово употребляется относительно широко. Правда, в речи используется не только слово *вышка*, но и *чердак*, однако не фиксируется заметного преобладания одного из них. У информантов из г. Красновишерска слово *вышка* оказывается более употребительным, чем *чердак*: *Чердак называют вышкой. Большие говорят – вышка* (юрист, муж., 43 г., Красновишерск); *И вообще чердаки зовут вышками. Здесь в первую очередь называют вышка* (старший инженер-техник, высш., жен., Красновишерск).

Слово *вышка* встретилось и в составе фразеологизма поговорочного типа **каждую шишку носил на вышку** со значением ‘собрать всё, хранить в памяти’.

ГАЛИТЬ, *глагол, несов., неперех.* Вести игру в прятки, быть в роли ведущего, искать спрятавшихся. Собственно лексический локализм относится к числу наиболее употребительных глаголов в пермской городской среде. *Ребята в прятки играли, так он у них почти весь вечер галил* (высш. технич., жен., 45 л., Пермь); *Галить – это значит искать спрятавшихся, когда в прятки играешь. Галить сложно, прятаться конечно, интересней* (учитель, ср./спец., жен., 20 л., Березники); *Тому, кто во время игры в прятки не отходил далеко, мы кричали: Кто на месте кашу варит, тот четыре раза галит* (преподаватель муз. школы, жен., 33 г., Пермь); *Детская считалка: Вышел месяц из тумана, Вынул ножик из кармана, Буду резать, буду бить, Все равно тебе галить.* Слово имеет и приставочное образование. Ср. *Вот недавно с твоей Еленой поиграли, погалили* (филолог, высш., жен., 38 л., Пермь). СРНГ отмечает данное слово как характерное для территории Пермской, Челябинской областей, Урала и Сибири. Собственно лексический локализм используется в речи гораздо чаще литературного синонима *водить* (примерно 2 человека на

100 информантов). При этом в городской речи отмечены особые номинации для ведущего игроу. Это либо *галево́й*: *Дети галевого выбирали* (библиотекарь, жен., 28 л., Кунгур); либо *галильщик, галяций*: *Галильщик хватает и бежит к месту старта* (инженер, высш., муж., 45 л., Красновишерск); *Это игра... один исполняет роль галящего* (высш. технич., муж., 38 л., Пермь).

└ **ГЛАЗА ДА ГЛАЗКИ (ГЛАЗОНЫКИ) (НУЖНЫ)**, *экспр.* Нужно, необходимо большое внимание, бдительность. *Ребёнок шустрый! За ним глаза да глазки нужны* (жен., Березники); *Работа воспитателя – дело нелёгкое. Необходимо большое внимание, всегда и во всем, нужна бдительность – глаза да глазки, как у нас говорят* (учитель, 28 л., Добрянский район); *За таким шалуном глаз да глазоньки нужны* (филолог, студ. 4 курса, с. Тойкино, Большесосновский р-н). В сибирских говорах отмечено сходное сочетание: *глаз да глазоньки* нужны. БАС подает без ограничительных помет с аналогичным значением *глаз, да глаз*, толкуя его как усилительное к *глаз* в значении наблюдение, присмотр и иллюстрируется цитатой из «Горя от ума» Грибоедова: *«Нужны глаз да глаз, не спи, покудова не скатишься со стула»*.

└ **ГУБА ТОЛЩЕ, БРЮХО ТОНЬШЕ**. Пословичное. Так говорят рассердившемуся человеку, который отказывается (отказался от еды).

Есть хотите?

Нет.

Нет? Вот и хорошо. Губа толще, брюхо тоньше (жен., учитель, 27 л., Куединский район).

В Словаре Прокошевой выражение не приводится. Оно отмечено в сибирских говорах (Словарь Бухаревой и Федорова). Фразеологизм зафиксирован в речи жителей Добрянского района, г. Березники, с. Тойкино, г. Перми, т.е. известен в пределах Пермской области.

ГУСТЕРНЯ́, *суц.* Экспр. Что-либо очень густое. *Суп сварила такую густерню – ложка стоит, не падает* (жен., 22 г., учитель рус. яз., Чернушка); *У Пашки волосы были одна густерня* (жен., 44 г., юрист, Пермь). Словообразовательный локализм, вероятно, городского происхождения. Ср. *гущина – разг.*, по Ожегову.

«Социолингвистический Глоссарий локализмов» будет словарем «адресной направленности» [Бельчиков, Солганик, 1997], отражающий «лексикографические интересы» различных групп потребителей словаря. И в первую очередь, пермских учителей и учеников, студентов и преподавателей, лиц, изучающих народный язык на продвинутых этапах обучения, писателей, артистов, журналистов и всех тех, кому дорого живое слово. В этом виде глоссарий локализмов может служить примером практической лексикографии для народа.

Список литературы с сокращениями

СлСРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка (в 17-ти томах). М.; Л., 1950-1965.

Бельчиков Н.А., Солганик Г.А. О лексикографических изданиях адресной направленности // Облик слова. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М., 1977.

Ерофеева Е.В. Экспериментальное исследование фонетики регионального варианта литературного языка. Пермь, 1997.

Ерофеева Т.И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979.

Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Локализмы в литературной речи горожан. Пермь, 2002.

Ларин Б.А. История русского языка и общего языкознания // Избранные работы. М., 1977.

Ожегов – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1984.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением императорской Академии Наук. Спб., 1852.

Оссовецкий И.А. Диалектная лексика в произведениях художественной литературы 50-60-х гг. // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971. С. 350.

Русский язык: энциклопедия / Гл. редактор Ф.П. Филин. М., 1979.

Словарь Бухаревой и Федорова – Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. / Сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров. Новосибирск, 1972.

Словарь Прокошевой – *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. Вып. 6. Л.-М., 1971.

Дискурс СМИ: речевое поведение журналиста и качество сообщения по оценкам горожан^{*}

И.Г. Овчинникова, Л.Л. Черепанова

Лингвосоциокультурное пространство современного города представляется нам как конгломерат дискурсов в различных общественных сферах: публичная речь горожан, некоторые жанры городского фольклора, «язык улицы» (реклама) и, разумеется, средства массовой информации. В каждом из дискурсов может реализоваться

^{*} Исследование поддержано РГНФ (№ 07-04-82402а/у)

определенный идиом русского языка. Разнообразие дискурсов обусловлено неоднородностью социального взаимодействия. Естественно, за каждым из дискурсов стоит особая ментальность. Организация дискурса предполагает адресата сообщения, разделяющего отраженную в дискурсе ментальность. Разумеется, образ адресата в сознании отправителя сообщения и реальная целевая аудитория отнюдь не всегда совпадают. На наш взгляд, специфика лингвосоциокультурного пространства современного города проявляется в мере несовпадения интенции отправителя сообщения и ожиданий читателей (слушателей), что обусловлено трансформацией норм речевого поведения [Леонтьев, 2003, 11]. В свою очередь, на основе речевого поведения автора сообщения (журналиста, телеведущего и т.п.) у читателей (слушателей) формируется образ журналиста, складываются стереотипы восприятия «человека в кадре». В современной лингвистике проблема формирования образа человека на основе его речевого поведения решается в рамках социолингвистического направления, исследующего language attitudes. Перевод термина language attitudes в как «отношение к языку» зафиксирован в учебном пособии [Вахтин, Головкин, 2004]. Под language attitudes подразумевают мгновенную оценку незнакомого человека по его речевому поведению и отождествление его с представителями определенного социума в соответствии с личными и культурными (социальными, этническими и др.) стереотипами реципиента; иначе говоря, «language attitudes» дает возможность воспринимающему мгновенно отнести говорящего к «своим» или «чужим» [Панова, 2007, 8]. На наш взгляд, language attitudes играет существенную роль в оценке профессионализма журналиста и формировании отношения к нему и его сообщению.

Попытаемся определить меру несовпадения интенции отправителя и ожиданий слушателей на материале дискурса региональных СМИ. Определим, насколько отношение к языку влияет на оценку профессионализма журналиста и качества его сообщения. Примем в качестве исходной гипотезы нашего исследования: авторы сообщений в СМИ неадекватно представляют ожидания аудитории, намеренно сближают общение в СМИ с бытовым общением, что вызывает раздражение у читателей, радиослушателей и телезрителей, которые низко оценивают профессионализм и качество материала.

Для проверки исходной гипотезы мы использовали метод анкетирования. Это стандартная методика анкетирования, распространенная в психо- и социолингвистике, которую мы адаптировали к нашему материалу [Вахтин, Головкин, 2003; Леонтьев, 2000]. Каждому респонденту было предложено посмотреть запись телепередачи регионального канала (беседа с пермским писателем-

фантастом Д. Скирюком). Приведем небольшой отрывок из стенограммы передачи (вопросы журналиста выделены жирным шрифтом):

«— Я даже знаю, что есть пермский клуб любителей фантастики, куда многие писатели-фантасты входят.

— Да, да, он называется «Солярис», и в общем-то мы туда входим наравне с фэнами, любителями фантастики, ну, и разными другими людьми околоромантического круга: художниками, критиками, киноведами.

— Чем занимается клуб?

— Популяризацией фантастики. Обществу способствует между любителями фантастики, служит своеобразным гидом.

— Есть, наверное, группа, которая собирается постоянно, дружит вместе?

— Да, да, это порядка двадцати человек постоянного состава и иногда приходящие люди.

— Пьете пиво и разговариваете о фантастике?

— Ну, пиво — по желанию, хотя, честно говоря, не употребляем, вот. Разговариваем о фантастике каждое, конечно, заседание, да.

— Жизнь нормального писателя. Мы его представляем как человека в очках, с кучей сигарет сидящего за компьютером или печатной машинкой, набирающего много, много, много текста. Вот.

— Есть и такие... есть и другие. Агата Кристи, насколько я помню, была домохозяйкой. Очков не носила, писала в ванной ... карандашом. Всякое бывает. Ну, я пишу на компьютере. До недавнего времени... сравнительно недавнего, писал на пишущей машинке... Ручкой не писал никогда. У меня очень плохой почерк. Я ... забываю начало фразы, прежде, чем допишу ее до конца...».

В приведенном отрывке заметны отступления от норм публичного общения (отсутствие обращения при вопросе к гостю), от речевых норм (*дружите вместе*).

Участники эксперимента заполняли анкету, в которой рекомендовалось оценить текст по следующим параметрам: общее впечатление, новизна, полнота раскрытия темы, профессионализм журналиста. Из вопросов анкеты намерено исключалось все, связанное с оценкой речи и коммуникативного поведения. Мы рассчитывали выявить отношение к языку через существенные, по мнению наших респондентов, речевые характеристики собеседников. При обработке результатов анкетирования из ответов, полученных от испытуемых, были выделены фрагменты, отвечающие по своему содержанию заданным параметрам. В случае, когда ответы по конкретному параметру давали не все испытуемые, за 100% принималось реально

полученное количество мнений (т.е. отказы не принимались во внимание).

Обсудим результаты анкетирования. По параметру **«оценка общего впечатления»** было получено двадцать шесть ответов (63%) с четко выраженной оценкой; треть испытуемых затруднились с формулировкой общей оценки. Это можно интерпретировать как расплывчатость общего впечатления, незаинтересованность в прослушанном материале. Явно выражена отрицательная оценка (81%), хотя пятая часть опрошенных склонна положительно оценивать впечатление от передачи, благодаря гостю программы писателю Д. Скирюку. Половина анкет содержит только эмоциональную оценку: *программа...не может увлечь; впечатление довольно неприятное; впечатление затянутости; передача меня оттолкнула ещё больше; спектакль одного актёра; в конце скучная; жалко писателя и слушателя; слушается с трудом; любителям фантастики и тем, кому за 60; мне понравилось.* Чуть менее часто в анкетах встречается и интеллектуальная оценка: *самое интересное; впечатление неинтересного человека; совершенно не заинтересовала; тема интересна любителям, остальным малопонятна; это была не беседа; программа ... получилась интересной.* Наконец, только трое из опрошенных отразили и эмоциональную, и интеллектуальную оценку передачи: *было скучно и неинтересно; диалог получился затянутым и не очень интересным; конец довольно-таки скучный, не могло заинтересовать.* Таким образом, большинство склонно оценивать интервью прежде всего эмоционально. Очевидно, для интеллектуальной оценки необходимы дополнительные стимулы (интересная для испытуемого тема, знакомый герой и т.п.). Вероятно, мы получили подтверждение тому, что интеллектуальная оценка продуцируется в случае эмоциональной выделенности материала, его значимости для реципиента [Солсо, 1995].

По параметру **«новизна»** менее двух третей (61%) слушателей смогли каким-то образом сформулировать новизну услышанного. Из двадцати пяти респондентов, сформулировавших свои ответы, семнадцать (68%) указали, что новая для них информация присутствует: *о писателе, как он стал фантастом, в Перми много женщин-писателей; о писателях-фантастах, литературе этого жанра; о развитии жанра фэнтези в Перми, о пермских писателях и их псевдонимах; о современной фантастике на примере пермского автора; территория Перми уникальна, мистична, поэтому много писателей-фантастов; о проблемах литературы вообще; о разграничении понятий «фэнтези» и «научная фантастика»; о будущем, о творении мира, о похождениях.*

Восемь испытуемых (32%) отметили, что чего-либо нового в прослушанном материале они не обнаружили: *не было чего-то нового и неожиданного; много общих мест; беседа дала мало информации* и т.п.

Итак, в целом слушатели обнаружили новую информацию: у наших испытуемых проявилась обычная для речевой коммуникации установка на восприятие нового, актуального. Правда, новое обычно респонденты оценивают как несущественное; новизна непропорционально мала по отношению к общему объему передачи.

По параметру **«полнота»** ответы сформулировали тридцать (73%) испытуемых. Очевидно, оценить этот параметр проще, чем сформулировать новизну текста или описать общее впечатление. Большинство опрошенных (67%) указали, что тема раскрыта неполно: *малоинформативно; тема раскрыта недостаточно; информация очень скудная, мало информации о фантастике; говорили обо всём, расплывается смысл; несколько раз повторялось одно и то же; нет ответов на интересующие слушателей вопросы, автор не раскрылся; всё свелось к перечислению имён и рекламе клуба фантастов*. Шестеро респондентов (20%) сочли тему не раскрытой совсем. Наконец, четверо перечислили основные темы, но не указали меру полноты их обсуждения в передаче: *подняты темы о писателях-фантастах, детство писателя, клуб любителя фантастики, о псевдонимах, о новой книге Скирюка; о писателях-фантастах и клубе любителей фантастики; рассказывалось о книгах, авторах, предсказаниях фантастики*.

На исчерпанность темы не указал ни один человек.

Оценку по параметру **«профессионализм журналиста»** дали тридцать девять человек, т.е. 95% испытуемых. Заметим, что это наиболее полно раскрытый параметр анкеты. Все оценивают журналиста отрицательно, но по-разному аргументируют свою оценку. Девять респондентов (23%) оценили поведение журналиста максимально жестко: *бестактно; некомпетентность; поведение было хамским, низкий профессионализм; очень груб; вел себя ужасно; нетактично*. Пятеро (12,8%) дали более сдержанную оценку: *оставляет желать лучшего; не очень профессиональный; не совсем корректен*. Наконец, двадцать пять человек (64,1%) назвали позицию журналиста доминирующей: *доминирует, довлеет, подавляет, не дал раскрыться писателю*; при этом аргументация, которая сопровождает сформулированную таким образом оценку, позволяет выявить негативное отношение.

Отрицательную оценку профессионализма журналиста испытуемые аргументируют тремя положениями.

Во-первых, отмечают отступления от норм этики: *пренебрегает этическими нормами, ведет себя неэтично; неэтичность; не соблюдал*

правил этикета; пытался выглядеть лучше собеседника; некультурный человек.

Во-вторых, обращают внимание на недостатки в речевом и коммуникативном поведении: *экспрессивная речь, пренебрегает речевыми нормами; безграмотен; стереотипная речь; не соблюдает нормы речевого этикета; шаблоны; фамильярность, хамство; оценочность; не очень вежливо разговаривает; нездоровая ирония; перебивает; речевые ошибки; вопросы повторялись; неточности; неуместно шутил, неадекватный стеб; нарушал ход рассказа; вопросы не по существу, реплики не по теме; пытался дополнить ответ, пытался ограничить круг вопросов; однообразные вопросы; грубые комментарии; напористый тон; преобладает оценочный комментарий; остроумен, развязен; останавливал мысль автора, неправильно комментировал.*

В-третьих, замечают нарушения журналистской этики и просчеты в профессиональных приемах ведения беседы: *недостает эрудиции; не владеет темой; не совсем владеет информацией; неподготовленность; не заинтересован, упрощает; не любит фантастику; безразличный и далекий от фантастики; пытался навязать свое мнение; эгоистичен; маска шоу-журналиста; работает на массового зрителя; не заботится об интересах зрителей; превосходство, самоуверенность, наглость; агрессивен, авторитарен, не давал развернуться.*

Характеристика поведения журналиста раскрывает причины отрицательной оценки его профессионализма и показывает, что испытуемые не обнаруживают в ходе диалога социально приемлемого коммуникативного поведения и реагируют на нарушение правил речевого жанра беседа. Иначе говоря, журналист не оправдывает ожидания слушателей, не соответствует их представлению о нормах публичного общения.

Подведем итоги анализа анкет.

1. Заданные параметры раскрыты не равноценно. Наиболее простыми для испытуемых оказались «профессионализм журналиста» (95%) и «полнота» (73%), более сложными – «общее впечатление» (63%) и «новизна» (61%). По-видимому, сравнительная легкость оценки полноты обусловлена объективной неполнотой раскрытия темы передачи, в то время как оценка новизны связана с включением воспринятой информации в когнитивное пространство реципиента и установлением неизвестного; т.е. новизну можно оценить исходя из субъективного когнитивного опыта. Разумеется, для разных слушателей неизвестными оказались различные факты; эксклюзивная информация материала связана в основном с частностями: псевдонимом героя и деятельностью клуба любителей фантастики. Респондентам было сложнее формулировать свое мнение относительно

менее жестких параметров, подразумевающих личностную оценку материала по размытым критериям.

2. В целом респонденты проявили согласованность в оценке материала. Подавляющее большинство опрошенных оценивает текст как неинтересный, малоинформативный, неполно раскрывающий тему, а поведение журналиста как непрофессиональное и незачинное. Отступления от общей тенденции малочисленны и касаются частностей. Полученные результаты свидетельствуют о довольно высоких требованиях слушателей к аудиоматериалу (к радио- и телепередачам).

3. Речевое поведение журналиста играет решающую роль в формировании отношения к нему и сообщению в целом. Речевая культура рассматривается не только как соблюдение литературных норм, но и как умение выбирать регистр общения в соответствии с требованиями коммуникативной ситуации. Насколько мы можем судить, речевую культуру телезрители полагают в качестве одного из компонентов профессионализма журналиста. Респонденты оценили ведущего как *некультурного человека*, использующего *маску шоу-журналиста*. Мы можем интерпретировать такую оценку как включение ведущего передачи в категорию *шоу-журналист*, принадлежность к которой не предполагает статус *культурного человека*. Очевидно, ведущего участники опроса не считают «своим», что приводит к негативному впечатлению от сообщения в целом.

В результате исследования наша исходная гипотеза в целом подтвердилась. Отступление от норм коммуникативного поведения телезрители склонны трактовать как свидетельство непрофессионализма журналиста. Неполнота раскрытия темы также рассматривается как результат непрофессионального поведения. Несоблюдение ведущим этических норм и отступление от канонов речевого жанра беседа респонденты полагают оскорбительным для гостя передачи и неуважительным по отношению к телезрителям. Подтверждается высказанное Т.М. Николаевой мнение о том, что СМИ ориентируются на безликую массу респондентов [Николаева, 2000, 124].

В лингвосоциокультурном пространстве современного города дискурс СМИ отчасти отражает ментальность, характерную для массовой культуры, что не соответствует ожиданиям целевой аудитории.

Список литературы

Вахтин Н.Б., Головки Е.А. Социоллингвистика и социология языка. СПб.: ГУ 2003.

Леонтьев А.А. Деятельность СМИ в системе процессов общения/А.А. Леонтьев // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 66-88.

Николаева Т.М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция /Т.М. Николаева//Язык как средство трансляции культуры. – Москва, 2000. – С. 112-132.

Панова Е.А. Иноэтничный ученик в петербургской школе: социолингвистический аспект: АКД, Спб., 2007.

Солсо Р.Я. Когнитивная психология / Р.Я. Солсо. – М.: Тривола, 1996.

Русские термины родства в современном коми-пермяцком языке

Л.В. Кривощёкова, А.С. Лобанова

У коми-пермяков, как и у любого другого народа, каждой ячейке общества отводится определенная роль, которая в течение жизни сменяется другой.

Собственно термины родства обозначают кровнородственные отношения людей: между родителями и детьми, предками и потомками, имеющими общих родителей и общего предка. В родстве по прямой линии стоят родители и дети, то есть прямые потомки и их предки. Родство по боковой линии образуют лица, находящиеся в кровном родстве через общего предка (братья и сестры, дядя, тетки и племянники). Различают родство по восходящей линии от потомка к предку (сын, отец, дед, прадед) и по нисходящей – от предка к потомку (отец, сын, внук) и по матери и по отцу.

Термины родства коми-пермяцкого языка как особая этнолингвистическая, тематическая группа слов до настоящего времени не была предметом специального исследования. Вариативность терминов, их функционально-семантические особенности, отражение взаимовлияния коми-пермяцкого и русского языков на примере данной тематической группы, структурные особенности, способы образования терминов родства и многие другие вопросы могли бы стать самостоятельными исследовательскими темами.

Сложная иерархия в многочисленных коми-пермяцких семьях, когда зачастую под одной крышей проживало до трёх-четырёх поколений, требовала особых форм поведения от каждого члена семьи. В нашей статье «Термины родства как средство выражения

вокативности в коми-пермяцком языке» [Наши достижения и перспективы, 2005] мы показали картину функционирования терминов родства в качестве обращений. Оказалось, что далеко не каждый термин может выступать в этой функции, напр.: *ань* ‘свекровь’, *йбзай* ‘свекор’ и, наоборот, часть уменьшительно-ласкательных слов, относящихся по семантике к родственным терминам, в языке реализуется только через вокативы, напр.: *белеюшко, утуок*.

Сегодня многие семейные традиции перестали быть обязательными, что явилось одной из причин ухода в прошлое терминов родства.

В представленной статье мы сочли необходимым осветить ситуации, касающиеся особенностей функционирования русских терминов родства в коми-пермяцком языке и показать картину их обратного влияния на примере русских говоров Коми-Пермяцкого округа.

Известно, что контакты коми-пермяков с русскими установились на рубеже XI–XII вв. и с тех пор не прерывались. Постоянное длительное соседство не могло не отразиться на языке обоих народов. Практически любая тематическая группа языка коми-пермяков почувствовала это влияние. Собранный и проанализированный материал позволяет утверждать, что иноязычные термины родства, попав в коми-пермяцкий язык, ведут себя далеко не однозначно. Можно выделить несколько аспектов их функционирования: активное вытеснение русскими терминами исходных вариантов; заполнение вакуума, имеющего место в системе терминов родства в коми-пермяцком языке; образование лексической вариативности-синонимичности иноязычными вариантами; функционирование с измененной семантикой русских терминов родства. Попытаемся рассмотреть эти аспекты более подробно.

Сегодня нет секрета в том, что влияние русского языка на язык коми-пермяков довольно значительно, в отдельных случаях (например, в употреблении числительных) оно почти драматично. Русские заимствования в значительных количествах зафиксированы в самых ранних сохранившихся письменных памятниках коми-пермяцкого языка 18-ого века.

В имеющейся в нашем распоряжении работе 1780 года издания И. Лепехина «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства» т. 3 [Лепехин, 1771, 197] автор приводит пятьдесят слов с переводом на русский язык. Среди зафиксированных лексем есть термины, указывающие на родство: *мам* ‘мать’, *баба* ‘бабка’, *дядь* ‘дядя’. Следует признать, что и сегодня они входят в общеупотребительный словарный фонд коми-пермяцкого языка.

Подобная картина, когда приводятся наряду с исконными вариантами и заимствованные, характерна и для других сохранившихся работ.

Относительно случаев, когда исконный вариант уступает иноязычному, следует сказать, что их немного, но они есть. В качестве примера можно привести следующие термины, практически полностью заменённые сегодня русскими вариантами: *пӧч* ‘бабушка’, *пӧрись ай* ‘дед’ (досл. ‘старый отец’), *сёр ай* ‘отчим’ (досл. ‘поздний отец’), *аяныв* ‘золовка’ (компонент *ая* от *ай* ‘отец’, *ныв* ‘дочь, девушка’), *ичипиян* ‘шурин’ и др. Среди этих лексем можно выделить две подгруппы: исконные термины, зафиксированные только в некоторых письменных памятниках коми-пермяцкого языка или функционирующие сегодня в близкородственных языках, а в современных условиях знающие только русский вариант: *пӧч* ‘бабушка’, *пӧрись ай* ‘дед’, *сёр ай* ‘отчим’ – и термины родства, ещё встречающиеся в отдельных современных говорах или в речи пожилых людей, но в большинстве своем для языка характерен уже русский вариант: *аяныв* ‘золовка’, *ичипиян* ‘шурин’.

Далее рассмотрим ряд терминов, русских по своему происхождению, активных в современной речи коми-пермяков, но не имеющих (до сих пор не зафиксированных в письменных источниках) вариантов на коми-пермяцком языке. Так, не зафиксировано к настоящему моменту исконных коми-пермяцких вариантов у таких лексем, как *мама*, *племянник*, *племянница*, *тесть*, *тёща*, *зять*, *своаяк*, *своаянка* и другие. Почему в языке не сформировалось то или иное понятие или оно было утеряно в ходе исторического развития? Мы склонны считать, что многие термины родства, действительно, могли существовать в языке в прошлом (на это указывают и данные родственных языков), а часть понятий могла передаваться аналитическим способом. В Пермьско-русском и русско-пермяцком словаре Н. Рогова (1869), как в наиболее полном лексикографическом труде 19-ого столетия, многие перечисленные выше термины при переводе на язык пермяков приведены описательным способом: *племянникъ, с. вонвӧн зон, вонлӧн зон ю; с. сојвӧн зон, сојлӧн зон ю*. [Рогов, 1896, 323]. Согласно данному словарю коми-пермяки в описываемый период семантику термина племянник передавали сочетаниями *вонвӧн зон* ‘сын брата’ и *сојвӧн зон* ‘сын сестры’, что вполне правдоподобно и допустимо. То есть уже имеющиеся в языке понятия, которые могли передать необходимое значение, должны были реализовывать свои возможности. С одной стороны, в языке не было большой необходимости в образовании нового слова. С другой стороны, интересно то, что для многих понятий, более сложных по своему семантическому признаку, в языке сформировались самостоятельные слова (*аяныв* ‘золовка’, *ичипиян* ‘шурин’, *вежай*

‘крестный’, **кенак** ‘жена брата’ и др.), а для выражений, более частых по применению, менее сложных в плане своего значения, язык не выработал отдельного слова. Так в языке образовалось два понятия **монь** «жена сына» и **кенак** «жена брата». В русском языке, как известно, существует одна лексема *невестка*, которая совмещает оба эти значения. Нельзя сказать, что лексемы **мама**, **племянник**, **племянница**, **тесть**, **тёща**, **зять**, **свояк**, **свояченица** (*своянка*) сегодня воспринимаются носителями коми-пермяцкого языка в качестве исконных вариантов, но и описательный метод для них не характерен. Исключение составляют, пожалуй, только **свояк** и **своянка**. Однако эти термины и в русском языке не часто встречаются, их значение передается, как правило, аналитическим способом: *Василий, муж жениной сестры, мне очень помог в этом деле*. В данном случае вместо выражения *муж жениной сестры* следовало употребить термин *свояк*, значение которого, к сожалению, знают не все носители русского языка.

Активно функционирующая русская речь сопутствовала появлению и развитию в исследуемом языке и такого явления, как лексически полные синонимы терминов родства, когда параллельно употребляются исконный и заимствованный варианты, напр.: **монь** и *невестка* ‘невестка’, **вежань** и **крестница** ‘крестница’. К данной группе слов мы хотели бы отнести пару **вежань** и **кока** ‘крестная’. Вариант **кока** в приведенном значении довольно часто встречается в русских говорах Прикамья, однако, нет уверенности в его происхождении. Синонимичные пары **ань** и **матика** (< рус. *матушка*) ‘свекровь’, **йӧзай** и **батико** (< рус. *батюшко*) являются самыми употребительными в коми-пермяцком языке. Можно предположить, что в данных конкретных случаях произошло некоторое семантическое изменение русских слов. Одновременное использование двух вариантов, видимо, будет практиковаться и в будущем. К сожалению, надо полагать, что иноязычное слово со временем может полностью вытеснить коми-пермяцкую лексему.

Незначительную группу слов составляют русские термины родства, функционирующие сегодня в языке коми-пермяков с несколько измененной семантикой. Явления сужения или, наоборот, расширения семантики при заимствовании отдельных лексем, надо признать, довольно частые. Так русское слово **мужик** в современном коми-пермяцком языке употребляется в двух значениях: ‘мужчина’ и ‘муж’. *Мужиккез понда удж адзисис вӧрын* (Для мужчин работа нашлась в лесу). *Мужикӧ абу гортын* (Моего мужа нет дома). Надо признать, что эти семантики характерны и для самих носителей русского языка. Более необычным является семантика слова **жӧник** (< рус. жених). В южном наречии коми-пермяцкого языка это слово

употребляется в значении 'муж': *Жõникõкõт двацетъ (лит. двадцать) лет ни овам (лит. олам)* (Мы с моим мужем уже двадцать лет живем); *Жõник сайõ петны эн тэрмась* (Не торопись выходить замуж). В обычных своих семантических функциях данная лексема практически не употребляется. Её заменяют варианты *кавалер, зонка* 'парень' и т.д. Диалектные данные подтверждают, что в языке есть (в прошлом, скорей всего, имела более широкое распространение) исконная лексема *айка* 'муж', которая сохранилась только в сочетаниях *айка сайын* 'замужем' и *айка сайõ* 'замуж'.

С изданием в 2006 году «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа» (авторский коллектив: Н.Ю. Копытов, И.А. Подюков, А.В. Черных), появилась возможность демонстрации, анализа степени влияния коми-пермяцкого языка на русский. В данной лексикографической работе отражена речь носителей русского языка, проживающих на территории КПО. «Настоящий Словарь ориентируется не только на описание лексико-фразеологического состава исследуемых говоров, но и на выявление следов межъязыкового и межкультурного взаимодействия русских и коми-пермяков... Основой для словаря стали результаты проведенных в 2006 году полевых обследований русских поселений в Кудымкарском, Косинском, Гайнском, Юсьвинском, Юрлинском районах...» [Н.Ю. Копытов, И.А. Подюков, А.В. Черных, 2006, 6].

Из всех словарных статей, семантика которых связана с терминами родства, нас заинтересовали следующие:

- *вежай* «крестный отец» (*Дружки у него, у жениха-то, и вежай*), с. 59;

- *вежань, вежанька, вежанья, вежаня* «крестная мать» (*Вежань придет, надо её встретить, крестну-ту. Вежанька подарок дарит крестнице. Когда высватали, мать изладила на стол, и тутока тётка приходит, вежаня. За стол сели, тогда по рюмочке выпили. Вежанья у меня приходила на свадьбу.*), с. 59;

- *везанька* 'крестная мать'; то же что вежанька. (*Меня крестили дак велели крестну везанькой звать.*), с. 59;

- *пи...дённыш* 'маленький ребенок' (*Меня маленького такого пи...дённыша водили к людям.*), с. 183;

Вежай 'крестный отец', *вежань* 'крестная мать', *пи* 'дитеныш' – термины исконного происхождения, нашедшие свое функционирование в русских говорах Коми-Пермяцкого округа.

Таким образом, освоение и использование коми-пермяками русских терминов родства идет неравномерно. Часть исконных вариантов ни разу не встречалась, не фиксировалась в языке коми-пермяков в русском варианте, т.е. определенное количество терминов является довольно устойчивым к процессам заимствования (*сой*

‘сестра’, *вон* ‘брат’, *нив* ‘дочь’, *зон* ‘сын’). Противоположный процесс также затронул данную тематическую группу, сегодня некоторые лексемы полностью заменены вариантами из соседнего языка. Поскольку процессы контактирования двух народов продолжаются, неизбежны варианты употребления в речи коми-пермяков и исконных лексем, и заимствованных терминов.

Список литературы

Копытов Н.Ю. Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / авт. коллектив: Н.Ю. Копытов, И.А. Подюков, А.В. Черных. – Пермь, 2006. – 272с.

КПРС – *Баталова Р.М., Кривощекова-Гантман А.С.* Коми-пермяцко - русский словарь / Р.М. Баталова, А.С. Кривощеова-Гантман. – М.: Рус. яз., 1985.

КЭСКЯ – *Лыткин В.И., Гуляев Г.С.* Краткий этимологический словарь коми языка / В.И. Лыткин, Г.С. Гуляев. – Сыктывкар, 1999.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства / И.И. Лепёхин. - М., 1771.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990.

Рогов Н.А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь / Н.А. Рогов. - СПб., 1869.

ОНОМАСТИКА ПЕРМСКОГО КРАЯ

Топонимы *Кама* и *Волга* в русском фольклоре Пермского края

О.В. Гордеева

В фольклоре запечатлены жизненный опыт народа, народное мировосприятие, народное мировоззрение. Представления людей о пространстве как части мира отражаются и в географических названиях. Не каждое географическое название попадает в фольклорный текст. Не каждый фольклорный текст содержит топоним.

Материалом исследования стали топонимы, функционирующие в фольклоре Прикамья. Источником материала послужили полевые записи, сделанные студентами и преподавателями Пермского государственного университета в разных районах Пермской области во 2-й половине XX века. В фольклорном архиве ПГУ собрано более 900 тетрадей, архив постоянно пополняется.

В фольклорных текстах употребляются те географические названия, которые актуальны для информантов. Если топоним не актуален, не понятен и т.п., он может быть заменен «своим» понятным топонимом или нарицательным словом. Например, вместо «*маньчжурские* края» поют «*сибирские* края», «*уральские* края», «*далёкие* края», вместо «в *Дунай*-речку побросал» – «в буйну речку побросал» и т.п.

Выяснилось, что в фольклорных текстах Прикамья упоминается более 2000 топонимов. Почти 70 % – географические названия Пермского края, известные жителям данного региона (далее – пермские), 30% – географические названия России и мира, известные всем жителям нашей страны (далее – общеизвестные).

Были выделены 3 группы, отражающие разную частотность употребления топонимов в текстах. В первую группу вошли географические названия, встречающиеся менее, чем в 10 текстах. Большинство исследованных названий оказалось именно в этой группе топонимов, известных небольшому кругу лиц и распространенных на небольшой территории. Ко второй группе относится около 100 названий, которые упоминались в 10-50 текстах. В третью группу вошли 16 топонимов, достаточно широко представленных в фольклорных текстах – от 50 и больше.

Сразу отметим, что на частотность оказывают влияние разные факторы: распространенность того или иного текста (например, *маньчжурские* края упоминаются только в известной песне «Скакал казак через долину»); количество экспедиций в тот или иной район

области; навыки, умения и ответственность собирателей фольклора; особенности сбора фольклора (так, например, несказочная проза стала появляться в тетрадах с 80-х годов XX века, армейскому и студенческому фольклору внимание стали уделять только в конце XX века) и т.д. Таким образом, цифровые данные являются относительными, могут в дальнейшем уточняться. Однако анализ уже имеющихся данных позволяет сделать интересные наблюдения.

У жителей разных регионов страны актуальными будут разные названия. Какие топонимы актуальны у жителей Пермского края?

Из пермских топонимов чаще всего в фольклорных текстах встречаются названия *Пермь* (около 90), *Чердынь* (около 60) и *Кама* (более 230).

Среди общеизвестных из российских названий в фольклоре чаще других появляются названия *Урал* (около 120), *Сибирь* (более 130), *Казань* (более 150), *Волга* (около 230), *Москва* (более 280); из мировых – *маньчжурские края* (в разных вариантах название встречается почти в 70 текстах), *Германия* (около 75), *Дунай* (более 100).

Причину частого упоминания данных топонимов в русском фольклоре Прикамья можно объяснить следующим образом: есть своя территория со своей главной рекой (*Кама*), своим современным административным центром (*Пермь*), старым центром Перми Великой (*Чердынь*); есть более крупная территория, частью которой является Прикамье (*Урал*; ср.: Пермский край называют Западным Уралом); есть огромная соседняя территория, на которую переселенцы шли через Урал (*Сибирь*); есть другая соседняя территория, по которой тоже бежит река Кама (центр этой территории – *Казань*) (ср.: в дореволюционной Перми были Сибирская застава на пути в Сибирь и Казанская – на пути в Казань); Пермский край – это только часть России, а для России главные названия – это названия главной реки для каждого русского человека (*Волга*) и главного города (*Москва*). Упоминаются в фольклоре Прикамья главная в прошлом река всех славян (*Дунай*), соседняя страна на западе, с которой постоянно воевали (*Германия*), далекие земли на востоке (*маньчжурские края*). Эти названия – опорные точки для описания географического пространства жителей Пермского края по данным топонимии, функционирующей в фольклорных текстах.

Отметим, что самыми употребительными являются названия *Москва*, *Волга* и *Кама*. Остановимся на гидронимах *Волга* и *Кама*. Для жителей Прикамья эти названия связанные, т.к. Кама – крупный приток Волги, настолько крупный, что пермяки иногда шутят, что это Волга – приток Камы, что Кама, а не Волга впадает в Каспийское море.

Количественные показатели функционирования топонимов *Кама* и *Волга* в фольклорных текстах почти одинаковые (приблизительно по

230 текстов). Отличия обнаруживаются при анализе функционирования топонимов в разных жанрах. Топоним **Кама** чаще всего упоминается в частушках, а **Волга** – в различных песнях.

Самая распространенная частушка с топонимом Кама – частушка *Хорошо на Каме жить, / Ходят пароходики. // Незаметно пролетают / Молодые годики* (тетр. 110, № 27; тетр. 137, № 29; тетр. 448, № 13; тетр. 575, № 8 и т.д.). Реже частушка встречается в другом варианте со словами *Хорошо на Волге жить...* (тетр. 522, № 264).

Содержание частушек традиционное. В них поется о любви счастливой, о свиданиях: *Через Каму ветер дует, / Через Каму подуват, // Через Каму милый ходит: / Ему Кама не мешает* (тетр. 129, № 16), *Косила-покосила / Литовку в Каму бросила, // Лопаточку под ёлочку, / Сама пошла к милёночку* (тетр. 248, № 64), *Через Каму, Каму, Каму / Через Каму, Камушку // Платочком махала / Дорогому Санушку* (тетр. 128, № 125) и т.п. Многие частушки повествуют о любовных страданиях, связанных с разлукой, прощаньем, уходом на войну: *Эх, я на Камушку-реку / Ходила, умывалась, // Скоро две недели будет, / с милым не видалась* (тетр. 377, № 69), *Пароход идёт по Каме / Утречком ранёшенько. // Соловей поёт разлуку – / Сердцу тяжелёшенько* (тетр. 62, № 33), *Мы по Каме ехали / Кисточки ореховы. // До свиданья, девочки, / Воевать поехали* (тетр. 237, № 84). Есть частушки о несчастной любви, несчастной жизни: *Через Каму я не ехала – / Воды боялась. // Переехала, подумала: / За кем гонялась?* (тетр. 129, № 16), *Я у Камушки стояла, / У воды просилась: // Пусти, Камушка, напиться, / Я бы утопилась.* (тетр. 182, № 88).

Герои частушек сравнивают свои чувства с Камой: *Ты тогда меня забудешь / И спокойно будешь жить, // Когда Кама пересохнет, / И вода не побежит* (тетр. 4-5, с.23-24), *Меня милый не хранит – / Нечего заботиться. // Если он мне изменит – / Кама поворотится* (тетр. 525, № 220).

В частушках даются советы: *Не ходите, девки, замуж / Не за милого дружка.// Лучшие в Каме утопиться / Со крутого бережка* (тетр. 7-6, с.73), *Пароход идёт по Каме, / Дудки дуют в берега. // Не любите тех девчонок, / Кои ездят в города* (тетр. 340а, № 27) и др.

Особую подгруппу образуют частушки, в которых хвалят своих, свою жизнь, дразнят соседей: *Наша Камушка-река, / Да Вишера не хуже. // Чем чужих ребят любить – / У нас свои не хуже* (тетр. 377, № 97), *Пароход идёт по Каме / С новыми колёсами. // Сидит Ваня на диване / С новыми галошами* (тетр. 63, № 50), *Эх, Кама-река, / Широка, как море. // Весело живём мы в клубе / И не знаем горя* (тетр. 500, № 76), *Пароход идёт по Каме, / С вилами, лопатами. // У меркушинских-то ребят / Сапоги с заплатами* (тетр. 251, №344) и др.

Встречаются частушки юмористические, частушки-нескладушки: *Пароход идёт по Каме, / И гудочки подаёт. // Капитан сидит в каюте, / Тоже семечки грызёт* (тетр. 611, № 98), *Как по Каме по реке / Плыла корова в пижаде. // А кому какое дело, / Это песня про любовь* (тетр. 342, № 78) и др.

Топоним **Волга** встречается в аналогичных частушках: *Волга-реченька глубока, / Я лучинкой смеряю. // Мой-от милый недалеко – / Вечерочком сбегая* (тетр. 184-1, №107); *Волга долга, Волга долга, / Не выдать у Волги край.// Если кажется далёко – / Не ходи, не провожай* (тетр. 371, № 62) и др.

Названия **Кама** и **Волга** легко могут заменяться одно на другое, но чаще в частушках Прикамья встречается топоним **Кама**.

В песнях такая замена не всегда возможна, т.к. известно, что «из песни слова не выкинешь». Чаще всего топоним *Волга* встречается в песне «*Меж крутых бережков Волга-речка течёт...*». На втором месте – песня «*Вниз по матушке по Волге, по широкому раздолью...*». Информанты говорят о том, что эту песню исполняли и во время игры «Разбойничья шайка» («В есаула и атамана») в святки на игрище (тетр. 167, № 133, тетр. 375, № 71 и др.). Есть записи о том, что эту песню называли песней про Ермака (тетр. 364, № 196), хотя обычно песни про Волгу связывают с именем Степана Разина.

В Пермском крае можно услышать песни «*Сею-вею лебеду на берегу возле матушку Волгу-реку*», «*Вот мчится тройка почтовая по Волге-матушке зимой...*», «*Есть на Волге утес...*», «*Ах ты, степь широкая...*», «*Из-за острова на стрежень...*», «*Из страны-страны далекой, с Волги-матушки широкой...*», «*Вниз по Волге-реке ... снаряжался стужок...*», «*Разлилась Волга широко...*», «*Если Волга разольется...*» и др. Среди этих общеизвестных песен есть авторские, ставшие народными.

Топоним **Кама** мог употребляться вместо топонима **Волга** в песнях: *Меж крутых бережков / Кама-речка течёт, / По её по волнам / Легкий батик плывёт...*(тетр. 119, № 20), *Разлилась Кама широко, / Милый мой теперь далёко...* (тетр. 186, № 112), *Потеряла я колечко, / Потеряла я любовь...// Посажу малютку в лодку, / дам у рученьки весло. / Поплывёт сынок далёко, / Вдоль по Каме по реке. / Он отыщет мне милого, / Привезёт его ко мне* (тетр. 234, № 21) и др.

Топоним **Волга** упоминается в свадебных песнях: *Как над Волгой шатёр стоит...* (тетр. 142, № 78), *Уж ты, Волга-река широка ... // Залилась Волга-матушка ко Марие на широкий двор...* (тетр. 145, № 33), *Через матушку Волгу-реку / То-то мостики мощёные, / Переклады рябиновые / То-то пели, прошли сватовщики...* (тетр. 374, № 139) и др.

Топоним **Кама** также употребляется в свадебных песнях: *Вниз по Камушке / Вниз по матушке / Пловёт утица, / Пловёт серая...*(тетр. 8,

с. 6), *Как по винною по сахарной реке, / Что по Каме разливается, / Тут бежит, плывёт судёнышко ново, / На судёнышке хозяин молодой... / «Мы пришли-те к вам не в шахматы играть».* (тетр. 137, №118), *Мимо нашей славной Бондюги / Протекала Кама-матушка // Как по нашей Каме-матушке / невеликое судёнышко плывёт. // Во судёнышке немного людей / По расчёту только семь человек, // Что восьмой – душа кормицк, / А девятый – водолив воду льёт, // А десятый – удалой молодец (имя жениха)...* (тетр. 370, № 14) и др. Свадебные песни могли потерять связь со свадебным обрядом. О некоторых песнях информанты говорили, что это хороводные, игровые, шуточные: *Что на острове, на Каме / Стоят трое ворота, / Трое точены – позолочены. // Как во первы ворота / Проезжали сватовья, // Во вторые, широки, / Вовъезжали женихи. // А во третьи, узки / Провозили сундуки...* (тетр. 189, №15 и др.).

Гидронимы **Кама** и **Волга** отмечаются в песнях, созданных в советское время: *Ой ты, Кама, Кама-реченька, / Ой, река ли ты красавица... // Но пришло, пришло к нам времечко, / Взойшло солнышко октябрьское, / Разлилося оно радостно / По родному краю нашему...* (тетр. 186, № 118; вариант с топонимом Волга – тетр. 94, №7).

В полевых записях встречаются не только фольклорные тексты, но и исполнявшиеся коллективами художественной самодеятельности произведения непрофессиональных авторов; топоним **Кама** есть в таких песнях о Чермозе, Осе, Мотовилихе и о других объектах, находящихся на берегу этой реки.

В отличие от топонима **Волга** топоним **Кама** активно функционирует в несказочной прозе. Связано это с тем, что Кама и окрестности являются тем местом действия, где происходили важные для информантов события.

В быличках и легендах упоминанием реального географического объекта подчеркивается реальность происходившего: *Как-то косили мы за Камой на косилке. Видим: плывёт русалка и волосы чешет. А кони испугались и свалились, и утонули. Что-то она сделала, сила у неё. Утянула их с косилкой* (тетр. 370, № 26), *За Камой косили да домой возили сено. Гроза там случилась, да дом-то у него и загорелся, а потом и всё сено. Это как раз в Ильин день было. Нельзя работать-то да поганое нельзя делать. Это Илья-пророк наказывает* (тетр. 460, № 60).

Информанты не могли не упомянуть **Каму** в топонимических преданиях о населенных пунктах, появившихся на ее берегах: *В этом месте Кама образовывала крюк. Вдоль берега шла дорога, по которой вели каторжников в Сибирь. И каторжники, используя возможность, убежали и селились в этом крюке. Так образовалось село* (тетр. 240, № 1), *Давно-давно, в детстве ещё маменька рассказывала мне о том, как*

город наш образовался. Плыли по реке Каме разбойники, которые жили тем, что людей грабили. Ишибко понравились им красивые наши берега, решили они дом себе там срубить. Была у атамана любовница и звали её Рянкой. Так оставили они её в этом доме, чтоб ждала, встречала и привечала их. С тех пор звалось это место Домом Рянки. Позже многие люди туда поселились, а название так и осталось. Только вот много лет спустя летописец сделал ошибку, вместо “Домрянка” написал “Добрянка”. Да так и повелось потом (тетр. 541, № 5).

Появляется топоним **Кама** и в исторических преданиях о Ермаке (тетр.115, с.164-165), Пугачеве (тетр. 331, № 118).

В устных рассказах о прошлом говорится о том, как отмечали некоторые праздники: как «дарили» воду родника, бросая медяки и лоскутки, почитали старый лес на берегу Камы (тетр. 400, № 180), как в Иванов день ставили ворота, гоняли через них скот, поп брызгал святой водой, как люди ходили на Каму и пускали веники, с которыми в баню ходят (тетр. 404, № 91) и др.

В других жанрах топонимы **Волга** и **Кама** встречаются редко.

Отметим употребление топонима **Кама** в заговоре от тоски (*Камская вода оmyвает берега, / Пенье (пни), коренье, белое кошенье (нескошенная трава) Смой с (имя) тоску./ Куда вода – туда тоска! (3 раза) (Повторяя последние слова трижды, брызгает водой с блюда) – Вот теперь не будет тоски у тебя*) (тетр. 28а, № 2)) и употребление топонима **Волга** в заговоре на остуду между молодым и девицей (*Как мать быстра река Волга течёт, как пески со песком споласкиваются, так бы раб (такой-то) не водился с рабой (такой-то) ни в плоть, ни в любовь, ни в юность, ни в ярость, как в темнице и хлевнице есть ни жить...*) (тетр. 818, № 155).

Необычным является употребление топонима **Кама** в волшебной сказке, записанной в районе, удаленном от Камы: *В некотором царстве, в некотором государстве один человек занимался скотоводством. Вот он решил торговать. Набрал скота и поехал в город продать скота. Ну и продал. Сколько ездил – полмесяца или год... Закупил товаров и возвращался в Пермь через Каму-реку. Зашли они на мост, и мост рухнул. И ушли ко дну. А его (пусть Иван будет) выбросило волной на берег. И он сидит на берегу, пригорюнился. И с той стороны реки кричит ему Шут (–А кто это? – Да колдун, нет – волшебник): “Что пригорюнился?” И Шут к нему переправился на коне через реку. Переправился и спросил: “Что ты пригорюнился?” – “Как не пригорюниться? – отвечает.. (далее Шут помогает, прося отдать то, что есть дома неизвестное, и т.д.)* (тетр. 333а, с.25-34).

Топоним **Кама** употребляется в балаганном приговоре (*Ходоры – деревня, / Большое селенье. // Как по Каме по реке / Плыёт капуста*

*пласт, / Редьки хвост – / Благослови, Христос. // Слушайте-
послушайте, красные девицы, пирожные мастерицы, горшечные
палубницы, / Как святое озеро горело. / День горело, два горело// и т.д.
(тетр. 332б, № 23)), в детской прибаутке (– Зайчик, зайчик, где ты был?
– Траву косил... Где медведь? – Вечерком смыло в Каму ручейком (тетр.
291, № 16).*

Название **Волга** встречается в загадке: *Чем отличается Волга от
попа? (Волга – матушка, а поп – батюшка) (тетр. 465, № 50).*

От подростков записана песня о русалке: *Возле речки Камы / На
берегу песчаном / Милая русалочка жила. // Ночью выплывала, / Песню
запевала / Из цветов венки себе вила. // Как-то раз на берег / хан
подъехал, / Сердце он русалочке разбил. // Полюбил на ночьку, / подарил
ей дочку, / И в Закамск поспешно укатил... (тетр. 274, № 100).*

Встречается употребление топонима **Кама** в армейском фольклоре: *Упаси нас бог! // От подъёма раннего, / От крика
дневального, / От овса и перловки, / От строевой подготовки, // От
кухарной работы, / от полкового развода, / от вечерней поверки, / от
казённой постельки, // От начальников грозных, / Маршбросков
полуночных, // От уборки с подъёма, / От губы гарнизонной, // Да
возврати нас, господь, / В город на Каме, / К реке-матушке/ любимой
Камушке! //Да ускорь и сохрани мать демобилизацию./ Аминь (тетр.
523, № 2).*

Функционирует топоним **Кама** и в студенческих анекдотах: *Преподаватель (в
тексте фамилия строгого преподавателя из ПГУ) тонет в Каме. Кричит: «Помогите!». Идёт по берегу студент,
которого она завалила на экзамене. Она ему: «Спаси, будь человеком!»
– «Нет». – «Спаси, я же тоню!» – «Нет!» – «Помогите!» Тут
человеколюбие победило, и он её вытащил. Она ему: «Давай я тебе
пятёрку поставлю!» – «Не надо, Вы только никому не говорите, что
это я Вас вытащил» (тетр. 626, № 118).*

От жителей Прикамья записаны также тексты разных жанров, в
которых упоминаются сразу **Волга** и **Кама** как части единой водной
системы. Примеры употребления есть в садистских детских стихах
*(Девочка Таня / любила купаться, // плавать, нырять / И кувыркаться.
// В Каме нырнула, / В Волге всплыла – // Вот как любила / Купаться
она (тетр. 526, № 60)), в частушках (Наша Кама бежит в Волгу, /Волга
– в сине моречко. // С милым навеки расстаться – / Ой, какое горечко
(тетр.62, №32)), в преданиях (– В Руднике река красивая, а как она
называется? – Лесная речка. Впадает-то в реку Кизел, которая
впадает в Вильву, та в Яйву, Яйва в Каму, а та в великую Волгу, та же
известно куда. Лесная речка – великая речка. Ведь Кама-то могла
главнее Волги стать. Даже история есть. Кама с Волгой спорили
(далее о споре рек)... Кама думала, что уж она на том берегу,*

выскочила из-под земли и прямо в Волгу попала. Поэтому Лесная речка и не главная речка... (тетр. 22, № 32)) и др.

Итак, в русском фольклоре Пермского края чаще всего встречаются названия **Москва**, **Кама** и **Волга**, хотя на территории Пермского края находится только р. Кама, приток р. Волги. Названия **Волга** и **Кама** зафиксированы приблизительно в одинаковом количестве текстов разных жанров. Топоним **Кама** чаще всего употребляется в частушках, песнях, сказочной прозе, **Волга** – в песнях. Информанты могут заменять название одной реки на название другой, а могут использовать оба названия как части единой водной системы.

В представлениях, закрепившихся в русском фольклоре Пермского края, **Волга** и **Кама** – крупные реки, играющие очень важную роль в жизни людей.

Иноязычные основы в кунгурской топонимии Прикамья*

С.М. Поздеева

Топонимы являются неотъемлемой частью любого языка и культуры, представляя одну из древнейших и устойчивых языковых систем. Топонимическая лексика служит богатым источником знаний о культуре, истории и взаимоотношениях народов, проживающих на одной территории. Большой интерес в плане изучения культурно-языковых контактов представляет топонимическая система многонационального Прикамья.

Формирование прикамской топонимии определено образованием пермских говоров в иноязычном окружении: среди давно проживающих на территории Прикамья финно-угров (коми-пермяков и манси), тюрков (башкир и татар), а также других народов, переселяющихся из Волго-Камья одновременно с русскими, – удмуртов, марийцев и казанских татар. Становление топонимии на отдельных территориях Прикамья не представляет единого процесса, оно сопряжено с рядом особенностей.

На севере Прикамья культурно-языковое развитие русских проходило при активном взаимодействии с финно-угорским населением. Русские легко вступали в контакт с коренным населением,

* Статья выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации по поддержке молодых ученых и ведущих научных школ («Культурно-языковое своеобразие русских Южного Прикамья», МК-4201.2007.6).

усваивая и сохраняя субстрактную топонимику [Кривошекова-Гантман, Т.2, 253]. Русские же Сылвенско-Иренского поречья оказались в иной этнокультурной ситуации. Их соседями были народы, исповедующие иную религию: религией тюрков был ислам, у финно-угров, за исключением коми-пермяков, оставалось язычество [Чагин, 77]. Подобная ситуация стала существенным препятствием на пути активных культурно-языковых контактов русских с местным населением. В связи с этим отмечается разное процентное языковое соотношение заимствований в топонимических системах севера и юга Прикамья. В северных говорах Прикамья преобладают финно-угорские основы, в южных говорах Прикамья – тюркские образования.

На сегодняшний день по сравнению с русскими говорами Северного Прикамья говоры Южного Прикамья недостаточно изучены и введены в научное осмысление. Изучение южных говоров Прикамья актуально для определения характера культурно-языковых контактов, что необходимо для выявления и описания своеобразия говоров Южного Прикамья. Одним из источников решения данной проблемы служит изучение топонимики с точки зрения представленности в ней иноязычных образований и мотивирующих основ. Материалом для данного исследования послужили топонимы Кунгурского уезда, представленные в «Списках населенных мест Пермской губернии» (1909 г.).

Этимологический анализ ойконимов Кунгурского уезда показал, что основу кунгурской топонимии составляют русские по происхождению образования. Незначительная часть – это заимствования из тюркских языков, еще меньшая – из финно-угорских. Подобная картина отражает характер заселения русскими Южного Прикамья и особенности контактов русских с иноязычным населением.

В ходе мотивационного анализа были выявлены основные мотивационные группы, объединенные семантикой мотивирующих основ. Наиболее многочисленными образованиями оказались ойконимы, мотивированные антропонимами: фамилиями и именами иноязычного происхождения. Костяк этой группы составляют топонимы с русскими суффиксами фамилий *-ов*, *-ев*, *-ин*. Среди них присутствуют слова как тюркского (напр., *Катаева*, *Кинделино*, *Кыласово*, *Нагаево*, *Саркаево*, *Урасова*, *Якшин*, *Якшовитова*), так и финно-угорского (напр., *Гилева*, *Шмакова*, *Палаошева*) происхождения.

Ойконим *Катаева* происходит от фамилии *Катаев*, полученной, вероятно, по принадлежности человека к древнему башкирскому роду *катай* [Полякова, 2005, 159] (ср. название деревни Насадской волости *Ошмарина* – от фамилии *Ошмарин*, из марийского названия рода *ошмария*: *ош* – ‘белый’, *мари* – ‘человек’, буквально ‘белые люди’).

Тюркские названия *Кинделино*, *Кыласово*, *Нагаево*, *Саркаево*, *Урасово*, *Якшин*, *Якшовитова*, а также коми-пермяцкие *Гилева*, *Шмакова*, *Палаошева* производны от фамилий, образованных от имен и прозвищ. Отфамильное *Кинделино* связано с прозвищем *Кинделя* от тюрк. *kındār* – ‘последний’ [Полякова, 2005, 162]; *Кыласово* с прозвищем *Кылыс* от тюрк. *кылыс*, *кылыч* – ‘меч, сабля’, ‘побеждающий’ [Полякова, 2005, 207]; *Нагаево* с именем *Нагай* от тюрк.-монг. *похāj* – ‘собака’ (ср. башк. племя *ногаи*) [Полякова, 2005, 254]; *Саркаево* с именем *Саркай*, возможно, с *соркай* ‘желтая глина’ или ‘светлая девушка’ (зап. от Ф.Ф. Исламуратова, с. Бым Кунгурского района); *Урасово* с прозвищем *Ураз* от тюрк. *ураз* – ‘счастливый’ [Полякова, 2005, 392]; *Якшин* и *Якшовитова* с именем или прозвищем *Якши* из тюрк. либо хант. *якши* – ‘ладно, хорошо’, башк. ‘хороший, приятный, добрый’ [Полякова, 2005, 458].

Наличие среди кунгурских топонимов названий, образованных от коми-пермяцких фамилий подтверждает проживание в кунгурских землях коми-пермяков. Так, в рукописи 1782 г. «О приписных и государственных крестьянах Кунгурской округи» упоминаются крестьяне села Кыласово с фамилией *Палаошев*: *Василей Коз(ь)мин сын Палаошев* и *Иван Палаошев*. По-коми *палаош* ‘дикий, задирающийся медведь’ или ‘медведь-шатун’ (ср. *палавны* ‘летать, носиться’, и *ош* – ‘медведь’ [Полякова, 2005, 279]. Подчеркнем, что в Кыласовской волости Кунгурского уезда в Списках населенных мест 1909 г. значится деревня под названием *Палаошева*. Совпадение фамилии и названия деревни дает все основания полагать, что название этого населенного пункта образовалось по фамилии проживающего в нем коми-пермяка. На коми-пермяцкое присутствие в кунгурских землях указывают и другие топонимы-фамилии: ср. д. *Гилева* – фамилия *Гилев*, возможно, от коми-перм. *гиль-голь* звукоизобразительное ‘бряк-звяк’ [Полякова, 2005, 94], д. *Шмакова* – фамилия *Шмаков* от коми-перм. *шмак* ‘округлая шишка’ [Полякова, 2005, 444].

В некоторых топонимах легко можно найти тюркский именовослов. Так, в названии населенного пункта *Бекени* сокрыто имя *Бек* из тюрк. ‘крепкий, могучий’, в названии деревни *Тура* – имя или прозвище *Турай* (ср. в памятниках Прикамья встречается *Турайко*), в основе ойконима *Шувалки* – имя или прозвище *Шувал*.

Вторую топонимическую группу составляют ойконимы, мотивированные этнонимом. По названиям населенных пунктов *Пермяки* и *Карагай* можно предположить, что в Кунгурском уезде некогда жили коми-зыряне, именуемые ранее *пермяками*, а также потомки древнего башкирского рода *карагай*. По одной из версий, лексема *карагай*, действительно, выступает древним названием одного из башкирских племен [Археология и этнография Башкирии, Т.5, 42].

В третью группу топонимов вошли ойконимы, мотивированные названием рек. Известно, что татарское село *Усть-Турка* получило свое имя по названию реки *Турки*, в устье которой оно расположилось; деревня *Троельга* – по названию реки *Троельги*.

Сложным в определении мотивированности является центральный топоним Сылвенско-Иренского поречья – *Кунгур*, имеющий в краеведческой литературе более двадцати этимологических интерпретаций [Хайдаров, Одегов, 53–54]. Общим для всех гипотез является возведение данного ойконима к тюркским корням: татарским, башкирским, удмуртским. Самой распространенной точкой зрения является мотивация ойконима *Кунгур* наименованием речки *Кунгурки*, считающейся местом первого основания города-острога [Шишонко, 253]. Ойконим *Кунгурка* образован по модели присоединения русского суффикса *-к* к иноязычному названию реки *Кунгур*.

Другой версией происхождения *Кунгур* является связь топонима со вторым местом расположения города. Современный Кунгур находится в районе карстовых пустот. Это город пещер, отсюда якобы и произошло его название: из татарского *кун*, *кунак* – ‘ночевать’, ‘иметь ночлег’ и *гара* – ‘пещера’, т.е. буквально ‘ночлег в пещере’. Стало быть, первоначально ойконим звучал как «Кун-гара» и лишь позднее как «Кунгур» [Семенов, 23].

Многочисленны возведения данного ойконима и к названиям разных народов. Известный специалист по топонимии Урала профессор А.К. Матвеев утверждает, что слово *Кунгур* указывает на половцев и происходит из языка этого народа: *конгур* – ‘рыжеватый’. «Одно из значений татарского *конгыр* и казахского *конгыр*, *конгур* – ‘русый’. Это позволяет понять, как возникло тюркское личное имя и обозначение родоплеменной группы. Половецкое слово особенно интересно потому, что одно из названий половцев (а также племенной группы туркмен) – *сарык* происходит от *сары* – ‘желтый’, ‘светло-рыжий’. Теперь понятна русская калька ‘половец’, т.е. *половый* (‘светло-желтый’, ‘бледно-желтый’). А по китайским источникам, кыпчаки, к которым относятся и половцы были голубоглазыми и светловолосыми» [Матвеев, 47]. Ф. Ислаев, Э.М. Мурзаев, доктора географических наук, возводят название города Кунгура к печенегскому племени *канглы*, Т. Мирсаитов, сотрудник Суксунского музея, – к ногайскому роду *камгурт*.

Ш. Хайдаров считает, что слово *Кунгур* имеет иранское происхождение. Свою гипотезу исследователь строит на том, что похожие топонимы можно встретить на территории Средней Азии: *Кунгур* – в Самарканде и Булунгуре, *Кунгурдак* – в Ташкенте, Янгиюле, *Кунгурбай* – в Самарканде и Зоомине, *Байкунгур* – в Янги-Кургане. Наиболее правдоподобной для Ш. Хайдарова стала связь лексемы

Кунгур со значением ‘зубец, выступ’, поскольку город Кунгур располагается в гористый местности [Хайдаров, Одегов, 54]. Интересно отметить, что и в Чердынском районе Пермского края на берегу реки Почки есть гора под названием *Кунгур* [Щеколдин, 56].

Не зафиксированы среди кунгурских ойконимов образования с коми-пермяцкими формантами *-ыб* ‘поле’, *-кор*, *-кар*, *-горт* ‘городище’, *-ва* ‘вода’ и др., часто встречающимися в северной топонимике Прикамья (ср. *Ныроб*, *Кудымкар*, *Нытва*).

Что касается заимствованных кунгурских гидронимов, то среди них встречаются два типа мотивации: названием рода, проживающего на реке, и природными особенностями реки. Так, иноязычный по происхождению гидроним Кунгурского уезда *Турка* указывает на башкирский род *тор*. В буквальном смысле слова рекой рода *тор* считается и река *Троельга*, первоначально произносившаяся как *Торельга* [Шумилов, 61]. На тюркские корни указывает также название реки *Татарка*, протекающей в д. Спиричи Шадейской волости.

Тюркское происхождение сохранили многие названия рек Кунгурского района, образованные по качеству воды, особенностям флоры и фауны этого водоема. Река *Ирень* получила свое название по сходству воды с кислой простоквашей: слово *ирень* напоминает татарское *айран*, *айрян*, *арьян* ‘напиток из кислого молока’. Река *Каразельга* может быть переведена с татарского как ‘река, в которой много карасей’: татар. *kārākā* – ‘карась’ [Хайдаров, Одегов, Т. 2, 194] и *елга* ‘река’. Считается, что свое название речка *Кунгурка* получила от местных жителей по качеству своей воды: *конгыр* по-татарски ‘бурый, смуглый’. Еще в первой четверти XX в. известный краевед Е.Д. Золотов писал, что «вода в реке Кунгурке темная и на вкус неприятна; крестьяне воду этой реки не пьют» [Золотов, 138].

Среди гидронимов, мотивированных природными особенностями водоемов, встречаются и коми-пермяцкие названия с формантом *-ва* ‘вода’: *Сылва* – ‘талая, незамерзающая вода’, *Шаква* – ‘грибная вода’. По мнению А.С. Кривошековой-Гантман, возведение форманта *шак* к коми-перм. *тишак* ‘гриб’ не совсем удачно, более правильно его объяснять через *шактар* ‘древесный сор, занесенный разливом рек’ [Кривошекова-Гантман, Т. 2 190].

Наличие среди кунгурских гидронимов слов коми-пермяцкого происхождения подтверждает гипотезу о том, что в общепермское время прапермяне занимали большую территорию, чем современные пермские народы (удмурты и коми). Они располагались не только на севере, но и на юге Прикамья.

Единичны коми-пермяцкие вливания в кунгурскую микропонимику. В Тихановском, Филипповском поселениях Кунгурского района встречается коми-пермяцкий термин *согра* ‘сырой,

болотистый участок леса или лес (преимущественно хвойный)» [Полякова, 1971, 85–94]: *«Тогда и на согре косили. А ноне лико чё»*, д. Тихановка, *«У нас еще есть Ереминска гора и Согра поле»*, с. Троицк, *«В стороне от деревни есть согра – водянистое место, поросшее травой, деревья хвойные есть»*, д. Филипповка.

Наиболее частотны тюркские образования. Зафиксирован в кунгурских говорах фонетический вариант тюркской по происхождению лексемы **юрман** [Фасмер, Т.4, 168] – *юрман* ‘лес’: *«Там Юрман. Тарыханово через мост, через Юрман»*, д. Насадка. Специфическим местным образованием, закрепленным в топонимике с. Калинино, является слово-тюркизм **сулак**. Сулаком называют ряд улиц села Калинино: *«Наша улица раньше называлась Сулаки, Первый, Второй, Третий Сулак, наша улица сейчас Свердлова, там Рябова. Сейчас ул. Лямина, раньше в детстве Пеньково»*. Вероятно, подобное название получали улицы по пространственной характеристике – от тат. *сулак* ‘левый’. Возможно, что данное название дано по характеристике местности: слово *сулак* имеет в тюркских языках значение ‘болотистый’, как топоним и гидроним данный тюркизм широко распространен на Кавказе и в Сибири. Сингармонизм в топониме **Бараба** – название дальней окрестности села Троицка – также указывает на ее тюркское происхождение: *«Раньше до речки до Кунгурки всё Бараба у нас звали, там, дома были, колодцы, погреба, ямы. А теперь это Бараба»*, с. Троицк.

В современной микротопонимике Прикамья встречаются основы, восходящие к языкам народов, не являющихся коренными жителями Прикамья. Так, напр., в деревне Парашино Кунгурского района, как и в Китае, есть **Шанхай**. Разгадка кунгурского *Шанхая* сокрыта в народной психологии – оценивать негативно все, что чуждо и непонятно, или называть отрицательное через чуждое и непонятное. В использовании китайского ойконима в качестве микротопонима Прикамья выражается народное осуждение людей, ведущих разгульный образ жизни. К схожим языковым процессам можно отнести включение названий нерусских национальностей в ругательные, неодобрительные высказывания: *«Как вроде, ругаться на меня: «Ты – зырянин»*, д. Насадка; *«Ну, ты чё как татарин. Ничё не понимаешь, чё тебе говорят»*, с. Троицк.

Таким образом, исследование иноязычных основ в кунгурской топонимии показало, что наличие тюркских и финно-угорских звучаний обусловлено историей заселения земель Сылвенско-Иренского поречья. Преобладание среди иноязычных ойконимов тюркизмов, а не коми-пермяцких основ, как на Севере Прикамья, свидетельствует об ином культурно-языковом развитии кунгурских говоров.

Список литературы

- Археология и этнография Башкирии. Уфа: АН СССР, 1973. Т. 5.
- Золотов Е.Д.* Боль души. Избранное: Сборник статей / Под ред. О.А. Реневой, Кунгур, 2002.
- Краткий топонимический словарь Пермского края / Составитель Е.Н.Шумилов. Пермь, 2005.
- Кунгурский уезд. Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1909 г.
- Матвеев А.К.* Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1987.
- Полякова Е.Н.* Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005.
- Полякова Е.Н.* Слово *согра* в пермских памятниках XVII в. и в современных говорах Пермской области // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1971. Вып. 2. С. 85–94.
- Семенов В.Л.* Сказки и предания кунгурских гор. Пермь, 2004.
- Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 4. Кривошекова-Гантман А.С. Собрание сочинений в 2-х тт. Т.2. Ономастика. Пермь, 2006.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. М., 2003.
- Хайдаров Ш., Одегов В.* Следы арийской цивилизации в Прикамье (историко-сравнительное изучение проблемы). Пермь, 2006.
- Чагин Г.Н.* Русские Прикамья в историко-культурной структуре русских России //Русский мир. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Развитие русского этноса: проблемы и перспективы. Пермь, 2006. С. 75–79.
- Шишонко В.Н.* Пермская летопись. Т. 2. Пермь, 1881–1889.
- Щеколдин А.Н.* Из летописи земли Кунгурской. Пермь, 1967.

Имя собственное в демонологической лексике (на материале пермских говоров)

О.И. Васнева

Имена собственные образуют особую микросистему в номинативной системе мифологем и обладают специфической семантикой по сравнению с именами нарицательными в данной группе, а также особенностями морфологического и грамматического оформления. Хотя они занимают незначительное место в группе мифологической лексики (около 3% от общего числа номинативов), их

функционирование в мифологической системе представляет особый интерес.

Имя собственное – это универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа.

Однако в мифологической лексике имя собственное выполняет иное назначение – вместо индивидуализации выполняет функцию *персонификации* явления; и сохраняет морфологический признак существительного как набора свойств, что обусловлено культурологическими особенностями самих имен собственных. Не каждое имя может входить в состав мифологической лексики, обычно мы имеем дело с культурно релевантными для определенного этноса (или диалектной группы) именами собственными (*Иван, Мария, Николай, Евсей* и др.), или в современной науке подобные явления называют «прецедентными именами».

Прецедентные имена входят в состав прецедентных феноменов. Под прецедентными феноменами понимается особая группа вербальных или вербализуемых феноменов, которые известны любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества и входят в когнитивную базу этого сообщества. Прецедентные феномены отражают в тексте национальные культурные традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества. Выделяют четыре типа прецедентных феноменов: прецедентные ситуации, тексты, высказывания и имена [Немирова, 2004, 149]. Прецедентные имена подразделяются на те, которые функционируют денотативно (экстенционально), т. е. именуют предмет, указывая непосредственно на денотат, и те, которые функционируют коннотативно (интенционально), т. е. используются для характеристики объекта [Гудков, 2003, 146].

К таким «экстенциональным» именам в мифологическом ономастиконе можно отнести имена, указывающие на конкретный персонаж, чаще всего восходящий к другой мифологической или религиозной системе (*Мокошь, Вельзевул, Люципар, Асмодей*), т. е. имена-символы.

Ко второй группе «интенциональных» имен относятся имена, репрезентирующие те или иные признаки конкретного имени, связанного с прецедентной ситуацией или прецедентным текстом. Семантика этих имен требует дополнительной расшифровки. Эти имена не только актуализируют культурологическое значение (например, *Егорий, Егорка, Егорушка* соотносится со святым Егорием

Храбрым, семантика мифологического образа, наделенного этим именем, восходит к образу этого святого, к его делам и поступкам). Например, *Егорий* как *календарный дух* является персонификацией календарного отрезка*, посвященного этому святому. *Егорий, Егорей* как *дух-охранитель* или *леший* поднимает огромный пласт исторического образа Георгия Святого*. В образе *духа-охранителя* реализуются черты защитника, хранителя, недаром основным атрибутом его является меч. Необходимо отметить, что дни памяти Георгия Святого приходятся на важные периоды крестьянской жизни: 23 апреля (по новому стилю 6 мая) начало сельскохозяйственных работ (*Егорий землю отмыкает; Егорий храбрый зиме ворог лютый*), а 26 ноября – окончание (*С Егория медведь в берлоге наконец засыпает, а волки жмутся к деревенским задворкам*). Поэтому нередко апокрифические истории о Георгии Святом интерпретировались как борьба Весны и Зимы, доброго начала и злого. В образе *лешего* на первый план выходят такая функция Георгия Святого как патронажная. Георгий в народе воспринимался добрым и заботливым хозяином полей и лугов, покровителем домашней скотины и хищных зверей. Широко бытовало поверье: *На Юрья святой Егорий разъезжает по лесам на белом коне и раздает зверям наказания; Всяк зверь у Егория под рукой*. Поверье породило и запреты: *Под Егорья вешнего не работают, чтобы волк овец не поел; Кто работает у Георгия, у того волки будут резать скотину*. Имена *Егорка, Егорушка* в качестве наименования *икотки, болезни* использованы уже не как непосредственная отсылка к образу Георгия Святого, а, скорее, как часть своеобразной языковой игры: уменьшительно-ласкательная и уменьшительно-фамильярная формы антропонима (варианты *Егорушка* и *Егорка*) сигнализируют о сочувственном отношении к МП, носителю этого имени. Здесь мы имеем дело с сакральной ситуацией: задабривание духа болезни, запрет на «настоящее» имя, использование эвфемизма. В народных представлениях почти всякая болезнь – это живое существо, с которым можно разговаривать, к которому можно обращаться с просьбами, приказами, угрозами. С болезнью ведут диалог, заключают договор, вступают в отношения побратимства, сватаются, ее обманывают, запугивают. Персонификация болезни – один из приемов психологической адаптации человека к неприятному и

* Память о Святом Георгии 23 апреля и 26 ноября.

* Георгий Святой (от греч. *geōrgos* «земледелец», в русской традиции - Егорий, Юрий), великомученик, Победоносец, знатный каппадокиянин, во время Диоклетиана, после восьмидневных тяжких мучений, обезглавлен. По древнему сказанию, Г. убил змея, дракона, опустошавшего землю одного языческого царя, и избавил царевну, которая была выведена на съедение змею. Первые переводы этих повестей появились на Руси уже в XI веке, а затем получили широкое распространение как в книжных списках (тоже подчас весьма далеких от первоисточника), так и в устной народной интерпретации.

опасному явлению. Отсюда и устойчивые эвфемистические «задабривания» болезней, типа *матушка Воспа, Воспа Ивановна, Воспа Восповна* ‘оспа’; *Афанасьевна, Марья Иродовна* ‘лихорадка’. Подобные названия употребляются и в тех случаях, когда нельзя было произносить настоящее имя болезни (во время эпидемий, при детских болезнях). Егорий, воспринимаемый как положительный герой, как нельзя лучше подходил для эвфемистического наименования порчи или болезни. Еще одна связь антропонима Егорий с болезнью выявляется в обрядовых действиях, направленных на избавления от болезни. Одним из таких действий является очистительный ритуал, который совершается в определенные дни (например, канун Юрьева дня и др.) или связан с какими-то событиями в эти дни (например, омовение утренней росой Юрьева дня). Некоторые исследователи находят и звукоизобразительную связь антропонима с наименованием болезни (*Егорка* – горка – выпуклость – болезнь).

В составе имен собственных, использованных для номинации мифологических персонажей, представлены женские и мужские имена. Как и в общезыковой практике, в мифологической системе мужской именник почти в два раза превышает женский (соответственно 63% и 37%). Так как природа номинируемого объекта – мыслительный конструкт, не всегда возможно однозначно интерпретировать грамматическую категорию рода у мифологического имени, поэтому часть имен можно классифицировать по принадлежности к общему роду (например, *Ёма, Масленка, Гурия, Бабурия* и др.): *Ёма страшный, на него и смотреть страшно...*; *У Ёмы спросите, она все вам расскажет...*

Имя – это особый знак, который в большей или в меньшей мере нагружен социальным значением. Употребление имени или его стилистических вариантов может многое сказать как о говорящем, так и об отношении к объекту именованию. Особенности стилистического функционирования имени во многом обусловлены языковой ситуацией, сложившейся еще в эпоху Киевской Руси, а именно, диглоссией. «Наличие по крайней мере трех изначально антропонимических систем: церковной, народной и литературной, генетически общих, но различающихся главным образом социально, контингентом лиц, в среде которых они функционировали, своеобразно отразилось и на дальнейшем развитии русской антропонимии [Суперанская, 1973, 315-316]. Интересно, что канонические и неканонические имена практически равноправно существуют в мифологической системе (из общего количества мифологических онимов 54% восходят к каноническим имена (например, *Николай, Иван, Василий, Виктор, Мария, Евдокия, Ульяна* и др.) и почти столько же – 46% лексических единиц к неканоническим (например, *Ёма, Мокошь, Морена,*

Пятница, Полюд, Незнай Незнаевич и др.). Среди мифологических имен, относящихся к общему роду практически не встречаются канонические имена, тогда как в мужском и женском именнике канонические имена преобладают, хотя и незначительно (среди мужских имен 58% канонических и 42% неканонических, среди женских соответственно – 60% и 40%).

Тематически группа мифологических имен выглядит следующим образом: 35% в общем составе мифологических имен занимают *мифохрононимы*, т.е. календарные имена; 17% номинируют *лесных духов*, 10% – *домашних духов*, 8% – это имена собственные, используемые в номинациях *черта*, 6% – имена *болезней, порчи*; по 4% приходится на группы *МП, обозначающих духов воды и духов-охранителей*, по 3% приходится на группу *духов-покровителей и колдунов*. Остальные тематические группы представлены единичными номинациями через имя собственное.

Явное выделение группы мифохрононимов обусловлено не только персонифицирующей функцией мифологического имени собственного, но и самой природой наименования календарных отрезков. Большинство неофициальных хрононимов восходят к именам святых, мучеников, таким образом происходит своеобразный возврат к начальной сущности: андропоним – хрононим – мифохрононим – мифологический оним.

Как отмечает С.М. Толстая, используя андропоним в качестве наименования календарного отрезка, мы изменяем «...и "семантику" (внеязыковую соотношенность) антропонима и его языковой статус, происходит трансформация условного хрононима "день (памяти) св. Алексея" в реальный хрононим "Алексей"; происходит ослабление связи антропонима со своим референтом и приобретение им календарной семантики ("день 17 марта ст. ст."), происходит по существу "апеллятивизация" антропонима как следствие изменения его функции» [Толстая, 2001]. Вместе с тем тенденция к утрате антропонимами-хрононимами ономастического статуса причудливым образом уживается с противоположным по своей природе явлением, корнящимся в культурной мифопоэтической традиции, а именно: с характерной для традиционного сознания антропоморфизацией календарного времени, персонификацией дней (праздников) и отождествлением дня и его мифологического патрона, с демонизацией персонифицированных праздников [Толстая, 2001]: *Масленка за порогом ждёт...*

Другая особенность мифохрононимов заключается во вторичной андропонимизации – указание на «человеческие» свойства персонажа, соотносимого с календарным отрезком. Например, подчеркиваются семейно-родственные отношения *батюшко Покров, Танька да*

Ванька, социальные отношения *Никола бог* внешняя характеристика персонажа *Пятница долговязая*, на характер персонажа *Микола Милостливый*, *Микола Строгий*, активно используются гипокористические наименования *Таньки крещенские*, вместо Николая – *Никола, Микола, Коля*.

Подобные явления характерны для хронимов в целом, как отмечает С.М. Толстая, именно поэтому исследователи не могут однозначно отнести хронимы к апеллятивному или ономастическому фонду и вынуждены квалифицировать их как некую промежуточную лексическую категорию, характеризующуюся двойственной апеллятивно-ономастической природой (по одним признакам апеллятивы, по другим – онимы).

Таким образом, в мифологической лексике актуализируется ономастическая природа календарного имени.

Имена собственные, представленные в мифологической группе, могут иметь как полную, так и неполную (гипокористическую) форму. Так, 64 % имен функционируют именно в полной форме (например, *Егорий Скотский*, *Лесная Марья*, *Миладора Васильевна*, *Виктор* и пр.). Можно заметить интересную особенность: большинство полных наименований соотносятся с тематической группой календарных персонажей и персонажей леса. Если мифохронимы, восходящие к ониму, сохраняют изначальную форму имени (и чаще всего канонического имени), то имена лесных духов имеют другую природу объяснения – стилистическую. Полные имена, особенно наименования по имени-отчеству, подчеркивают уважительное отношение к данным персонажам. Лес, как локус обитания мифологических персонажей, воспринимался народным сознанием как «чужое» пространство, как пространство, находящееся под патронажем не слишком позитивно настроенных к человеку духов. И, чтобы задобрить, расположить к себе лешего, человек уважительно обращался к нему полным именем, подчеркивая этим свою зависимость от расположения духа хозяина леса («леший» – *Виктор, дядя Виктор, Виктор Викторович*). Именно лесным духам жители Прикамья писали так называемую «кабалу» – официальное письмо-прошение о помощи в поиске пропавшего человека, заблудившейся скотины, о поддержке в охоте и пр.

Неполные имена чаще всего используются в качестве обозначений болезней, порчи (*Андронка*, *Мишутка*, *Алёнка*), причем характерно не только пренебрежительное, фамильярное наименование, но и уменьшительное-ласкательное (*Егорка*, *Егорушка*). Другой группой, в которой продуктивно используются неполные имена, является группа домашних духов. Домашние духи, находясь практически в одном пространстве с человеком, воспринимались как нечто близкое и

родное, поэтому и человек позволял себе давать им уменьшительно-ласкательные или пренебрежительные имена (домовой – *Вася, Колян, Стасик*).

В нашем материале встречаются несколько ономастических моделей: «имя собственное» (*Вася, Марья*), «имя + отчество» (*Вод Водович, Евсей Евсеевич*), «имя + фамилия» (*Иван Кустов, Егорий Короблый*).

Но кроме этих традиционных моделей активно используется модель «имя + признак», в которой актуализированы следующие значения:

- локальность (*Дуня-ригачница, Лесная Марья, Ульяна-водица*)
- социальные отношения (*дядя Виктор, царь Давид, бабушка Соломония*)
- атрибутивность (*Анчутка беснятый*)

В отличие от других ономастических групп (например, топонимов), в мифологической системе имена собственные чаще образуют наименования, в которых определения не являются логически противопоставленными (*Иван Кустов, запечельная Мара, Анчутка беснятый*). Однако иногда встречаются и определения, объединенные одним стержневым членом и противопоставленные друг другу (*Никола Весенний и Никола Осённый; Микола Милостливый и Микола Строгий*). Надо заметить, что подобные пары чаще всего встречаются в группе мифохрононимов, которые, по всей видимости, привнесли с собой эти признаки в мифологическую систему из календарной.

Таким образом, мы видим, что имена собственные репрезентируют разные уровни языкового сознания, что во многом обусловлено прецедентной сущностью антропонимов, использованных в качестве номинатов мифологических персонажей.

Список литературы

Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972.

Болотов В.И. Актуализация антропонимов в речи. АФТ на соиск. зв. канд. филол.наук. Л., 1971.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М: Просвещение, 1983.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.

Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение, обозначение. 1965.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

Немирова Н.В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса (на материале современной публицистики) //

Лингвистика: Бюл. Урал. лингвист. о-ва. Екатеринбург, 2004. Т. 11. С. 149

Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.

Рут М.Э. Антропонимы: размышления о семантике / М.Э. Рут // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Толстая С.М. Антропонимы в народной календарной терминологии // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20.

Толстой Н.И. Еще раз о «семантике» имени собственного // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (17–20 июня 1970 г.). Минск, 1970. С. 200–201.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.

**Именования женщин в малых населенных пунктах
в диахроническом аспекте
(на материале дневника М.П. Сусловой)**

О.Н. Симушова

В настоящее время в малых населенных пунктах при большом количестве однофамильцев существует проблема разграничения жителей, что приводит к складыванию системы прозвищ, формированию особых способов именования.

Нами выдвинута рабочая гипотеза, что сложившаяся в настоящий момент, отличающаяся от официальной, система именования в малых населенных пунктах имеет историческую традицию. В подтверждение этой гипотезы необходимо кратко охарактеризовать процесс складывания официальной трехчленной формы именования и осветить антропонимикон современного села.

Нам кажется целесообразным рассматривать именования женщин, т.к. они имеют более сложную и долгую историю складывания, а в современном состоянии представляют более пеструю картину, нежели именования мужчин.

Социальное бесправие женщины в XI–XIV вв. нашло отражение в именованиях её в официальной письменной речи. Женщины редко упоминались в памятниках письменности, способы номинации не были упорядочены и в силу этого не отличались единообразием.

Ю.И. Чайкина, исследуя именованья женщин в новгородских берестяных грамотах XI-XIV вв., выявляет два способа номинации женщин – личным именем (календарным и некалендарным), а также прозвищем, образованным от имени мужа [Чайкина, 2006, 34].

Случаи именованья женщины непосредственно с помощью личного имени в XI-XIV вв. были редки. Р. Мароевич полагает, что чаще всего номинация осуществлялась способом, восходящим к праславянскому языку, т.е. через антропонимы других лиц: замужней женщины – через имя мужа, девушки – через имя отца [Мароевич, 110].

Именованье по мужу представляло собой притяжательное прилагательное в полной форме, образованное от имени супруга (*Всеволожская, Гюржевая*). Причем, как считают А.А. Потебня, А.А. Шахматов, В.И. Борковский, Р. Мароевич, намечается процесс субстантивации, поскольку при этом прилагательном нет необходимости восстанавливать определяемое слово-существительное *жена*, т.к. именно на жену, а не на мать, дочь, сноху указывает местоименная форма [Мароевич, 107-110]. Этим же фактом Ю.И. Чайкина объясняет функционирование синтетических форм именованья женщин в новгородских берестяных грамотах XI-XIV вв. [Чайкина, 2006, 35]

Иногда именованье по мужу сопровождалось патронимом (*Глебовая Всеславича*). В редких случаях при имени по мужу указывалось личное имя женщины (*Мстиславля Христина, Яновья именем Марья*). Возможны также были такие формы именованья по мужу, когда наряду с антропонимом, образованным от имени супруга, были указаны его патроним или род деятельности (*Семеновая Борисовича, Якимовая Столбовича, Завижая посадника*) [Мароевич, 110-117].

Форма именованья девушки состояла в официальных документах из притяжательного прилагательного, образованного от личного имени отца с помощью суффикса **-ьн(а)* и патронима (*Даниловна Романовича*).

Как правило, в текстах наиболее ранних документов упоминаются княгини. При необходимости конкретизации определенной женщины в именованье иногда включалось указание на то, чьей дочерью, сестрой или матерью она являлась. Как редкое исключение в памятниках встречается полная формула именованья женщин: личное имя, имя по отцу и имя мужа (*Софья Ярославна Ростиславля Глѣбовича*) [Мароевич, 108].

С именами женщин по мужу могли также употребляться имена существительные, обозначающие профессию, звание, титул: *попадья Семеновая, Судиславу кормильчя Нездиловаа, княгыни Василковая* [Мароевич, 109].

В XV в. имена по мужу вытесняются синтагмами с суффиксами *-овск*, *-евск*, *-ин*. В XVI в. в связи с появлением фамилий на *-ов*, *-ев*, *-ин* возникшая омонимия между именем по мужу, изменявшимся по именному склонению, и фамилией женского рода или родительного падежа мужского рода обусловила окончательный выход из живого употребления имен по мужу типа *Михайлова* [Мароевич, 117].

Ю.И. Чайкина обращается к письменным источникам XVI – первой половины XVII вв. – писцовым и переписным книгам Вологодского, Архангельского и Сольвычегодского уездов. Она отмечает, что именованья женщин здесь встречается последовательнее. В большинстве случаев речь идет о вдовах, после смерти мужа унаследовавших землю и строения. Единая формула именованья женщин в этот период отсутствует. Полностью опосредованные именованья встречаются редко (*Васильевская жена Ощепкова*), несколько активнее отмечаются одночленные и двучленные модели, обязательным компонентом которых является личное имя именуемых (*вдова Полашка*, *Онтонидка*, *нищая Марфица Сенькина*) [Чайкина, 1994, 67].

Чайкина отмечает, что, несмотря на отсутствие единой формулы называния, в этот период уже можно говорить о доминирующей модели именованья замужней женщины, состоящей из личного имени женщины и притяжательного прилагательного, образованного от личного имени мужа с помощью суффиксов *-овск* (*-евск*), реже *-ов* (*-ев*), *-ин* (*-ын*), иногда с наличием фамильного прозвания (*вдова Соломейка Ивановская жена*, *вдова Акилинка Яковлевская жена Калистратова*) [Чайкина, 1994, 67].

Способы именованья женщин в официальных документах в период, предшествовавший распространению трехчленной модели именованья, в конце XVII – начале XVIII вв. недостаточно изучены. С.И. Зинин наблюдает значительный разноречивый в формулах называния. Им рассмотрены некоторые именованья женщин в источниках центральных городов [Зинин, 34-39].

Привлечение источников начала XVIII века обусловлено тем, что в петровское время женщины получают некоторые юридические права, связанные с покупкой или продажей имущества [Чайкина, 1994, 68]. Этим определяется рост числа женских именованний в деловой письменности данного периода всех регионов.

Чайкина приходит к выводу, что в сравнении с документами XVI – первой половины XVII в. формула именованья женщины в начале XVIII в. претерпевает существенные изменения. На фоне более или менее устоявшейся трехчленной модели именованья мужчины (*Алексей Иванов сын Петров*), женские именованья были представлены четырьмя, иногда пятью компонентами: личным именем и патронимом

женщины и трех- (дву-) членной моделью именованя ее мужа (*вдова Евдокия Патрикеевна дочь Ивановская жена Савельева сына Хомутникова*) [Чайкина, 1994, 67-68]. Такая ходовая формула именованя женщин была закреплена в письменной речи на огромной территории северо-восточной части русского государства. Наиболее подвижным компонентом данной модели является патроним мужа.

Альтернативой доминирующей модели была формула, первой частью которой было полное именование мужа с указанием его профессии, второй – называние жены (*подьячего Васильевской жены Григорьева сына Кудрина вдова Парасковья Федорова дочь*). Возможна и формула такого рода: *вдова суконной сотни Василия Иванова сына Саватиева жена его Окулина Дмитриева дочь* [Чайкина, 1994, 69].

При исследовании кунгурских актов второй половины XVII – начала XVIII вв. были выявлены 19 антропонимических моделей именованя женщин. Полная официальная модель именованя замужней женщины имеет четырехчленную структуру, а девушки – трехчленную. Некоторые компоненты полной модели могут отсутствовать, в связи с чем есть возможность выделить различные модели именованя. Наибольшее распространение в процентном соотношении получила одночленная формула (70%), менее распространены двучленная (19%), четырехчленная (6%) и трехчленная (5%) модели.

Номинация может также осуществляться и через антропонимы других мужчин: свёкра, сына, брата, пасынка, отчима, племянника, внука, работодателя и т.д. (*сноха ево Пронькина, мать Сергея Савухова, Иванайкова сестра, Исакова мачеха, Андрея Чугайнова паччерница, тетка Евдокия Проскурякова, Устинья Давыдова банка, работная ево Агафонова женка*), что обусловлено экстралингвистическими факторами.

В кунгурских актах второй половины XVII – начала XVIII вв. также функционируют отыменные прозвища на *-иха*, образованные от имени мужа (*Терёшиха, Апасиха*), которые являются характеристикой разговорной речи.

Исследователь русской ономастики Е.Н. Полякова отмечает, что отыменные прозвища на *-иха* не имеют отрицательной коннотации и распространены на обширной территории страны: на Кубани, на Урале, в Сибири, в Новгородской области, в Архангельской области и в центральных городах. Однако уже в документах конца XVII в. ощущается неофициальный характер этих форм [Полякова, 1975, 102-103]. Писцы, редактирующие документы, заменяют разговорные просторечные формы официальными моделями именованя (*Терешиха > Марья Сергеева дочь Терентьева жена Исакова; Апасиха > татарка Апас(е)вская жена Боташева вдова Алтынычка Тойгилдина дочь*).

В XIX в. под действием трехчленной модели именования мужчин формула называния женщин в письменной речи также становится трехкомпонентной (на тех территориях и тех социальных группах, где фамилия функционировала как обязательный член антропонимической модели) [Чайкина 1994: 67-69].

Если рассмотреть эволюцию доминирующей модели именования женщины, то основное изменение в ней связано с активизацией непосредственной номинации. Только в древнерусском языке (XI-XIV вв.) именование женщины носило в большинстве случаев опосредованный характер (через имя отца или мужа). В среднерусский период (XV-XVII вв.) доминирующая формула по своему составу начинает приближаться к модели именования мужчины, поскольку первым компонентом её является уже личное имя женщины. В то же время от предшествующего периода формула сохраняет и опосредованное название (через имя мужа). В начальный период формирования национального русского языка (вторая половина XVII – начало XVIII в.) формула именования женщины все более сближается с мужской: помимо личного имени женщины в составе её, как и в мужской модели, появляется патроним. Опосредованное именование продолжает сохраняться. В период укрепления норм национального русского языка формула именования совпадает с мужской [Чайкина, 1994, 72-73].

Для анализа антропонимии современного малого населенного пункта нами взят письменный текст – дневник жительницы деревни Камгорт Чердынского района Пермского края М.П. Сусловой, создававшийся на протяжении нескольких лет. Анализу подвергнуты женские именованья в той форме, в какой они встречаются в тексте дневника.

В исследуем тексте 119 женских именованья, из которых официальными трехчленными являются лишь 5 (4%) – *Галина Александровна Рядькина, Мария Васильевна Ковалева, Тапинова Римма Константиновна* и др. Наиболее распространенным именованием является одночленная модель (49%): именование по личному имени женщины, которое может быть представлено как полным вариантом (7), так и вторичным образованием – дериватом (33) – *Вера, Мария, Роза, Аля, Аннушка, Сара, Лима* и др.; именование по фамилии (9) – *Антонова, Захарова, Лялина* и др.; по отчеству (9) – *Александровна, Егоровна, Кирилловна, Макаровна* и др. Менее распространено двучленное именование (31%): по имени и фамилии (27) – *Аля Антонова, Валя Мезенцева, Галя Фролова* и др.; по имени и отчеству (9) – *Анна Ефимовна, Катерина Федоровна, Рая Дмитриевна* и др.; по отчеству и фамилии (1) – *Фёдоровна Антонова*.

Широко функционируют в исследуемом антропонимиконе прозвища (16% именника), которые также могут организовывать одночленные модели именования, либо входить в состав двучленных или трехчленных. Из 19 выявленных прозвищ 2 являются самостоятельными одночленными именованиями (*бабушка Полякова, Мессериха*), 16 входят в состав двучленной модели (*Аля Федотовчева, Нинка Тимофеевна, Вера Бигичевская* и др.), 1 функционирует в составе трехчленной модели – *Нина Ивановна Мишиных*.

Из 19 прозвищ 11 являются родовыми. Они, как правило, заканчиваются на *-их (-ых)*: *Филькиных, Сидоровых, Евсиных, Мишиных, Лучинных, Максиных, Макаровчевых*; в более редких случаях – на *-ова (-ева)*: *Полякова, Федотовчева*. Чаще всего родовые прозвища образовывались либо от апеллятива, обозначающего место проживания семьи (*Поляковы*), либо от имени предка-главы семьи – как от полных вариантов имен, так и от дериватов (*Сидоровых, Макаровчевых, Федотовчевы, Мишиных, Филькиных, Максиных*, и т.д.).

Из всех выявленных прозвищ 8 являются индивидуальными, в их основу положены разные принципы номинации – по месту проживания (*Бигичевская – жительница села Бигичи*), по должности (*Бригадир*), по имени матери (*Шурка Оринина*), по отчеству матери (*Тимофеевна – дочь Павлы Тимофеевны*), по отчеству отца (*Савельчевы – две дочери Григория Савельчева*), по отцу (*Васькина – из отчества Васильевна*).

Весьма интересно индивидуальное прозвище на *-иха*, образованное от фамилии (*Мессериха – из Мисюрева*). Можно предположить, что на образование данного прозвища могло оказать влияние название марки немецкого самолета «Мессершмит», русское «прозвание» которого – «мессер» (хорошо известное широкой массе населения по фильмам с тематикой Великой отечественной войны) – имеет фонетическое сходство с фамилией именуемой. Возможно, это послужило причиной тому, что образована форма именно *Мессериха*, а не **Мисюриха*.

Из 110 использованных личных имен полными являются 47, дериватами – 63. Наиболее часто дериваты образуются способом усечения основы и прибавления окончания (*Алевтина > Аля, Клавдия > Клава, Раиса > Рая, Светлана > Света, Надежда > Надя* и т.д.); могут также образовываться с помощью устранения начального гласного (*Елена > Лена, Екатерина > Катерина*). Возможно одновременное применение усечения основы, устранения начального гласного и прибавления окончания (*Олимпиада > Лима, Эмилия > Миля, Анастасия > Настя*), упрощения групп согласных и синкопы (устранения одного или нескольких слогов из корня слова) (*Александра > Сара*), а также сочетание усечения основы и прибавления

антропоформанта (*Татьяна* > *Таня*, *Федосья* > *Феня*, *Клавдия* > *Каня*, *Таисия* > *Тася*).

Образование дериватов при помощи антропоформантов является не продуктивным – около 19%. Выявлено 5 именовании с суффиксом *-к(а)* (*Зойка*, *Ирка*, *Клавка*, *Нинка*, *Шурка*), 3 – с суффиксом *-н(я)* (*Таня*, *Феня*, *Каня*), 2 – с суффиксом *-с(я)* (*Тася*, *Тося*), а так же по 1 – с суффиксами *-ушк(а)* (*Аннушка*), *-ш(а)* (*Машиа*).

Подводя итог, охарактеризуем антропонимикон дневника М.П. Сусловой: в нём наиболее распространены неполные формы именования; широко функционируют дериваты; возможно опосредованное именование женщины по фамилии, отчеству, либо прозвищу. Данные характеристики свидетельствуют о том, что именование женщин осуществляется в соответствии с исторической традицией.

Тем не менее, историческая традиция именования претерпевает значительные изменения:

1. доминирующим способом именования (более 81%) является способ, включающий в состав личное имя женщины, тогда как лишь 18% представлены опосредованным именованием;
2. изменяется способ образования дериватов: вопреки исторической традиции образование вторичных имен при помощи антропоформантов является менее продуктивным;
3. вопреки ожиданиям не было обнаружено именование замужней женщины через антропоним супруга. Традиционное прозвище на *-иха*, образованное от имени супруга, трансформировалось в отфамильное прозвище;
4. традиция именования *незамужней* женщины по имени отца трансформировалась в именование *замужней* женщины по отчеству, а также по отчеству матери или отца, т. е. по имени деда. Можно предположить, что подобная трансформация традиционного именования дала возможность осуществления номинации и по имени матери.

Таким образом, делая вывод, можно говорить о том, что в целом сложившаяся в малых населенных пунктах неофициальная система именования женщин уходит корнями в историческую традицию, которая претерпевает значительную трансформацию.

Список литературы:

- Зинин С.И.* Введение в русскую антропонию – Ташкент, 1972.
Мароевич Р. Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных // Вопросы языкознания – 1981, №5. с. 106-118.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имён – М.: «Русские словари», «Астрель», 2000.

Полякова Е.Н. Из истории русских имен и фамилий. М., Просвещение, 1975.

Суперанская А.В. Современный словарь личных имён – М.: Айрис-пресс, 2005.

Чайкина Ю.И. Именование женщин в новгородских берестяных грамотах XI-XIV вв. // Вопросы ономастики – 2006 №3 с.33-37.

Чайкина Ю.И. Женские имена (начало XVIII в.) // Русская ономастика и ономастика России. М.: Школа-Пресс, 1994 г., с.66-74.

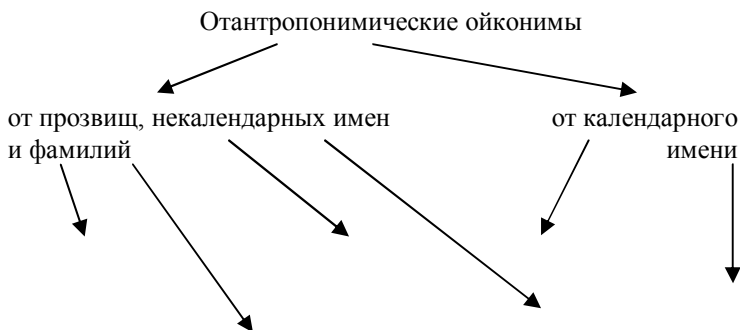
Антропонимы в ойконимии Соликамского района Пермского края

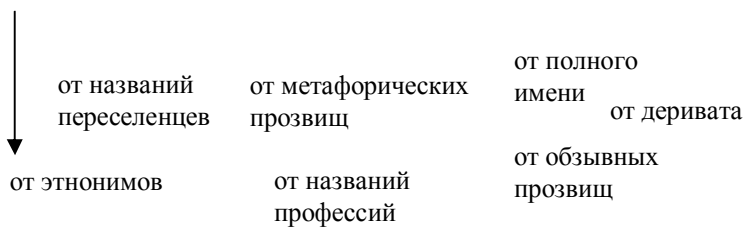
Т.Ю. Шкляева

В работе предпринята попытка рассмотрения антропонимов как основы ойконимов Соликамского района Пермского края. Исследование является частью работы, посвященной ойконимии Соликамского района в целом. Этот район интересен по нескольким причинам. С точки зрения топонимии он представляет собой недостаточно исследованную область, систематических работ по этой теме нами не было найдено. Кроме того, район Соли Камской заселялся русскими одним из первых в границах современного Пермского края и имеет достаточно долгую историю, и потому показателен с точки зрения языка.

Основой исследования явилась составленная нами картотека по материалам сборника «Пермская область: Административно-территориальное деление» за 1963 год. Мы пользовались также аналогичными справочниками за 1967 и 1981 годы, справочником «Список населенных пунктов Пермской губернии по сведениям 1869 года» (Соликамский уезд), и работами В.А. Никонова, А.С. Кривошековой-Гантман, Е.Н. Поляковой, Л.Г. Гусевой и др.

Классификация ойконимов, образованных от антропонимов, может быть представлена следующим образом:

Отантропонимические ойконимы, встречающиеся на исследуемой территории, чрезвычайно разнообразны и составляют большую часть всей ойконимии Соликамского района (139 ойконимов – 46%). Группу отантропонимических ойконимов мы разделили на две большие группы: 1) ойконимы, образованные от календарных имён; 2) ойконимы, образованные от некалендарных имён, прозвищ и фамилий.

Ойконимы, образованные от некалендарных имен, прозвищ или фамилий, составляют 61% от всего множества отантропонимических ойконимов. Их можно, в свою очередь, классифицировать следующим образом:

1) Ойконимы, образованные от этнонимов. В сборнике за 1963 год нами были обнаружены 7 ойконимов (8% группы названий населенных пунктов, образованных от некалендарных имен и прозвищ), образованных от этнонимов:

Большие Гоголята, Малые Гоголята. В бассейне Уролки существуют населённые пункты с такими названиями, как *Воголята*, иногда *Гоголята*. В их основу положен русский дореволюционный этноним *вогуличи (гогуличи)*, то есть манси [Кривощёкова-Гантман, 1973, 48].

Зыряна(ы). Это и другие, уже исчезнувшие названия, образованные от этнонима *зырян*, свидетельствуют о миграциях населения с бассейна Вычегды и других мест, где жили коми-зыряне, в Прикамье и в Приуралье. Попав в новые места, пришельцы получали у местного населения прозвище по русскому дореволюционному этнониму *зырян, зыряна, зыряны*. Этноним представлен и в широко распространённой в Прикамье и Западной Сибири фамилии Зырянов [Кривощёкова-Гантман, 1983, 89].

Хохлова. Этимология этого ойконима спорна. С одной стороны, этот населенный пункт может называться по просторечному названию украинца – *хохол*; с другой стороны, ойконим может быть образован от обзывного прозвища *Хохол*.

Также к отэтнонимическим ойконимам можно отнести ойконимы **Татарское** и **Чувашева**.

Как можно увидеть, здесь в качестве производящих основ для ойконимов представлены самые разнообразные этнонимы: слова, обозначающие и финно-угорские народы (вогуличи, зыряне), и тюркские (татары и чувашаи), и славянские (хохлы). Это отражает, что на протяжении всей истории Соли Камской, на этой территории соседствовали народы разных групп (например, многие исследователи отмечали, что соседство манси и тюркских племён было весьма характерно для территории Верхнего Прикамья).

2) Ойконимы, образованные от названий людей по месту, откуда они прибыли в район Соли Камской. Таких ойконимов в Соликамском районе пять (5,5%): **Балахонцы** (словом *балахонец* называли переселенца из Балахны); **Вяткина** (это деревня, где обосновались переселенцы с реки Вятки, протекающей в современной Кировской области; таких ойконимов в Соликамском районе два); **Кокшары** (от названия людей с р. Кокшенги, которая течёт в Вологодской и Архангельской областях); и **Пеняхина** (с р. Пинеги, правого притока Северной Двины).

Существует ещё ойконим **Камынина**; Словарь русских народных говоров говорит, что *камыня* – это ‘житель Камы, торговец лошадиный’ Сиб. [СРНГ, 13, 23]. Можно предположить, что это прозвище было дано человеку, пришедшему с берегов Камы, который обосновался в Соликамском районе вдали от вышеназванной реки.

3) Ойконимы, образованные от названий людей по профессии. Таковых ойконимов в Соликамском районе насчитывается четыре (4,5%): **Большая Кузнецова, Кузнецова, Малая Кузнецова, Санникова** (ср. *санничать* ‘заниматься изготовлением саней’ [СРНГ, 36, 123]).

4) Ойконимы, образованные от метафорических прозвищ, которые позднее перешли в фамилии (54%). Это самая большая лексическая группа среди ойконимов, образованных от некалендарных имен, фамилий и прозвищ. Прозвища давались на основе сопоставления людей с различными явлениями и представителями живой природы:

4.1. С животными; к этой группе относятся такие ойконимы (17% от всей группы ойконимов, образованных от метафорических прозвищ):

Бараново; Белкина; Бушмак (*бушмак* ‘годовая тёлка’, татар. [Даль, I, 255]); **Быкова; Куницына; Лопаницына; Лосиново.**

4.2. С птицами; следующие названия населённых пунктов (19%):

Жуланова (*жулан* ‘снегирь’ [Даль, I, 903]); **Зуева** (2 ойконима) (*зуй, зуёк* ‘общее название небольших куликов разных видов’ [Даль, I, 152]), **Лебеди, Петухи, Сириновое** (ср. *сирина* ‘птица сова, или филин, или пугач; долгохвостая сова, похожая на ястреба’ [Даль, IV, стр.187]), **Соколова, Тетерина, Тетерино.**

Однако ситуация с некоторыми ойконимами из этой и предыдущей группы не может считаться однозначной. Так, прозвища *баран* и *петух* могли даваться не только на основе сопоставления с животным *баран* и птицей *петух*. В просторечии *бараном* называют глупого, бестолкового, упрямого человека, а *петух* в пермских говорах – нередко обозначение распутного человека (*петух* ‘распутник [СРНГ, 26, 145]). В диалектах также есть устоявшееся выражение *глухая тетеря* или просто *тетеря* для обозначения тупого на ухо человека (*тетеря*, *глухая тетеря* ‘глухой или тупой, глупый, бестолковый человек’ [Даль, IV, 456]) Таким образом, ойконимы ***Бараново, Петухи, Тетерина*** и ***Тетерино*** могут быть образованы и от обзывных прозвищ.

4.3. С насекомыми (8%);

Жуклина, Верхнее Мошево, Комарова, Нижнее Мошево.

Ойконим ***Мошево*** происходит от коми *мош* ‘пчела, шмель; перен. ‘тот, кто непрерывно канючит, надоедает, жужжит’. Таким образом, это снова скорее обзывное прозвище, нежели метафорическое. [Кривошекова-Гантман, 1983, 123]

4.4. С растениями; это весьма многочисленная группа ойконимов (31%): ***Берёзова, Берёзовка, Калинкина, Калиновка, Кедрова, Кедровка, Липова, Малиновка*** (3 ойконима), ***Пихтово, Осиновка, Осокино, Толокново, Травникова;***

Многие прозвища возникали из слов, называвших:

4.5 Различные предметы быта (19%):

Гребешки, Клепики (*клепик* ‘небольшой нож; сапожный нож’ Перм. [СРНГ, 13, 23]), ***Клепикова, Кочергина (2), Пайвина*** (*пайва* ‘короб, корзина, котомка из бересты’ [СРНГ, 25, 153]), ***Пестерёва;***

4.6. Одежду – ***Гунина*** (2 %);

4.7. Продукты и кушанья – ***Караваева, Сметанина*** (4%).

И здесь многие прозвища, давшие ойконимы не поддаются однозначному толкованию: так, слово *гуня* существует в диалектах не только как обозначение любой верхней одежды, но и как прозвище неряшливого человека: ср. *гуня* ‘неопрятный человек’ Пск., Новг. [СРНГ, 7, 236]; *гуна, гуня* ‘вялый, нерасторопный человек; *гуня мокрая* – неряха и пьяница’ [Даль, I, 671]. *Кочерга* может означать как кочергу саму по себе, так и хромого человека (*кочерга* ‘прозвище хромого’ [СРНГ, 15, 126]). Название деревни ***Пестерёва*** образовано от слова *пестерь*, что в пермских говорах означает ‘высокая корзина из прутьев и корней’, перен. ‘неуклюжий, неповоротливый, топорной внешности толстяк’ [Кривошекова-Гантман, 1983, 135]; в СРНГ также присутствует переносное значение слова *пестерь*: ‘о неловком, неуклюжем человеке’ Сиб.; ‘о глупом, пустом человеке; о бестолковом человеке’ Вят., Перм. [СРНГ, 26, 149]. Название деревни ***Гребешки*** может означать ‘снаряд с зубьями для различного употребления’ [Даль,

I, 645]. Однако есть и географический термин *гребень*, означающий: 1. 'продолговатая вершина холма, горы' (это значение распространено в Соликамском районе); 2. 'вытянутый узкий лес'; 3. 'вытянутое узкое повышение на поле'; 4. 'длинная полоса песка на дне реки'; 5. 'место совпадения, слияния двух потоков в реке' [СГТ, 99]. Таким образом, ойконим **Гребешки** может быть образован как от имени нарицательного (от географического термина), так и от имени собственного.

Иногда прозвища метафорического характера были и оценочными, в них обнаруживается негативная коннотация, свидетельствующая о критическом отношении к называемому. Таковы, например, многочисленные прозвища, возникшие в результате сравнения людей с чурбанами, бревнами, столбами, палками. К таким ойконимам относится название *Тюлькино*. По Далю, *тюлька* 'болван, чурбан, обрубок' вят., пен., влгд.; *тюляшить* 'ходить тяжело, неуклюже' новг. [Даль, IV, 451]. Скорее всего, прозвищем *Тюлька* называли человека, тяжело и неуклюже передвигающегося. Похожим образом обстоит дело и с ойконимом *Ощепково* (*ощепка* 'полено, от которого щиплют лучину' [СРНГ, 25, 88]).

5) Ойконимы, образованные от обзывных прозвищ. Это тоже крупная лексическая группа среди отантропонимических ойконимов, образованных от некалендарных имен и фамилий (28%). В прозвищах, дававшихся людям, отмечались следующие черты:

5.1. Особенности внешности, в том числе:

а) его рост (16%):

Вершинина (*вершина* 'прозвище человека высокого роста' Волог. [СРНГ, 4, 157]); *Высокова*; *Мальцева*; *Пешково* (*пешка* 'о человеке маленького роста' Солик., Перм. [СРНГ, 27, 203]);

б) его комплекцию (16%); *Бугаева* (*бугай* 'о большом, сильном, здоровом человеке'; 'о праздном, ленивом человеке; о сильном, здоровом, но ленивом человеке'; 'о толстом, жирном и женолюбивом человеке'; 'о глупом, бестолковом человеке; о большом, здоровом и глупом человеке'; [СРНГ, 3, 67]; *бугай* 'бран. о мужчине' [Акчим, I, 96]); *Кулакова*; *Лобаны* (*лобан* 'обычно неодобр.; крупный мальчик или мужчина' Волог., Перм.; [СРНГ, 17, 67]); *Пузаны* (*пузан* 'о лентяе' Пинеж., Арх. [СРНГ, 33, 28]),

в) особенности лица, головы (4%): *Овиново*; ср. *овин* 'о непричесанных, взлохмаченных волосах'. Такое прозвище мог получить человек, у которого *на голове овин*; от этого прозвища мог образоваться и ойконим.

г) цвет волос (4%): *Русин(ово)*; правда, прозвище *Русин* могло быть и не связано с цветом волос человека, так как Русин – это ещё и древнерусское календарное имя; см. ниже.

д) прочие особые черты внешности (4%): *Трезубы*; *трезуб* ‘человек, у которого тройной зуб; почитается в народе опасным, знахарем’ [Даль, IV];

5.2. Недостатки поведения (4%): *Лечканово*; *лечкать* ‘пить’ [СРНГ, 17, 29]; скорее всего, прозвище *Лечкан* было дано не в меру пьющему спиртное человеку;

5.3. Манера двигаться (8%): *Комино*; *кома* ‘прозвище неуклюжего, неповоротливого человека’ Сев.-Двин., Новг. [СРНГ, 14, 224]; *Косолапова*.

5.4. Черты характера (44%):

Брезгина (*брезга* ‘ворчливый человек, брюзга’ Пск.; ‘скупой человек, скряга’ Пск.; [СРНГ, 3, 59]); *Голухино* (*галуха*, *голуха* ‘шутник, проказник, краснобай, весельчак, забавник, потешник’ [Даль, I, 563]; *галуха* ‘шутник, шутница; балагур, балагурка;’ Вят., Олон., Арх.; ‘странный человек; неуклюжий, смешной человек’ Свердл., Перм. [СРНГ, 6, 65]); *Диганы* (*диганить* ‘насмехаться, издеваться, трунить, дразнить, не давая покоя’ [СРНГ, 8, 52]); *Ерзовки*(а) (ср. *ерзоватый* ‘пролазчивый, пронырливый’ [Даль, I, 860]), *Кокорина*, *Лемзер* (ср. *лемза* ‘растяпа, ротозей’ Урал. см. *лямза*, *лемзер*; [СРНГ, 16, 349]; *лямза* 1. ‘растяпа, ротозей’ Свердл.; 2. ‘медлительный в работе, нерасторопный человек’ Пск.; 3. ‘вор, воришка’ Перм.; *лямзур* ‘растяпа, недотёпа’ Свердл., Ср. Урал [СРНГ, 17, 275], *Маргина* (ср. *маргать* ‘привередничать’ Твер. [СРНГ, 17, 120]); *Погалёшкино* (ср. *погалить* ‘посмеяться, пошутить, поиздеваться’ Олон. [СРНГ, 27, 34]; *погалиться* ‘поиздеваться, посмеяться над кем-либо’ Холм., Пинеж., Арх. [СРНГ, 27, 286]). Скорее всего, название деревни образовано от прозвища *Погалёшка*, отглагольного существительного с семантикой ‘тот, кто издевается, подшучивает над кем-либо’; правда, название *Погалёшкино* могло быть произведено от того же прозвища, но в значении ‘короткий чулок без пятки и носка’ Свердл. [СРНГ, 27, 286]; *Самодуры*(ово), *самодур* ‘упрямый человек’ Пск. [СРНГ, 36, 116]; *Щекино* (*щека* ‘бойкий говорун, болтуня, таранта’ Об. [Даль, IV, 653]).

Следует заметить, что многие прозвища, давшие фамилии, были, по своей сути, древнерусскими некалендарными именами. Они тоже дали несколько ойконимов на исследуемой территории: **Русиново** и **Тренина** (<*Треня*<*Третьяк*, третий ребёнок в семье).

Вторую большую группу антропонимических ойконимов составляют ойконимы, производные от тех или иных христианских календарных имен (эта группа составляет 39%). Ойконимы могут быть образованы как от полных форм имени, так и от неполных – от дериватов. Как известно, есть такие полные имена, от каждого из которых создано более ста разных именовании. Количество

образований зависит прежде всего от того, насколько давно и как часто употреблялось имя в русской антропонимии. В числе неполных имён есть те, которые используются обычно в неофициальной обстановке и не имеют никакого другого оттенка, кроме оттенка неофициальности. Однако среди образований от полных имён много и оценочных ойконимов.

Ойконимов, образованных от полных календарных имён, было найдено 20:

Абрамово (Пестерево) (< *Абрам* < *Авраам*), *Андреева* (< *Андрей*), *Антипина* (< *Антип*), *Аристовая* (< *Арист*), *Борисова* (< *Борис*), *Вавилова* (< *Вавила*), *Васильева* (< *Василий*), *Григорова* (< *Григорий*), *Егориха* (< *Егор*, *Егорий*), *Ефремы* (< *Ефрем*), *Кирилова*(ка) (< *Кирилл*), *Клименская* (< *Клим*, *Климентий*), *Лёвина* (< *Лев*), *Лёвино* (то же), *Малая Романова* (то же), *Опросинина* (< *Ефросинья*), *Петрово* (< *Пётр*), *Романово* (< *Роман*), *Сидорова* (< *Сидор*), *Филаретиха* (< *Филарет*), *Филиппьева* (< *Филипп*).

Отдельно стоит отметить ойконим *Тохтуева*, который образован от татарского имени *Тохтуй*, и ойконим *Разим*, целиком представляющий собой башкирское мужское имя.

Ойконимов, образованных от дериватов, нами было найдено 30:

Алёкина (< *Алёка* < *Алексей*), *Вавилкова* (< *Вавилка* < *Вавила*), *Варькова* (< *Варька* < *Варя* < *Варвара*), *Володино* (< *Володя* < *Владимир*), *Гашикова* (< *Гашка* < *Герасим*), *Елькино* (< *Елька* < *Елисей*), *Епишина* (< *Епифан*), *Ескина*, *Ескино* (< *Еська* < *Осип* < *Иосиф*), *Зенкова* (< *Зенко* < *Зиновий*), *Ившино* (< *Ивша* < *Иван*), *Игнашина* (< *Игнаша* < *Игнат*), *Канахино* (< *Канаха* < *Конан*), *Ларина* (< *Ларя* < *Ларион* < *Илларион*), *Никино* (< *Ника* < *Никита*), *Оськино* (< *Ося* < *Осип* < *Иосиф*), *Парасина* (< *Параша* < *Прасковья*), *Пашиовка* (< *Пашика* < *Пашиа* < *Павел*), *Першина* (< *Перша* < *Перфилий*), *Пимшина*, *Пимшино* (< *Пимша* < *Пимен*), *Сенькино* (< *Сенька* < *Семён*), *Силкино* (< *Силка* < *Сила*), *Терёхин* (< *Терёха* < *Терентий*), *Тиминая* (< *Тима* < *Тимофей*), *Титкова* (< *Титок* < *Тит*), *Федюнькина* (< *Федюнька* < *Федя* < *Фёдор*), *Харенки* (< *Харёнок* < *Харен* < *Харитон*), *Юрина* (< *Юра* < *Юрий*), *Яшина* (< *Яша* < *Яков*).

В целом, об ойконимах, производных от антропонимов, можно сказать следующее.

Ойконимы Соликамского района образованы от самых разнообразных антропонимов, как от христианских, так и от нехристианских. Основными группами для образования ойконимов послужили календарные имена (как полные, так и дериваты), и обзывные и метафорические прозвища.

Среди группы антропонимов, образованных от некалендарных имён и фамилий, нерусская лексика встречается редко. Нерусская

лексика представлена заимствованиями из финно-угорских (Верхнее и Нижнее Мошево, Лемзер) и из тюркских (Бугаево, Тохтуево) языков.

Список литературы с сокращениями.

Акчим – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской Области. Пермь, 1984. Вып.1.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырёх томах. Т. 1. М., 2006.

Кривошекова-Гантман А.С. Географические названия Верхнего Прикамья: С кратким топонимическим словарём. Пермь, 1983.

Кривошекова-Гантман А.С. Откуда эти названия? Пермь, 1973.

Пермская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1963 г. Пермь, 1963.

Пермская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1967 г. Пермь, 1969.

Пермская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1981 г. Пермь, 1982.

Список населенных мест по сведениям 1869 г. Пермская губерния. Пермь, 1871.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П.Филина. Вып 1 – 40-. Л., СПб., 1952.

Сведения об авторах

1. Архипенкова Ирина Сергеевна, копирайтер ООО «Открытие-Пермь».

2. Белова Лариса Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета.

3. Васнева Ольга Ивановна, старший преподаватель кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета.

4. Гордеева Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Пермского государственного педагогического университета.

5. Ерофеева Елена Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

6. Ерофеева Тамара Ивановна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

7. Ефимова Анна Владимировна, аспирант кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

8. Кривошекова Любовь Валерьевна, ассистент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Пермского государственного университета.

9. Лобанова Алевтина Степановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Пермского государственного педагогического университета, директор Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа.

10. Логунова Наталия Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Соликамского государственного педагогического университета.

11. Мазитова Лариса Львовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы Соликамского государственного педагогического университета.

12. Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой речевой коммуникации Пермского государственного университета.

13. Поздеева Светлана Михайловна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего языкознания Пермского государственного университета, специалист по развитию туризма администрации г. Кунгура.

14. Полякова Елена Николаевна, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета, член комиссии по наименованию улиц и других объектов Перми при администрации Пермской городской администрации.

15. Потапова Нона Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

16. Симушова Ольга, студентка 4 курса филологического факультета Пермского государственного университета.

17. Черепанова Лариса Львовна, старший преподаватель кафедры журналистики Пермского государственного университета.

18. Шкляева Татьяна Юрьевна, студентка 4 курса филологического факультета Пермского государственного университета.

Научное издание

Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и
исследования

Редактор И.И. Русинова
Технический редактор Г.П. Богатырев

Корректоры И.И. Русинова, Л.С. Рассанова
Компьютерная верстка Л.С. Рассанова, Ю.В. Зверева

Подписано в печать Формат
. Усл. печ. л.
Тираж 250 экз. Заказ №

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе
предпринимателем П.Г.Богатыревым
Свидетельство ВГ № 16396 от 06.08.98,
выданное адм. Свердловского района г. Перми

Адрес: г. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 122
Тел.: 236-53-43, тел/факс 236-53-53
e-mail: ld36@yandex.ru